

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК II

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» 2009 ГОДА

К 255-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК II

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» 2009 ГОДА**

**Севастополь
2010**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск II. Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы VII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2010. – 113 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 7-8 октября 2009 г. на заседаниях VII Международной научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии, культурологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

Трифонов В.А.,	кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
Иванов В.А.,	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузицин В.И.,	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Усов С.А.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, профессор кафедры новой и новейшей истории ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
Бойцова Е.Е.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Ставицкий А.В.,	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Мартынкин А.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Хапаев В.В.	зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Мемории	
<i>Филимонов С.Б.</i> К археографической истории сочинения академика П.С. Палласа о Крыме	8
Новая история	
<i>Агатова М.А.</i> Как в 1909 году отмечали 50-летие Таврической епархии: малоизвестные материалы к 150-летию епархии	12
<i>Крапивин А.В.</i> Политика Российского правительства в отношении южнославянских поселенцев в Причерноморье (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.)	15
<i>Линецкая Т.А.</i> Роль М.С. Воронцова в социально-экономическом преобразовании Тавриды	27
<i>Новикова Е.В.</i> Феодосийский учительский институт	32
<i>Филас В.Н.</i> Зарождение и становление Черноморского флота России: историографический и археографический аспекты	34
Новейшая история	
<i>Арифов А.С.</i> К вопросу о творческом наследии крымоведа Усеина Боданинского	40
<i>Крапивенцев М.Ю.</i> Новые документы по истории создания Крымской АССР в 1921 г.	45
<i>Никитина И.В.</i> Балаклава. Год 1921	54
Философия и духовность	
<i>Арутюнян Л.В.</i> Национально-религиозная идентичность крымских армян.	60
История природопользования	
<i>Каширина Е.С.</i> История природопользования Байдарской долины и его геоэкологические следствия	70
<i>Подбельцева Е.В.</i> История возникновения портовых хозяйств на территории современной Украины	75
Научное творчество студентов	
<i>Крапивенцева В.А.</i> Предпосылки голода в Крыму в 1921-1923 годах	82
<i>Кузьмина А.В.</i> Методика изучения истории предприятия в винодельческой промышленности	86
<i>Сидорович Е.С.</i> Российско-французские экономические связи в конце XVIII – начале XIX вв. как фактор развития Новороссии	91
<i>Терентьева Е.М.</i> Устное народное творчество как источник для изучения миропонимания крымских татар	97
<i>Терехова М.В.</i> Национальные особенности традиционного природопользования крымских татар	106

ПРЕДИСЛОВИЕ

7-8 октября 2009 года в Филиале МГУ в г. Севастополе в седьмой раз прошла Международная научная конференция «Лазаревские чтения. История, политика, культура». Оргкомитет конференции по традиции возглавил директор Филиала МГУ в г. Севастополе В.А. Трифонов. В этом году она проводилась на базе двух кафедр: Истории и международных отношений, а также Геоэкологии и природопользования.

Заседания конференции проводились по трем секциям:

- Древняя и средневековая история Причерноморья;
- Новая и новейшая история России и стран Причерноморья;
- Международные отношения в Причерноморье;
- История природопользования в Причерноморье.

На пленарном заседании были зачитаны обобщающие доклады по актуальным проблемам истории и международных отношений в Причерноморье.

Предлагаемый вниманию читателя второй выпуск серии Б настоящего сборника подводит итоги работы секции «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья», в рамках которой прошли два тематических заседания.

На первом из них основное внимание было уделено истории Черноморского флота, Севастополя и Крыма в 20-е годы XX в. в связи с острой дискуссионностью многих проблем истории этого периода.

На заседании 8 октября дискутировались проблемы формирования системы образования в Крыму в дореволюционный период, а также история национальных общин Крыма.

В сборник также включены отдельные доклады, представленные на секции «История природопользования в Причерноморье». В ходе ее работы основное внимание уделялось проблемам рекреационного развития региона, учету исторического опыта народов Причерноморья в организации рационального природопользования.

В конференции приняли участие и выступили с докладами более 80 ученых, преподавателей, аспирантов и студентов из 11 городов России, Украины и Чехии. Пленарное и секционные заседания конференции за два дня ее работы посетило около 230 слушателей.

Среди выступивших с докладами – 8 профессоров, докторов наук, 20 кандидатов наук; профессора, доценты и научные сотрудники 16 вузов, четырех академических НИИ, пяти государственных музеев и архивов. Наравне с маститыми учеными, в конференции традиционно принимали участие студенты и аспиранты – историки, географы, управленцы из Севастополя, Москвы, Симферополя, Ялты, Херсона и других городов.

Работа конференции широко освещалась средствами массовой информации.

Многие из выступивших на конференции принимают участие в ее работе не в первый раз. Постоянно расширяется ее география. Дискуссии на заседаниях и общение в кулуарах способствует установлению научных контактов, рождению новаторских проектов, формированию творческих коллективов, началу междисциплинарных исследований.

Оргкомитет

I МЕМОРИИ

К АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СОЧИНЕНИЯ АКАДЕМИКА П.С. ПАЛЛАСА О КРЫМЕ

Филимонов С.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Как известно, ценнейшим источником по истории Крыма конца XVIII века, периода включения полуострова в состав Российской империи, является двухтомное сочинение знаменитого ученого–энциклопедиста и путешественника академика Петра Симона Палласа (1741 – 1811) «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах». Второй том этого труда целиком посвящен Крыму [4; 6, с. 268-272]. П.С. Паллас характеризует Крым, по возможности, всесторонне: он рассматривает вопросы его географии, геологии, флоры, фауны, археологии, этнографии, истории, лингвистики, хозяйственной деятельности народов, административного устройства и т.д. По причине многообразия вопросов, изложенных в сочинении П.С.Палласа, этот его труд давно и энергично используется крымоведами разных специальностей. В связи с популярностью сочинения П.С. Палласа у исследователей, представляется целесообразным обратить их внимание на некоторые вопросы происхождения и публикации этого выдающегося по значимости источника.

Питер Симон Паллас (в России его называли Петром Семеновичем) родился в 1741 году в Берлине в семье профессора анатомии Берлинской медицинской академии. Получил прекрасное домашнее воспитание и энциклопедическое образование, слушая лекции по физике, математике, естественным наукам и медицине в различных университетах Германии. В 19–летнем возрасте он защитил докторскую диссертацию «О врагах, живущих в теле животных». Слава о молодом ученом, расходясь по Европе, достигла России, где энергичная императрица Екатерина II заботилась не только о расширении государственных границ, но и о развитии науки. В 1767 году 26–летний П.С. Паллас был избран членом Петербургской академии наук и приглашен на службу в Россию.

В 1768 – 1774 гг., в течение шести лет, П.С.Паллас провел экспедиционные обследования европейской части России, Урала и Сибири, в результате которых опубликовал фундаментальные труды: «Путешествие по разным провинциям Российского государства» в трех томах (1773 – 1788), двухтомник «Флора России» (1784 – 1788), другие исследования. Как известно, научное наследие П.С. Палласа насчитывает 170 печатных работ, десятки из которых являлись многотомными фундаментальными исследованиями. Напомню также, что П.С.Паллас, немец по национальности, писал свои труды, как правило, на родном языке, а в деловой переписке пользовался французским, поэтому его работы выходили сначала на иностранных языках и уже позднее переводились на русский.

В 1793 – 1794 годах П.С. Паллас обследовал только что, в 1783 году, присоединенный к России Крым. В 1795 году краткое предварительное исследование П.С. Палласа – его труд «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области» – был опубликован поначалу на французском языке, и немедленно вслед за этим – в переводах на русский и немецкий языки.

В том же 1795 году 54–летний П.С. Паллас обосновался в Крыму, где прожил 14 лет, до 1809 года, и получил возможность существенно пополнить свои ученые наблюдения, сделанные во время первой краткой поездки. В результате в 1799 – 1801 годах в Лейпциге на немецком языке вышел двухтомный труд П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах». Научная ценность сочинения П.С. Палласа была столь велика, что в 1801, 1805 и 1811 годах оно издается в Лейпциге и Париже на французском языке, в 1802, 1803 и 1812 годах – в Лондоне на английском, в 1803 году в сокращенном виде – вновь в Лейпциге на немецком. Только Россия почти весь XIX век оставалась в стороне от этого потока пере-

водов. Лишь в 1881 и 1883 годах в «Записках Одесского общества истории и древностей» появились в переводе на русский язык два фрагмента 2-го тома сочинения П.С. Палласа, но даже не с первого, полного издания 1801 года, а с краткого немецкого 1803 года (в 12-м томе «Записок» – «Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах» (перевод подписан инициалами М.С.; как выясняется, он был выполнен Марией Славич-Сосногоровой), в 13-м томе «Записок» – «Поездка по внутренности Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань» (примечания Григория Караулова). Повторяю, что эти переводы явились лишь выдержками из не самого качественного издания сочинения П.С.Палласа о Крыме.

Прошло почти сорок лет. 14 (27) февраля 1918 года выдающийся крымовец Александр Львович Бертъе-Делагард (1842 – 1920) пишет в Таврическую ученую архивную комиссию (ТУАК) письмо, в котором намечает программу издания Комиссией записок иностранцев о Крыме в переводе на русский язык. (Письмо это в 1920 году было напечатано в издании, не попавшем в библиографический справочник [2], и потому с тех пор остававшемся малоизвестным). По мнению А.Л. Бертъе-Делагарда, «не следует строго гоняться за хронологией, и лучше будет взять быка прямо за рога и начать с труднейшего, но и наибольшего по научному значению – путешествия Палласа. Это большой том, около 65 печатных листов, с атласом в 30 таблиц и карт, с 14 виньетками в тексте. Перевод этого сочинения очень труден, требуя не только отчетливого знания языка, но и неприменного, хорошего понимания и настоящего, и современного Палласу состояния естественных наук, особенно при нем зарождавшейся геологии; точное и подробное знание переводчиком описываемой страны также, безусловно, необходимо. Отсутствие этих условий ведет к такому истинно ужасному переводу, как помещенный в «Зап[исках] Од[есского] Общ[ества] Ист[ории] и Др[евностей]», где едва ли найдется верно переданная фраза» [3, с. 11].

Письмо А.Л. Бертъе-Делагарда было доложено на заседании ТУАК 26 марта 1918 года. Как отмечено в протоколе заседания (протокол напечатан в уже упоминавшемся нами выше издании, остававшемся малоизвестным), «это письмо было выслушано собранием с высоким интересом и вызвало всестороннее обсуждение поднятого почтенным автором вопроса. Собрание отнеслось к мысли Александра Львович с единодушным сочувствием и согласилось со всеми его соображениями относительно характера издания, предприняемого Комиссией. Отложив на некоторое время обсуждение деталей этого издания, собрание постановило:

- а) просить А.Л. Бертъе-Делагарда принять живое участие в переводе своим трудом и взять на себя, прежде всего, перевод сочинения Палласа о Тавриде;
- б) открыть подписку между членами Комиссии и другими лицами на осуществление предприняемого Комиссией издания;
- в) за перевод книги Палласа назначить сумму в 2000 – 2500 рублей» [3, с. 12].

Выполняя просьбу ТУАК, уже тяжело больной А.Л. Бертъе-Делагард, совместно со своей сестрой С.Л. Белявской, в марте – июне 1918 года подготовили к печати новый перевод труда Палласа о Крыме, взяв за основу немецкое издание 1801 года. Этот перевод был обсужден на заседании ТУАК 22 декабря 1918 года, на котором присутствовали такие авторитетные ученые, как геолог и палеонтолог академик Н.И. Андрусов, историк профессор Г.В. Вернадский, ботаник Е.В. Вульф, ректор Таврического университета анатом профессор Р.И. Гельвиг, литературовед профессор Н.К. Гудзий, декан историко-филологического факультета Таврического университета историк и филолог А.Н. Деревицкий, геолог П.А. Двойченко, историк литературы профессор А.П. Кадлубовский, филолог профессор В.А. Розов, археолог и историк Н.Л. Эрнст и др. Как зафиксировано в протоколе заседания (протокол напечатан все в том же остававшемся малоизвестным издании), «председатель (А.И.Маркевич. – С.Ф.) представил вниманию Комиссии перевод сочинения академика П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793 и 1794 гг. Второй том (касающийся Тавриды)». Перевод исполнен почетным членом Комиссии А.Л. Бертъе-Делагардом. Собрание с глубоким интересом выслушало несколько отрывков из этого труда и убедилось

как в верности и точности перевода, так и научности его, правильности и легкости языка. Постановлено: выразить А.Л. Бертье-Делагарду усерднейшую благодарность Комиссии за исполненный им громадный труд» [3, с. 32].

Увы, издать этот труд ни в годы Гражданской войны, ни в советский период отечественной истории не удалось. Рукопись перевода хранилась в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь). В 1985 году заметка обзорного характера об этой рукописи, написанная автором настоящих строк, была напечатана в издании Академии наук СССР [7]. В 1986 году Архив АН СССР (г. Москва) начал работу по подготовке этой рукописи и печати, завершённую в 1999 г. уже Российской академией наук [5]. Публикуя предисловие («От переводчиков»), написанное рукой сестры А.Л. Бертье-Делагарда С.Л. Белявской под его диктовку, издатели опустили часть текста, сообщив в примечании: «Далее опущены 14 строк машинописного текста (неточность; текст предисловия рукописный. – С.Ф.), не имеющего прямого отношения к теме настоящего издания». Что же содержат опущенные издателями строки? Вот этот текст: *«Крушение Русского государства в наши горькие времена возбудило особое внимание к познанию и пониманию бывших его окраинных частей; опасность и возможность потери их, а между ними и Тавриды, лучшей жемчужины государства, заставила всех к ней близких, любящих ее как родную землю, думать о ее судьбах. Чем она была до перехода к России? Чем стало это разбойничье гнездо, перейдя в культурные руки? Ответы на эти вопросы ближе всего найдутся в старых первоначальных исследованиях, тем более значащих, что они делались иностранцами, с особою подозрительностью и даже злостною ненавистью смотревших на успехи России на берегах Черного моря. Их правдивость требует внимательного критического изучения, но их всего менее можно заподозрить в пристрастии и особой благосклонности к нашему отечеству. Вот поводы, побудившие Таврическую ученую архивную комиссию ближе познать Россию с трудами исследователей Тавриды»* [1, л. 1-2]. Как видим, этот текст, написанный А.Л. Бертье-Делагардом в «злополучнейшем в истории России» 1918 году [8, с. 31-35], выдает в его авторе, блестящем военном инженере и замечательном знатоке истории Крыма, еще и великого русского патриота. В обстановке русофобии, после распада СССР нагнетавшейся властями в некоторых бывших союзных республиках (в том числе в Украине), опубликовать вышепротитированный текст было для Российской академии наук, наверное, чревато неприятными последствиями. Поэтому, думается, издатели и пошли на публикацию документа с купюрой.

Таким образом, сочинение академика П.С. Палласа о Крыме, впервые изданное на немецком языке еще в 1801 году, с особой тщательностью переведенное на русский язык таким знатоком Крыма и его истории, как А.Л. Бертье-Делагард в 1918 году, и изданное Российской академией наук в переводе А.Л. Бертье-Делагарда в 1999 году, почти два века спустя после первого своего выхода в свет, стало, наконец, в полном объеме доступно широкому кругу русскоязычных читателей и, несомненно, послужит в качестве исторического источника не одному поколению крымоведов.

Источники и литература:

1. Архив А.Л. Бертье-Делагарда. Центральный музей Тавриды. КП–22971. Д. 8686.
2. Вісті Таврійської вченої архівної комісії і Таврійського товариства історії, археології та етнографії (1887-1931): бібліографічний покажчик / укладач Л.Шаріпова. К., 1994.
3. ИТУАК (Приложение к № 57). Симферополь, 1920.
4. Маркевич А.И. Академик П.С.Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды: (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. № 47. С. 167-242.
5. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793 – 1794 годах / пер. с нем. М., 1999. 246 с.
6. Сухоруков В.Н. Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2007.
7. Филимонов С.Б. О подготовке А.Л. Бертье-Делагардом к печати сочинения П.С. Палласа о Крыме // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 270-272.
8. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917-1920): поиски и находки источникововеда. Симферополь, 2006.

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

КАК В 1909 ГОДУ ОТМЕЧАЛИ 50-ЛЕТИЕ ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХИИ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К 150-ЛЕТИЮ ЕПАРХИИ

АГАТОВА М.А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

История самостоятельного существования Крымской епархии, в нынешнем, 2009, году насчитывает 150 лет. 16 ноября (здесь и далее старый стиль) 1859 г. был Высочайше утвержден доклад Священного Синода об открытии самостоятельной Таврической епархии. В связи с этим, представляют интерес все важные церковные события, происшедшие за 150 лет в епархиальной жизни.

Работая с дореволюционными источниками, мною были выявлены некоторые малоизвестные публикации, остававшиеся вне поля зрения предшествующих исследователей истории Таврической епархии.

Первая публикация содержит информацию по подготовке к юбилею епархии. Заметка опубликована в Таврическом церковно-общественном вестнике за 1909 г. под названием «К предстоящему 50-летию Таврической епархии». Из заметки явствует, что по поручению епископа Таврического Алексия особая комиссия составила проект юбилейного торжества, который был утвержден Указом Священного Синода от 6 ноября 1908 г. № 14171. К празднику начали реставрировать главный алтарь Симферопольского кафедрального собора. Один из меценатов пожертвовал на это, по тем временам, значительную сумму денег – 800 руб. Также сочувственно отозвалось на призыв Владыки таврическое дворянство, внося свою лепту на украшение собора. Однако в заметке указывалось на множество проблем, касающихся ремонта и благолепия храма. Доходы едва покрывали неотложные расходы. Помимо всего, здесь публиковалась и программа проведения торжества. Практически все задуманные мероприятия проведены в том порядке и составе, который был определен высшим духовенством [3].

Большой интерес, подтверждающий исполнение замысла, представляет сборник материалов «Пятидесятилетний юбилей Таврической епархии» (Симферополь, 1909). Сборник содержит Высочайшую телеграмму с поздравлениями от императора Николая II, поздравление Его Величеству от епископа Алексия. Телеграмма была получена из Ливадии на имя Владыки и гласила: « В день празднования 50-летия Таврической епархии, поручая Себя молитвам Вашим, выражаю Мою уверенность, что и впредь священнослужители вверенной Вам епархии будут верными хранителями заветов Церкви православной, подпись Николай». По распоряжению правящего архиерея юбилей был перенесен с 16 ноября на 23 – день памяти св. благ. кн. Александра Невского, во имя которого освящен главный кафедральный собор епархии [4].

Юбилейное празднование началось 22 ноября литургией в кафедральном симферопольском соборе, в память о почивших Императорах, Таврических архипастырях и о всех клириках русской православной церкви, послуживших в прошедшее пятидесятилетие в Таврической епархии. Литургию совершили Преосвященный Алексий, Епископ Таврический и Преосвященный Иннокентий, настоятель Херсонесского монастыря, в сослужении духовенства. После этого епископ Алексий сказал краткую проповедь об истории Таврической епархии. (К слову, епископ Алексий Молчанов – магистр Казанской духовной академии, в 1905 году назначен был на Таврическую кафедру, был по счету девятым правящим архиереем самостоятельной епархии.) Им к юбилею была составлена и издана брошюра «Историческая памятка о Таврической епархии» [4]. Владыка в своей памятке приводит статистические данные о приходах и прихожанах Тавриды. Если в 1860 г. храмов в епархии было лишь 117, а прихожан в них всего около 300 тысяч человек обоего пола, то к 1909 г. церквей и часовен насчитывалось уже 511 и прихожане составляли более 1 миллиона человек обоего пола [2]. В этой связи уместно напомнить, что за последние 17 лет –

с 1992 по 2009 гг., до раздела епархии, в Крыму количество приходов увеличилось с 14 до более чем 500 церквей и свыше 300 священнослужителей [1].

Вечером того же дня торжественно совершено было в кафедральном соборе всенощное бдение с пением акафиста св. благ. кн. Александру Невскому. Бдение совершили Преосвященные епископы Алексей и Иннокентий. Помазание после Евангелия освященным елеем совершал епископ Иннокентий, причем молящимся раздавалась брошюра «Историческая памятка о Таврической епархии», которая была напечатана в № 33 Таврического церковно-общественного вестника, а затем отдельными оттисками в большом количестве роздана народу.

В сам день праздника в кафедральном соборе была отслужена Божественная литургия и молебен св. благ. Кн. Александру Невскому. Литургию совершил епископ Алексей и епископ Иннокентий в сослужении монашества и белого духовенства епархии. На молебен вышло все городское духовенство и прибывшие на юбилейное празднование некоторые отцы благочинные. Во время чтения часов совершен был крестный ход из кафедрального собора в Крестовую (Архиерейскую) церковь, откуда обратным крестным ходом принесена была в собор чудотворная икона Божией Матери – Троеручицы. По окончании литургии и молебна, с этой святой иконой, был совершен крестный ход вокруг собора, после чего икона снова была перенесена в Крестовую церковь. Литургию и молебен пели два хора певчих: Архиерейский и мужского духовного училища. На службе в числе молящихся присутствовали представители военной и гражданской власти, общественных учреждений, учебных заведений, воспитанники духовной семинарии, ученики духовного училища и воспитанницы епархиального женского училища, учащиеся некоторых приходских школ.

После, в покоях Его Преосвященства, Владыку поздравили вице-губернатор П.И. Масальский, депутаты от Таврической ученой архивной комиссии в составе председателя А.И. Маркевича и И.Ф. Ерофеева, городской голова В.А. Иванов, а также настоятель симферопольского кафедрального собора протоиерей Алексей Назаревский и протоиерей Александр Сердобольский. Кафедральный протоиерей Алексей Назаревский сказал содержательную поздравительную речь от клира Александро-Невского собора. Вот выдержка из «Приветствия...»: *«...Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь и возлюбленный Отец наш! Имеем счастье приветствовать Вас с юбилейным праздником 50-летия вверенной Богом вашему отеческому попечению Таврической епархии. Ты принял от своих предместников богатое наследство; но ты стараешься приумножить и благоустроить его своими трудами. На твоём попечении сейчас находится более 1 миллиона душ паствы духовной; ты имеешь в церковном клире до 1000 душ достаточно образованного и сравнительно обеспеченного в материальном плане духовенства, в твоём распоряжении находятся благоустроенные во всех отношениях духовные учебные заведения. Во всех городах Таврической епархии, в местечках и в некоторых больших селах имеются средняя, мужская и женская, разных типов и наименований, учебные заведения; во многих, даже самых незначительных деревнях, есть теперь народные школы для просвещения твоих пасомых светом разума; тысячами считаются в твоей епархии учебные заведения и десятками тысяч учащие и учащиеся. В твоё распоряжение поступили от предместников по кафедре значительные средства и упорядочные органы для вспоможения вдовам и сиротам духовного звания. Ты, Владыко святой, расширил и оживил деятельность Братства Александро-Невского и других; устроил народную столовую, образовал общество вспомоществования бедным одеждою и обувью и т.д. Видим, Владыко святой, твои труды и твою любовь и мы, твои скромные сотрудники, поставленные Богом и твоею милостию вблизи твоей архипастырской кафедры, - видим и радуемся и считаем долгом чести и справедливости засвидетельствовать об этом от лица всего Таврического духовенства перед всею Таврическою паствою в этот знаменательный для всех нас юбилейный праздник...»* [4, с.14-19].

В подарок Владыке Митрополит Санкт-Петербургский Антоний и братья Александро-Невской лавры передали икону св. Александра Невского, освященную на мощах святого, почивающих в лавре. Побыв некоторое время у Владыки, гости, по приглашению Его

Преосвященства, направились в Епархиальное женское училище разделить праздничную трапезу, где собралось духовенство и многие представители светской власти.

Завершилось юбилейное торжество 24 ноября в актовом зале Женского епархиального училища чтением докладов. Первым выступил преподаватель духовного училища П.Г. Викторовский с докладом «Несколько слов об открытии Таврической епархии», где сообщал исторические сведения об открытии в 1859 году самостоятельной епархии и первоначальных заботах о ее устройении. Затем прот. А. Назаревский предложил чтение о Высокопреосвященном Гурии, архиепископе Таврическом и Симферопольском (в 2008 году причислен к лику святых, день памяти 30 марта). Лектор сообщил биографические сведения об архиерее и коснулся затем миссионерской в Китае и архипастырской в Тавриде многосторонней и многоплодной деятельности святителя. Далее преподаватель духовной семинарии П.В. Маслов рассказал об устройстве и открытии Таврической духовной семинарии. Чтение перемежалось с выступлением архиерейского хора. Так окончилось юбилейное празднование.

Ныне, в преддверии 150-летия Симферопольской и Крымской епархии, православные христиане во главе с нынешним Высокопреосвященным Митрополитом Лазарем могут тоже радостно сознавать возрождение и умножение того, что в недалеком прошлом было по крупицам создано и духовно закреплено в традициях нашего народа.

Источники и литература:

1. Звіт. «Про мережу церков і релігійних організацій в АРК» станом на 1 грудня 2006 року.
2. Историческая памятка Таврической епархии. Симферополь, 1909.
3. К предстоящему 50-летию Таврической епархии // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. №5. С. 216-218.
4. Пятидесятилетний юбилей Таврической епархии. Симферополь, 1909.

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ
ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
(КОНЕЦ XVIII – 70-е гг. XIX вв)**

Крапивин А.В.

Донецкий национальный университет

С конца XVIII – начала XIX века приток южнославянских колонистов на юг Украины вновь возрастает, что в свою очередь, вызвало опубликование многочисленных указов Российского правительства, касающихся иностранных колонистов. Так, в 1802 году был опубликован указ о водворении в южнорусских степях «вышедших из Турции греков и болгар» [10, с. 166-167], согласно которому указанные переселенцы освобождались от платежа податей и повинностей на десять лет, от постоев «кроме тех случаев, когда воинские команды проходить будут»; могли не нести «военной и гражданской службы», ссудные деньги (то есть средства на перевод и обзаведение хозяйством) уплачивали в течение десяти льготных лет, получали право беспошлинного ввоза в Российское государство товаров на 300 рублей на каждое семейство [10, с. 166-167].

В 1803 году «для водворения переселяющихся... иностранцев» из Екатеринославской и Херсонской казенных палат было отпущено двадцать пять тысяч рублей [18, с. 717-718]. О том, много это или мало, можно судить только в сравнении с другими цифрами.

Таблица 1¹

Сумма, отпускаемая Екатеринославской и Херсонской казенными палатами на разные нужды за период с 1787 года – по 1 сентября 1791 года [7, с. 219-223]

Год	На жалованье Донским казацким полкам	На содержание разных посланников и прочих иностранцев	На награждение разным чином и иностранцам европейским
1787	29,1 рублей 94 копейки	26,282 рубля 45 копеек	1,349 рублей 00 копеек
1788	рублей 10 1/2 копейки	26,659 рублей 85 копеек	4,922 рубля 97 копеек
1790	227,353 рубля 11 копеек	32,492 рубля 39 копеек	5,641 рубль 67 3/4 копейки
1791	–	1,400 рублей 00 копеек	356 рублей 35 копеек
	Всего: 423,816 рублей 10 1/2 копейки	Всего: 100,793 рубля	Всего: 18,571 рубль 69 3/4 копейки

Анализируя данные таблицы, видно, что на переселение иностранцев в Россию была отпущена сумма, которая немногим превышала сумму, затраченную на награждения за пять лет (с 1787 года – по 1791 год). На жалованье Донским казацким полкам и на содержание разных посланников и иностранцев из казенных палат выделялась настолько крупная сумма денег, что двадцать тысяч рублей составляли ничтожно малый процент от этой суммы.

29 сентября 1801 года корабль капитана Мускули прибыл в Одессу. На борту корабля находились один священник и 19 болгарских семей (148 человек). Вслед за этим кораблем прибыл еще один корабль «Красноселье» лейтенанта Будишчева с болгарскими переселенцами из Одринско. Все одринские болгары, которые жили в 360 селах и составляли 7.000 человек, желали переселиться в причерноморские районы Российского государства и получить российское подданство. Большинству из них это удалось осуществить уже к началу следующего 1802 года [5, с.105].

¹ Таблица составлена автором

20 февраля 1804 года были опубликованы новые правила «о приеме и водворении иностранных колонистов» [20, с. 137-140], которые существенно дополнили уже существующее законодательство. Правила допускали в пределы Российского государства только таких переселенцев, «кои в крестьянских упражнениях или в рукоделии примером служить могли», а также являлись «хорошими и достаточными хозяевами». Число переселенцев ограничивалось 200 семейств в год, причем Российское правительство брало на себя издержки только за перевозочные средства. Южнославянских колонистов рекомендовалось направлять в Причерноморье, располагая их поселения, по возможности, к портовым городам.

Южные славяне получали льготу в податях и повинностях на десять лет, им выдавалось на хозяйственное обзаведение до 300 рублей в год с возвратом этих денег «по прошествии льготного срока в течение десяти лет». Всем им также предоставлялся земельный надел в 60 десятин на каждое семейство: *«земли дается... довольное число так, чтобы не только для вас оной было достаточно, но и для вновь приходящих. Воздвигнется церковь или монастырь каменный иждивением; дома также построены будут из казны и дана льгота на несколько лет. Вы найдете изобилие земли, рыбные ловли и удобность к скотоводству во всем преимуществующие против настоящего вашего пребывания»* [7, с. 284].

Все эти указы облегчали положение южнославянских колонистов и способствовали их притоку в Причерноморье и Приазовье. О таких льготах «отечественные» переселенцы в те времена не могли даже и мечтать. Они не получали от казны никакого пособия и не пользовались никакими льготами. Многие из них переходили в южнорусские степи самовольно, на свой страх и риск, так как добиться права на переселение было трудно, а сколько-нибудь осязаемых преимуществ оно не давало.

Обострение отношений между Российским государством и Османской империей, приведшее к войнам 1806-1812 и 1828-1829 годов, дало толчок к массовому переселению южных славян на юг, в Причерноморье. Огромную роль в их переселении играли известные люди Российского государства того времени. С подобной миссией в 1808 году в Сербию приехал Д.Н. Бантыш-Каменский, которому было поручено, якобы, доставить сербскому митрополиту икону для его церкви. Во время своего приезда Бантыш-Каменский, которому тогда было всего лишь двадцать четыре года, находился под покровительством русского резидента в Белграде Родофиникина [23, с. 243], что говорит о серьезности и важности его миссии. В своем дневнике об этой поездке в Сербию Бантыш-Каменский писал: *«Сербь очень любят русских, гордятся дружбою россиян, и, говоря о монархе нашем, всегда снимали свои шапки и тили за его здоровье!»* [цит. по: 22, с. 243]. Такое отношение южных славян к Российскому государству и правительству являлось только положительным моментом в «переселенческой политике». С подобной миссией в 1805-1810 годах в южнославянских землях побывал и морской офицер Владимир Броневский, который поступил на службу в компанию знаменитого адмирала Сенявина в Средиземном море [23, с. 245-246].

Большую помощь в организации переселения южных славян в период русско-турецкой войны 1806-1812 годов оказывали русские полководцы Михаил Илларионович Кутузов и Петр Иванович Багратион.

В конце 1806 года, когда русская армия вступила в пределы Дунайских княжеств, к ней стали присоединяться стихийно возникавшие отряды (арнаудские команды) из болгар и молдаван. В их состав входили болгарские крестьяне, поселившиеся в Бессарабии, и болгарские колонисты южноукраинских земель.

П.И.Багратион, практически первым, поставил вопрос о совместных действиях русской армии и болгарских отрядов. В частности, будучи командующим Дунайской армией в 1809-1810 годах, он разрешил поселение болгар на территории Херсонской губернии. А весной 1811 года М.И. Кутузов обнародовал обращение «К переселяющимся с правой на левую сторону Дуная обывателям христианского вероисповедания», в котором освобождал крестьян-переселенцев на 3 года «от всяких земских податей и повинностей», вменял в обязанность командирам частей русской армии, в составе которой были и представители

южного славянства: сербы, болгары, черногорцы, хорваты, оказывать им всем покровительство; разрешал поселившимся на монастырских землях крестьянам не вносить десятину монастырям, а использовать ее для помощи новым переселенцам из южных славян [2, с. 26].

М.И. Кутузов содействовал созданию Болгарского земского войска. Зарубежные южные славяне воспользовались «Обращением...» Кутузова и в широких масштабах стали переселяться на отошедшие к России по Бухарестскому мирному договору 1812 года земли между Днестром и Прутом, а также земли Причерноморья. Основная часть южнославянских переселенцев состояла из болгар. У Российского правительства, да и у «простого мужика» было какое-то особенное, очень дружеское отношение к болгарам. Так, еще в 1806 году дюк Ришелье, военный губернатор Херсонский, писал министру внутренних дел: «...что сказать вам о наших колонистах? Меннониты удивительны, болгары бесподобны, но немцы несносны» [цит. по: 11, с. 21]. Подобную характеристику болгарских колонистов юга Украины находим и у Ф.Ф. Вигеля в его «Записках»: «...Что за славный народ Болгары!.. цвет Славянских народов. Какая деятельность в них, какое трудолюбие, какой огонь горит в их глазах! Какая веселость, смелость и добродушие в них... Однако, если бы случай представился... от своих быстро перешли бы они к мечу для защиты Родины и собственности» [цит. по: 8, с. 64].

Но украинцы и русские люди готовы были оказывать помощь, покровительство и радоваться переселению в пределы Российского государства не только болгарского народа. Любой братский славянский народ, который нуждался в помощи, поддержке России, получал ее и, более того, мог по своему желанию стать российским подданным.

Например, 28 августа 1812 года графу Ивеличу (серб, из города Рисны Которского приморья) на имя императора Александра сербами было вручено «завещание», в котором говорилось, что «Сербия и народ сербский, помня бесчисленное благодеяние к ним России сим обязуются и обещаются единоверной и единоплеменной России и в будущее время, и во все века остаться верными и приверженными, и никогда и ни в чем ей не изменять, как до сего времени это было доказываемо и словом, и делом, и верою – всегда и при всяком случае» [цит. по: 15, с. 48-49].

В начале XIX века продолжается заселение почти всей территории южноукраинских земель как переселенцами из внутренних губерний, так и «внешними переселенцами» из Турецкой империи. В 1804-1811 годах заселяется преимущественно Херсонский уезд. За этот период на долю иностранных выходцев пришлось около 16% всех прибывших в губернию. В Херсонской губернии в большом количестве появляются иностранные поселения. Так, с 1801 по 1809 год здесь возникло 47 новых селений, среди которых были 31 немецкое, 8 еврейских и 8 греческих и болгарских. В 1802 году появилось всего 4 греческих и болгарских селения. В 1804 году было основано 10 поселений (8 немецких и 2 греко-болгарских), в 1805 году – 4 немецких, в 1806 году – 2 поселения (1 немецкое и 1 греко-болгарское), в 1807 году – 9 поселений (8 еврейских и 1 греко-болгарское), в 1808 году – 4 немецких и в 1809 году – 13 немецких поселений [10, с. 173].

Меньший приток и прирост населения за счет иностранных переселенцев наблюдался в Екатеринославском (на 12,72%) и Славяно-Сербском (на 11,95%) уездах. Заселение Бахмутского и Славяно-Сербского уездов проводилось, главным образом, в 1804-1811 годах. В 1797-1805 годах относительно быстро заселяется и осваивается Екатеринославская губерния. В этот период сюда прибывает больше переселенцев, чем в соседнюю Херсонскую губернию. Особенно сильным перевес Екатеринославской губернии был в 1797-1798 и 1802, 1804-1805 годах. С 1806 года приток южных славян-новоселов в Екатеринославскую губернию снижается. Период спада охватывает по существу весь отрезок времени с 1806 по 1811 год. Исключение представляет только 1810 год, когда в губернию прибыл 1791 человек мужского пола, из которых на долю иностранных поселенцев приходится достаточно малый процент (около 3%) [10, с. 176].

По данным VI ревизии, в Екатеринославской губернии проживало 132 семьи южнославянских колонистов (в их числе 393 человека мужского пола), во владении которых находилось 6656 десятин земли; в Херсонской же губернии греко-болгарские поселения

находились в Херсонском уезде – 160 семей (447 человек мужского пола), в распоряжении которых было 9584 десятины земли; они образовали два поселения: Терновка и Ингулка¹ и в Тираспольском уезде – 711 семей (1920 человек мужского пола, 70270 десятин земли), которые расположились в шести селениях: Большой Буялык, Малый Буялык, Кубанка, Славяносербское, Катаржинское и Парканы. Таким образом, всего по двум этим уездам Херсонской губернии числилось греков и болгар – 871 семья (с общим числом мужского населения в 2367 человек), которые владели 79854 десятинами земли [10, с. 186-188].

Российское правительство, как и прежде, дало южнославянским колонистам всевозможные льготы и привилегии, а своих «доморожденных, внутренних» переселенцев, согласно уже сложившейся традиции, выпустило из виду.

Известно, что еще 28 июня 1806 года генерал-губернатор Новороссийского края Ришелье писал министру финансов о необходимости выдавать денежное пособие переселенцам, не получающим от казны никакой помощи, *«между тем как иностранные переселенцы, в особенности южные славяне, получая от казны пособия, пользуются довольною от всех казенных и общественных повинностей льготою»* [цит. по: 10, с. 186-188]. А 7 октября 1811 года этот же Ришелье сообщал министру финансов Д.А. Гурьеву о тяжелом положении «внутренних переселенцев», призывая принять срочные меры для облегчения их участи: *«Имейте милосердие к нашим бедным переселенцам, – отмечал он, – не доводите их до совершенного разорения... Если иностранные переселенцы при переходах и при водворении только от казны вспомоществуясь, пользуются обильною льготою, то весьма заслуживают некоторое облегчение внутренние наши переселенцы»* [цит. по: 10, с. 192].

Но все просьбы Ришелье какое-то время оставались без внимания. И лишь с истощением резервов казенной земли и осознанием того, что переселение своего коренного населения по сравнению с колонизацией иностранцев – южных славян обходилось намного дешевле, Российское правительство начинает задумываться о том, что же дала «колониционная политика», обращенная к славянам зарубежья, непосредственно России, и как помочь «своим собственным» людям, для которых Россия была не «второй родиной», а «первой».

Но хорошие мысли приходят не сразу: правительству России потребовалось еще несколько лет, прежде чем был принят соответствующий указ по данным вопросам. А пока волны южнославянских переселенцев, по-прежнему, шли в южные районы Российского государства.

Большую заботу об устройстве южнославянских поселенцев, в частности, болгар, проявлял назначенный в 1818 году попечителем болгарских колоний в России генерал И.Н. Инзов. По его настоянию в 1819 году специальным указом болгарам и другим южнославянским переселенцам была предоставлена в собственность земля, выделены ссуды на благоустройство, а также значительное количество хлеба для голодающих. Генерал Инзов на своем посту сменил ротмистра Ватикиоти, который возглавлял специальную милицию, созданную из южнославянских, преимущественно болгарских переселенцев во время войны 1806-1812 годов [10, с. 192].

Центральным среди болгарских поселений в начале XIX века стало селение Табак, которое находилось неподалеку от Измаила. Рядом с ним те же болгарские переселенцы *«избрали другое место, удобное для них, основали в нем главную колонию свою и назвали ее Болградом...»* [цит. по: 8, с. 63].

5 августа 1819 года был издан указ [21, с. 325], запрещающий переселение иностранцев, в том числе и южных славян, в Российское государство в значительных размерах. А уже 25 октября 1819 года русским миссиям за рубежом было запрещено выдавать паспорта «переселяющимся в Россию... иностранцам» [21, с. 362]. С 1820 года южные славяне прибывали на юг Украины в небольшом количестве и по специальным разрешениям, которые были заменены паспортом в соответствии с «Уставом о паспортах и беглых» от 11 октября 1827 года [22, с. 453 (№ 523)]. По этому указу любой иностранец, в том числе и представитель южного славянства за то, чтобы приобрести паспорт «для проезда из одной губернии в

¹ Болгары проживали здесь до 1822 года, после чего селение было передано переселенцам Золотоношского уезда Полтавской губернии.

другую», должен был заплатить «два рубля серебром». Такая символическая плата за паспорт позволила приобрести его каждому желающему иностранному колонисту.

Таким образом, «Указ о паспортах» «свел на нет» указы Российского правительства 1819 года, так как переселения южных славян, несмотря ни на что, не прекращались. С началом новой русско-турецкой войны наблюдалось их массовое переселение. *«С точки зрения турецких властей, отмечалось в одном из документов, – восставшие против Турции сербы, герцеговинцы, болгары – не более как нарушители порядка, отвергающие общественное начало; однако, не все другие признают их таковыми, когда Россия из-за них вступила в войну с Турцией»* [цит. по: 12, с. 96].

Вера в Россию, в то, что русский народ освободит рано или поздно братские славянские народы зарубежья, находящиеся под гнетом Османской империи, жила в них с XVIII столетия и принимала характер наивной веры в какого-то великого и сильного «деда Ивана», который придет и спасет.

Не случайно поэтому, что славяне Турецкой империи, боясь гнета и расправы с участниками русско-турецкой войны 1828-1829 годов, стремились отойти с уходящей русской армией в пределы Российского государства. Это было учтено русской дипломатией при подписании мирного договора, в XIII статье которого говорилось об амнистии тем, кто выступал на стороне какой-либо из договаривающихся сторон. Кроме того, всем желающим южным славянам разрешалось на протяжении восемнадцати месяцев после заключения мирного договора продать свое имущество и переселиться с семьями в страну, избранную по их усмотрению. Открывалась легальная возможность эмиграции южнославянского населения из Османской империи в пределы Российского государства, на юг России, в Причерноморье и Приазовье.

Во время и после этой войны отмечалось массовое переселение южных славян в южнорусские степи. Так, уже за период с сентября 1829 по март 1830 года разрешение на выезд получили около 2400 человек, представителей южного славянства, а с апреля по август 1830 года переселилось еще около 25 тысяч человек. Всего желающих уехать в Россию в 1830 году было более 100 тысяч человек: болгар, сербов, хорватов, герцеговинцев [25, с. 59-61].

И, как и прежде, Российское правительство не заставило себя долго ждать, чтобы даровать ряд льгот и привилегий «новым поселенцам». Уже 7 июня 1830 года был издан указ, согласно которому *«...болгары и другие единоверцы... получали льготу на десять лет, если записывались в мещанство...»* [цит. по: 19, с. 613]. *«Иностранцы подданные, приобретающие право исправлять в России должности домашних наставников или Учителей, могут беспрепятственно пользоваться таковым правом, хотя бы не пожелали вступить в Российское подданство; но таковые не могут пользоваться преимуществами и выгодами, званиями им представленными»* [цит. по: 19, с. 613].

Многочисленная масса потомков еще первых выходцев южных славян, пришедших из-за рубежа, около 1820 года попала в состав аракчеевского «военного поселения», просуществовавшего до конца 1850-х годов, и, оставившего о себе ужасные воспоминания. Так, в недавно заселенной стране стало господствовать в одних селениях крепостное право, а в других – военное поселение. Из бывших «рот» воинственных южнославянских выходцев: сербов, черногорцев, хорватов, болгар, македонцев, когда-то искавших в России лучшей доли, составили «поселенные волости», из которых образовывались округа, с такими командирами, которые, оставив строевую службу, предпочли всякой карьере «теплые места». Гнет «военных поселений» не был лучше крепостного гнета; единственное отличие: у помещиков все же был хоть какой-нибудь расчет не разорять полностью своих крестьян, а командир, зная о временности своего положения, выжимал что только можно, нисколько не задумываясь о будущем поселенцев. О злоупотреблениях командиров говорили как о деле вполне обычном, которого и скрывать не старались: *«Эти красные в ротники и красные околыши были вывескою хищничества»* [цит. по: 1, с. 493]. Волостные и окружные командиры угнетали, казнокрадствовали, практиковали жестокость, наживались и, периодически, попадали под суд: в одиночку и группами, но сохраняя при этом туго набитые карманы.

«Перегибы» в переселенческой политике Российского правительства были всегда, но наиболее ярко они проявились в 40-е годы XIX столетия. В 1842 году был издан «указ... в отношении колонистов развратного поведения» [27, л. 3], который предусматривал: «...если колонист, за всеми принятыми к удержанию его от разврата мерами, останется в поведении своем неисправимым, то общество может постановить мирской приговор об исключении и удалении его из колонии» [цит. по: 22, с. 413]. Такой приговор считался законным только в том случае, когда был принят не менее «двумя третьими старейшин семейств», живущих в данной колонии. Но окончательно такой приговор выносило «местное начальство колонистов», несмотря на принятое решение «старейшин семейств». То есть, «старейшины семейств» были, по сути, безголосы и бесправны. Затем, после решения «местного начальства колонистов» приговор рассматривался и утверждался Попечительным Комитетом об иностранных поселенцах южного края Российского государства.

Исключенный из общества, на основании данного приговора, колонист передавался в распоряжение «гражданского начальства», которое предлагало ему выехать навсегда из России и дать в присутствии Губернского Правления письменное обязательство, что он никогда и ни под каким предлогом не возвратится в пределы Российского государства. Если он давал такое обязательство, то губернское начальство выдавало ему для выезда за границу «надлежащий вид, в котором прописываются как причина его высылки, так и данное им о невозвращении в Россию обязательство... Семья «высылаемого», если не хотела, могла за ним не следовать: общество никогда не вправе постановить приговор об удалении кого-либо из членов своих, за личное порочное поведение, с семейством» [цит. по: 22, с. 415].

По этому указу 1842 года, были совершены следующие, известные нам, «перегибы»:

1) правительство не допускало простых людей к управлению своими колониями, своими судьбами; за них все решал бюрократический государственный орган, который нередко даже не знал всех проблем и лишений, с которыми сталкивались южнославянские переселенцы;

2) такая формулировка указа, как «колонист развратного поведения», могла быть отнесена к любому, поэтому местная администрация колонии, в соответствии с данным указом, увольняла, в первую очередь, не истинных «развратников», а нежелательных, «бунтарских» колонистов;

3) несмотря на то, что семья «высылаемого» сама должна была решать свою участь: ехать ей с «высылаемым» или нет, администрация колонии часто пренебрегала этим правом семей и высылала их вместе с «приговоренным».

Такая политика Российского правительства по отношению к южнославянским колонистам привела в дальнейшем к тому, что в 50-е годы XIX века в количественном отношении массовых переселений южных славян на юг Украины было немного.

Приток представителей южного славянства в южноукраинские земли увеличился во время и после Крымской войны 1853-1856 годов. Переселение болгар началось 11 июля 1854 года и продолжилось до 30 июля того же года [26, с. 29], в связи с чем была составлена специальная комиссия, в которую вошли: братья Палаузовы, А.П. Озеров, Н.В. Адельберг, капитан Хаджи и другие. В помощь болгарским переселенцам, на содержание их семей, для обзаведения своим хозяйством Российское правительство выделило три тысячи рублей, достаточно существенную денежную сумму. Турецкое правительство было против этого переселения, всячески старалось его остановить, организовывая нападения на русские части [26, с. 29].

В исторической литературе существует мнение, что в 1854 году в южные районы Российского государства переселилось около 900-950 болгарских семей (около 6000-6500 тыс. человек обою пола). Некоторые авторы приводят такие цифры: 1000, 5000 или 7000 семей [26, с. 29].

Однако, в докладе графа Горчакова (главного организатора переселения болгар в 1854 году) от 17 июля 1854 года приводится цифра болгарских семей – 1200 [26, с. 29-30].

Болгары-переселенцы принимали активное участие не только в заселении и хозяйственном освоении южных районов Российского государства, но и в составе русской армии

в ходе Крымской войны. Летом 1854 года в составе русской армии сражались 133 болгарских добровольца. Среди них были Д. Паланов, Д. Милков, Ст. Николаев, Т. Станков, Т. Поливанов, П. Спасов, П. Стоянов, Н. Христов и другие [26, с. 30].

Но многие из этих болгарских переселенцев, пришедших в Россию во время Крымской войны и по ее окончании в 1856 году, вернулись к себе на родину. Главной причиной, оказавшей такую «неоценимую роль» Российскому государству в деле переселения южных славян, была объявленная Турцией амнистия всем болгарам, сражавшимся на стороне России. Сколько человек ушли к себе на родину, сколько остались на «чужбине» неизвестно. Некоторые авторы пишут, что в России осталось примерно 27-30 болгарских семей (150-200 человек) [26, с. 31].

Другой, не менее важной причиной такого массового ухода болгар из России было то, что военно-дипломатическое поражение царской России в Крымской войне 1853-1856 годов повлекло за собой не только падение международного престижа петербургского двора, но и лишило его права единоличного покровительства славянским народам зарубежья. Министр иностранных дел А.М. Горчаков заявил уже в 1857 году: «...правительство наше заботится не о целостности и сохранности Турецкой империи, как было прежде, но о правах и соблюдении религии единоверного нам народонаселения Турции» [цит. по: 16, с. 106].

В конце 50-х годов XIX века довершалось начавшееся дело ассимиляции южных славян на юге Украины: «Встретишь, бывало, поселянина с сербскою фамилиею, какогонибудь Милошевича или Придаевича, и спросишь: сознает ли он свое сербское происхождение? А он отвечает «по-малорусски»: «Були колись сербы, а теперь вси так пересербылысь, что зовсем як тугейшии люди»» [цит. по: 1, с. 495].

В 1857-1858 годах по инициативе академика П.И. Кеппена по всем приходам России были составлены церковно-приходские списки, фиксирующие численность и национальный состав населения страны; они почти не отражали, к сожалению, национальный состав (кроме сведений о евреях, греках и армянах) [4, с. 297].

В 1858-1859 годах переселение южных славян в Причерноморье Российского государства вновь возобновляется. Российское правительство всячески пыталось ограничить его, но это мероприятие оказалось безуспешным. И поэтому, в 1860 году Россия была вынуждена дать официальное разрешение на переселение южнославянских народов. Большинство из них пришли на юг Украины из Северной, Южной Болгарии и Македонии.

В 1860 году был заключен русско-турецкий договор, связанный с переселенческим движением, согласно которому Турция официально разрешала болгарским переселенцам беспрепятственно заселять русские территории и поднимать экономику русского села с помощью технических нововведений [26, с. 35]. Но Порты всячески пыталась игнорировать наличие этого договора.

В ноябре 1860 года до Министерства иностранных дел дошли сведения, что болгары, спасаясь от турецкого произвола, выразили желание переселиться в пределы Российского государства и стать подданными русского царя. 18 ноября 1860 года Комитет министров принял решение о порядке наделения земель южнославянских колонистов. 26 декабря того же года последовало разрешение на их переселение, а наблюдение за его исполнением поручили Стремоухову. Было отведено 655 тысяч десятин земли в Новороссийском крае, где предполагалось в 1861 году поселить 14600 болгарских семей [9, с. 419].

Доказательством заключения договора между Россией и Турцией в 1860 году по поводу переселения южнославянских народов на территорию Российского государства служит письмо русского консула в Царьграде князя Лобанова-Ростовского от 27 февраля 1861 года, адресованное Найдуну Герову, русскому консулу в Пловдиве. В нем сообщалось, что было достигнуто согласие с турецким правительством о взаимном размене населения. Это сообщение было передано царскому правительству в Петербурге; об этом же событии письменно уведомлял и консул в Пловдиве [26, с. 36].

Видя реакцию на попытки игнорировать договор, турецкое правительство издает в 1860 году специальный меморандум, в котором, уже во второй раз, было дано официальное согласие на переселение южных славян, в особенности болгар, в Россию.

После получения официального разрешения болгары подают прошения на имя Александра II и ждут, уже со стороны российского императора, разрешения на их переселение. Такие прошения были посланы от болгар из Балчишко (272 семьи), Варненско (1024 семьи), Провадийско (980 семей), Тырновско (6000 семей), Одринско (2598 семей) и других [26, с. 37].

Массовая подача прошений увеличила работу, прежде всего, русским консулам, многие из которых, на свой страх и риск, брали на себя всю ответственность по подготовке и проведению переселений южных славян. Видя, что переселения начинают принимать массовый характер, местные власти Турции всякими средствами старались остановить переселенцев, запрещая им поддерживать контакты с русскими консулами. Но, несмотря на все запреты и угрозы, уже к июлю 1860 года в пределы Российского государства, в Причерноморье и Приазовье переселилось около 16400 южных славян, примерно 12000 из их числа, в дальнейшем, вернулись обратно, к себе на родину; а приблизительно 4300 человек умерли от эпидемии тифа и других болезней [26, с. 42].

Существуют и другие цифры, находящиеся в русской печати, и связанные с переселением южных славян. Так, по данным русской печати, из-за рубежа в 1860 году в Россию переселилось примерно 10000-11000 южных славян, из которых около 7600 человек вернулись обратно, около 2500 человек умерли от болезней, а около 790 человек остались жить в южных районах Российского государства [26, с. 42].

26 декабря 1860 года Александр II издал указ, разрешающий переселения болгар в Таврическую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии. Каждому из болгарских колонистов из казны Российского государства на переселение, обзаведение хозяйством было выделено по 125 рублей серебром и 50 десятин плодородной земли. Переселиться в Приазовские земли изъявили желание 6759 болгарских семей (около 34000 человек обою пола) [3, с. 135]. К июню 1861 года в Таврическую губернию переселилось еще 1195 человек мужского пола и приблизительно 1605 человек женского пола, все выходцы из южнославянских земель, преимущественно болгары [3, с. 136].

Царское правительство было заинтересовано в заселении и освоении юга Украины представителями южнославянских народов. В Бердянском, Мелитопольском, Днепровском уездах Таврической губернии для южнославянских колонистов было выделено 214000 десятин земли [3, с. 138].

По данным Российского правительства, к началу сентября 1861 года в Причерноморье и Приазовье переселилось около 7000 представителей южнославянских народов, в основном болгар, а еще примерно 4000 человек, находящихся в Видине, ждали разрешения и своей очереди на переселение в южнорусские земли.

Отчет об отправке этой партии южнославянских переселенцев обязан был составить и переслать в Петербург русский консул в Видине Байков [9, с. 334]. К середине октября 1861 года из Видинско, Ломско и Берковско переселилось еще около 8000 человек: *«Сперва турки никого не пускали – говорилось в одном из донесений, – а теперь, когда плотина прорвалась, выдают позволения ехать всем и каждому и не слушают даже просьбы Российского правительства удерживать огромные массы приходящего народа»* [цит. по: 9, с. 334]. С середины октября 1861 года до конца того же года вообще из «болгарской земли» в южные районы Российского государства переселилось еще 214 человек. 9 ноября 1861 года был учрежден Комитет по переселению в Россию выходцев из Турции. После чего достаточно массовое переселение южных славян, преимущественно болгар, в 1860-1861 годах было приостановлено. Таким образом, из приведенного перечня видно, что за 1860-1861 годы, в общей сложности, на территорию юга Российской империи переселилось примерно 16000-17000 славян зарубежья [26, с. 42-43].

О том, что после 1861 года переселения южных славян не отличались массовостью, говорит тот факт, что в 1862 году на юг России переселились только лишь одринские болгары, получившие разрешение Российского правительства, которое было записано в циркуляре Азиатского департамента в том же, 1862 году [26, с. 43].

Южнославянские переселенцы поселялись в южнорусские земли на очень выгодных условиях. Каждый из них получал из казны на покрытие «путевых расходов», на обзаве-

дение хозяйством и строительство домов, необходимых построек 125 рублей серебром; выдавалась ссуда, необходимая «на прокормление и посевы». Семье южнославянского колониста в вечное пользование давалось 9 десятин земли. Все южные славяне-переселенцы поступали в колониальные управления на правах колонистов; они на 6 лет освобождались от военного постоя, на 8 лет от всяких податей и повинностей, вместе с переселившимися детьми пожизненно освобождались от рекрутства. Но, если же ребенок рождался в России, то обязан был нести рекрутскую повинность наравне с российскими поданными. И лишь по истечении льготного срока южнославянские колонисты должны были платить подати и повинность наравне с другими колонистами [9, с. 418-419].

Российское правительство рассчитывало на то, что при таких выгодных условиях для поселения, имея многочисленные льготы и привилегии, представители южнославянских народов разбогатеют уже через три или четыре года. Например, суконщики, занимающиеся земледелием, могли заниматься и своим промыслом, тем более что Причерноморье очень богато шерстью. Колонисты из числа южных славян не подвергались телесным наказаниям и имели «действительно превосходное управление» [9, с. 418-419].

Но в ряду благополучных во всем южнославянских колонистов, можно было встретить и немало тех из них, кто, придя в Россию, сам был вынужден искать приют, работу и все необходимое для жизни, не получая от Российского правительства практически ничего. В нашем распоряжении имеются данные об одном таком «перевалочном пункте» южных славян по пути к местам их «новой жизни в России».

В Петербурге, не доходя Адмиралтейской площади, в доме Шишкина помещалась сербская ночлежка, содержал которую герцеговинец Стэва Демьянович. В его ночлежке собирались, преимущественно, южнославянское студенчество, учащиеся в петербургских заведениях, офицеры из южных славян, юнкера, кадеты из сербов и болгар; туда же являлись и все посещавшие Петербург славяне. Эту ночлежку посетили в свое время сербский министр Ристич и даже митрополит Михаил со своим ассистентом-архимандритом Саввою Дучичем, болгарский патриот Игуменов и многие другие [14, с. 506].

«Стэва Демьянович, пригревал и кормил непомерное, по своим средствам, количество южнославянских скитальцев, периодически наезжавших в Петербург, которые, в особенности за десятилетие (50-е-60-е годы XIX века) как комары на свет, стремились в российскую столицу» [цит. по: 14, с. 506]. Многие из них являлись туда без всяких определенных целей, к «братьям руссам», искать неведомого счастья. Кое-кто из них, обладая рекомендацией или протекцией, попадал в военную службу или учебное заведение; большинство же, потеряв надежду как-либо пристроиться, влачили жалкое и голодное существование до того момента, когда Азиатский департамент или славянский благотворительный комитет не помогут, *«подобному комару убраться из Петербурга восвояси»*; но пока добьется скиталец помощи, *«желудок его обречен на ежедневные оскорбления, невнимания»* [цит. по: 14, с. 507-508], и вот в такие-то именно минуты Стэва Демьянович был истинным христианином; многим сотням своих соотечественников бескорыстно помог он в трудные минуты.

Почти не было исключения, чтобы кто-либо из приезжих южных славян не побывал в этой ночлежке волей-неволей, так что за Стэвой Демьяновичем закрепилось шуточное звание «сербского консула в Петербурге». Здесь были *«... чехи-моравы, сербы, черногорцы, болгары и маленькие подразделения славянства: далматы, хорваты, словенцы, галичане, австрийские сербы и прочие, и прочие»* [цит. по: 14, с. 517]. Многие из них занимали в то время довольно видные роли в славянском движении на Балканском полуострове. Например, сербский военный министр Савва Груич несколько лет подряд ежедневно обедал и ужинал у Стэвы Демьяновича, учась в то время в военной академии в Петербурге.

Сам же Стэва Демьянович, больше известный как поп Марко Пейович, получая от Российского правительства жалованье, вскоре смог накопить достаточную сумму денег для вызова своей семьи из Сербии и переезда вместе с ней в Приазовье [14, с. 517].

Южные славяне-переселенцы создавали на юге свои поселения, в которых нередко жили и лица других национальностей. Официальные русские документы стали называть всех переселившихся зарубежных славян общим термином «задунайские переселенцы».

Так, хорошо начавшись в 1860-1862 годах, переселенческая политика России, уже с 1863 года и до конца десятилетия, сменилась лишь борьбой царской дипломатии России за улучшение положения славянских народов, остававшихся под властью султанской Порты. В практической программе Российского государства это находило выражение, помимо принципа невмешательства, в стремлении добиться для балканских народов административной автономии в пределах Османской империи.

Все отношения южных славян с Россией с 1863 года ограничивались лишь, к примеру, поездками Славянских депутатов на этнографическую выставку в Москву в 1867 году [24, с. 268], или же участие южных славян в Археологических съездах, которые проводились с 1869 года по инициативе Московского археологического общества [17, с. 23].

«... Всякого русского, к ним приезжающего, они (южные славяне) встречают с братскими объятиями; но самой России чуждаются, потому что видят в ней только государство и его учреждения, и не видят народа и его общественных начал...» [цит. по: 24, с. 269]. Данное высказывание, как нельзя лучше, показывает отношение южных славян к России, сложившееся к концу 60-х годов XIX столетия: южные славяне готовы быть «близкими к России народами», но на расстоянии, то есть, не переселяясь для этой цели в Россию. И Российское государство, поняв это, *«стало хлопотать, стало заступаться, стало жертвовать деньгами и людьми не за действительную пользу своего народа и государства, а за «благие принципы» в чужих странах. Ученица Запада пошла ему в служанки»* [цит. по: 24, с. 391].

Если говорить о переселенческой политике Российского государства, то уже с 70-х годов и до конца XIX столетия Российское правительство, уделяя все меньше и меньше внимания вопросам переселения южных славян, отодвинуло данную проблему даже не на второй план. С 70-х годов XIX века массовых переселений южных славян на юг Российской империи не наблюдается. Но нам известно, что в Причерноморье во второй половине XIX века практически во всех его районах проживали южные славяне, преимущественно выходцы из Сербии, Болгарии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Меньше их было из Воеводины, Старой Сербии, Хорватии, Словении и Далматинского побережья. Об этом можно судить, изучив географические карты за XIX-XX вв., а также современные карты, что дало возможность обнаружить на территории юга более чем 20 населенных пунктов, связанных своим названием с самым многочисленным южнославянским народом – сербским: Сербинов, Сербо-Слободка, Сербиновцы, Сербеновка, Сербичаны, Сербы, Сербиньковка, Сербуловка, Славяно-Сербка и другие. Кроме того, на карте Причерноморья и Приазовья можно найти несколько городков под названием Милорадовск, сел, именованных Милашевичево и ряд других, основанных, как, например, последнее, или заселенных большим числом выходцев из южнославянских земель.

28 января 1897 года по всей Российской империи была произведена первая народная перепись, которая имела своей целью не определение числа податных душ, а подробное исследование семейного положения, возрастного состава и занятий всего населения. По данным переписи, население Российской империи составляло 129 млн. человек. На каждые 100 жителей поляки составляли 6,3%, болгары – 0,06%, прочие народности (в состав которых вошли и южные славяне) – 0,49%. Иностранцы от общего числа всего населения в 1858 году составляли 0,13%, а в 1870 году – 0,27%. Что же касается военного сословия, в разряд которого попадали южные славяне-переселенцы, то в 1858 году оно составляло 6,35% всего населения, а в 1870 году – 6,5% [28, с. 75-76].

Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 года, в Малороссийском районе проживало 5956239 человек мужского пола и 5955847 человек женского пола. В Новороссийском районе – 4240866 человек мужского пола и 3981619 человек женского пола, в Донском районе – 1300342 человека мужского пола и 1275476 человек женского пола [28, с. 87-88]. Что касается движения населения в средних числах за десятилетие (1888-1897 годы), то в Малороссийском районе оно составляло 11271 тысячу человек, то есть на 100 жителей прирост населения составил 1,68; в Новороссийском районе – 7416 тысяч, то есть 2,00; в Донском районе – 2431 тысячу человек, то есть 1,84 [28, с. 94-95].

В 1897 году Российское государство еще не вело статистики ни своей эмиграции, ни своей иммиграции. Единственное, что давали обзоры русской внешней торговли, так это число лиц, проехавших за границу как из России, так и в Россию, с разделением по национальностям. По этим данным, в 1898 году за границу выбыло по паспортам: русских подданных - 175796 человек (из них 123677 человек мужского пола и 52119 человек женского пола); иностранцев – 225996 человек (из них – 174829 человек мужского пола и 51167 человек женского пола). Прибыло же из-за границы по паспортам в 1898 году: русских подданных – 136354 человека (из них – 100473 человека мужского пола и 35881 человек женского пола) и иностранцев – 279691 человек (из них – 219447 человек мужского пола и 60244 человека женского пола) [28, с. 105].

Из приведенной статистики видно, что иностранцев в 1898 году прибыло больше, чем выехало на 53695 человек. В 1897 году иностранцев прибыло больше, чем выехало – на 46098 человек. За 1892-1896 годы перевес прибывших иностранцев над выехавшими достигал ежегодно, в среднем, 16609 человек [28, с. 105].

К сожалению, это единственные данные, которые позволяют хоть что-то узнать об иностранцах южных славянах того времени.

Таким образом, следует констатировать, что с конца XVIII и начала XIX столетия приток южных славян в Причерноморье вновь возрастает, что, в свою очередь, вызвало опубликование многочисленных указов Российского правительства, касающихся иностранных колонистов. Царское правительство рекомендовало располагать поселения южных славян-переселенцев по возможности ближе к портовым городам. Колонисты получали льготы в податях и повинностях на десять лет, им предоставлялся на каждое семейство земельный надел в 60 десятин и ряд других привилегий, которые облегчали положение южных славян и способствовали их притоку на юг Российского государства. О таких льготах «коренные, отечественные» переселенцы в те времена не могли даже мечтать.

Обострение отношений между Российским государством и Османской империей, приведшее к войнам, сделало переселение зарубежных южных славян массовым. Огромную роль в их переселении играли известные люди Российского государства того времени, в частности, русские полководцы М.И. Кутузов и П.И. Багратион.

В начале XIX века положение южнославянских колонистов юга России ухудшилось. Это дало возможность Российскому правительству задуматься над тем, что дала «колониционная политика», обращенная к славянам зарубежья, преимущественно южным славянам, непосредственно России. Указом 1819 года царское правительство запретило переселение иностранцев, в том числе и южных славян в Россию в значительных размерах. Но, несмотря на такую меру правительства, массовые переселения южных славян не прекращались. Значительную роль в том сыграла новая русско-турецкая война 1828-1829 годов. Славяне Турецкой империи, боясь гнета и расправы с участниками этой русско-турецкой войны, стремились отойти с уходящей русской армией в пределы Российского государства.

Около 1820 года многочисленная масса потомков еще первых выходцев из южных славян, пришедших из-за рубежа, попала в состав аракчеевского «военного поселения», просуществовавшего до конца 50-х годов. Но, несмотря на многие предоставленные льготы и привилегии южным славянам, сам процесс переселения был сопряжен со многими трудностями и лишениями, связанными не только с климатическими условиями юга Украины, но, зачастую, с нераспорядительностью и бюрократизмом местных чиновников и общей переселенческой политикой, проводимой Российским кабинетом министров. «Перегибы» в переселенческой политике Российского правительства были всегда, но наиболее остро они всплыли в 40-е годы XIX века, что в дальнейшем и привело к тому, что в 50-е годы XIX века на территорию южных регионов Российского государства в количественном отношении массовых переселений южных славян было немного. Приток болгарского населения увеличился во время и после Крымской войны 1853-1856 годов. Болгары-переселенцы принимали активное участие в Крымской войне в составе русской армии. Но многие из этих болгарских переселенцев, пришедших в Россию во время Крымской войны, по ее окончании, вернулись к себе на родину. Главной причиной, оказавшей такую «неоценимую роль» Российскому государству в деле переселения зарубежных славян, бы-

ла объявленная Турцией всем болгарам, сражавшимся на стороне России, амнистия. Другой, не менее существенной причиной такого массового ухода болгар из России было то, что военно-дипломатическое поражение царской России в Крымской войне повлекло за собой не только падение международного престижа петербургского двора, но и лишило его права единоличного покровительства славянским народам зарубежья.

В 1858-1859 годах переселение выходцев из южнославянских земель в Причерноморье и Приазовье вновь возобновляется. Российское правительство всячески пыталось ограничить его, но эта попытка оказалась безуспешной, поэтому уже в 1860 году Россия и Турция вынуждены были дать официальное разрешение на переселение славян. После получения официального разрешения огромные партии южнославянских народов, преимущественно болгар, переселяются на юг России. Видя, что переселения начинают принимать массовый характер, местные власти Турции всякими средствами старались остановить переселенцев, запрещая им поддерживать контакты с Русскими консулами. Российское правительство на эту меру Турции ответило учреждением 9 ноября 1861 года Комитета по переселению в Россию выходцев из Турции. После чего, начиная с 1862 года, переселения южных славян уже не отличались массовостью.

Официальные русские документы стали называть всех переселившихся зарубежных славян общим термином «задунайские переселенцы». С 1863 года и до конца десятилетия переселенческая политика Российского правительства по отношению к южным славянам сменилась, в основном, лишь борьбой царской дипломатии России за улучшение положения балканских славянских народов.

Источники и литература:

1. Воропонов Ф. Фамильная старина // Вестник Европы. 1903. Октябрь.
2. Вяземская Е.К., Данченко С.И. Россия и Балканы. Конец XVIII в. 1918 г. М., 1990.
3. Грек Иван. Преселването на българите от Бесарабската част на Молдовско княжество в Приазовието (края на 50-те-началото на 60-те години на XIX в.) / Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 1993. Т.2.
4. Девятая ревизия. Исследования. О числе жителей в России в 1851 году / Под ред. П.Кеппена. Спб., 1857.
5. Дроснева Елка. Аполон Александрович Скалковски и българите (предварителни бележки). / Българите в Северното Причерноморие ... Т.1.
6. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959.
7. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т.IX.
8. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1893. Ч.VII.
9. Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М.Ф.Раевского. 40-80 годы XIX века. М.: Наука, 1975.
10. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. М., 1976.
11. Клаус А. Наши колонии. Спб., 1869.
12. Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. М., 1881. Т.14.
13. Лисянский А.С. Конец дикого поля. Донецк, 1973.
14. Микешин М.О. Поп Марко Пейович (из воспоминаний художника Микешина за 1862 г.) // Исторический вестник. 1903. ноябрь.
15. Наумов Е.П. Записки о русской помощи сербским повстанцам в 1804-1813 гг.: Документы и исследования. М.: Наука, 1982.
16. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864. М., 1985.
17. Павлюченко О.В. Україна в Російсько-югослов'янських суспільних зв'язках (III пол. XIX – поч. XX ст.). Автореф. дисс. ... докт. іст. наук. К., 1993.
18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). №20827. Т. XXVII.
19. Продолжение свода законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Ч. II.
20. ПСЗ. №20103. Т. XXVIII.
21. ПСЗ. № 27912. Т. XXXVI.
22. ПСЗРИ. Т.1.
23. Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. Т.IV.
24. Собрание сочинений А.Гильфердина. С.-Петербург, 1868. Т.II.
25. Турков В.В. К вопросу о внутриевропейской миграции: переселение болгар на юг Украины // Актуальные проблемы и исследования стран Западной Европы и Америки. Одесса, 1992.
26. Хаджиниколова Е. Българските преселенци в Южните области на Русия. 1856/1877. София, 1987.
27. Центральний державний історичний архів України (ЦДА України). Ф.1973. Оп.1. Д.1948.
28. Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А.Брокгауза, И.А.Ефрона. Спб., 1892-1900. Т. XXVII.
29. Яворницкий Д.И. История города Екатеринослава. Днепропетровск, 1989.

**РОЛЬ М.С. ВОРОНЦОВА
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ТАВРИДЫ**

Линецкая Т.А.

Крымское республиканское учреждение «Этнографический музей»

7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области [14, с. 291-292].

В этот период времени Крым представлял собой глухой край. Здесь не было ни дорог, ни коммерческих отношений, земля стоила малых денег. Как настоящий хозяин своего края, М.С. Воронцов принимается за социально-экономические преобразования региона.

Генерал-губернатор прекрасно понимал, что подъём экономики полуострова невозможен без строительства коммуникаций, развития средств транспорта и связи, обеспечивавших возможность свободного вывоза производимой здесь сельскохозяйственной продукции. Кроме того, одной из причин медленного заселения края, было бездорожье.

В 20-40 гг. XIX в. по его инициативе было проложено шоссе, связавшее Симферополь с Севастополем через Южный берег Крыма. Строительство горной трассы, с учётом степени технической оснащённости того времени, потребовало колоссальных усилий солдат и вольнонаёмных рабочих и сопровождалось немалыми человеческими жертвами [1, с. 6].

В Государственном архиве Автономной Республики Крым хранится дело «О чрезвычайной смертности, бывшей между рабочими людьми на Южном берегу Крыма в течение зимы 1833 г.». Строительство дороги производилось под руководством подполковника Шипилова. Крестьян для означенных работ поставляли на пол года в количестве от 500 до 600 человек. Всем крестьянам была назначена зарплата, а в годы засухи или неурожая - питание [4, л. 34-44].

Одновременно со строительством дорог, М.С. Воронцов распоряжался и утверждал сметы на строительство почтовых трактов, пирамид, о починке уже существующих мостов, приведении их в надлежащий вид.

В 1828 г. генерал-губернатор высылает план и смету, составленные Эльсоном на строительство почтового дома в Алуште, на новоучреждённом тракте между Симферополем и Южным берегом [11, л. 1].

4 февраля 1829 г. Михаил Семёнович даёт Казначееву распоряжения, чтобы приведены были все почтовые и военные дороги в надлежащее устройство:

- 1) Чтобы на всех почтовых и военных дорогах, непременно были верстовые столбы, с ясною и верною надписью, сообразно существующему постановлению.
- 2) На почтовых трактах устроить пирамиды из камня, где оный есть, а где нет, то из земли.
- 3) На мостах и гатях. Не только почтовых, но и по всем дорогам, по всем просёлочным непременно устроить перила, без коих проезд через мосты и гати всегда будет опасен.
- 4). Все почтовые дома починить и сколько возможно лучше исправить к удобнейшему помещению. Необходимо назначить содержателей станций, которые будут поддерживать порядок и служить по контракту [12, л. 1-7].

Кроме того, почтовые станции были открыты в Бююк-Ламбате (1834 г.), в урочище Таушан-Базар (1835 г.) [1, с. 7].

В Крыму для путешественников и, особенно, для торговли явно ощущался недостаток путей сообщения, что тормозило развитие полуострова. Чтобы купец или любой путешественник мог отправиться в то или иное место, он должен был нанять почтовых лошадей или ехать верхом.

Отправляться верхом физически тяжело, а с грузом практически невозможно. Специальных извозчиков в Крыму, как правило, не было; татарское население иногда занималось извозом, но найти извозчика можно было лишь случайно. Чтобы улучшить положение, с 1 июля 1832 г. было открыто движение дилижансов от Евпатории до Керчи (и обратно) через Симферополь и Феодосию. В списке четырнадцати первых учредителей конторы крымских дилижансов М.С. Воронцов числился первым.

К 1832 г. Воронцов смог убедиться в реальном получении доходов от этого предприятия, и в том, что с помощью дилижансов можно улучшить транспортное сообщение. Итак, в 1832 г. для улучшения сухопутного сообщения в Крыму были приготовлены к перевозке пассажиров первые шесть дилижансов, вмещавших в среднем семь человек [6, с. 212].

В 1832 г. генерал-губернатор определил ряд почтовых станций на линии Бурундучьей станции до Судака и назначил архитектора для их сооружения.

В 1833 г. одним из сопровождающих императора был С.А. Юрьевич, который заметил: *«Государь не может надивиться и довольно нарадоваться переменам, произошедшим с Крымом, со времени его путешествия в 1816 г. По словам Государя, тогда не иначе можно было ездить, как только верхом на привычных лошадях и нередко с опасностью через горы; тогда на ЮБК был всего один дом, и тот в развалинах, недостроенный. Принадлежавший Дюку Ришелье, и одна избушка генерала Бороздина; теперь его Величество от Симферополя через хребет гор проехал по прекрасному шоссе, которое проведено по всему южному берегу и скоро доведено будет до Севастополя. И всё это дело с небольшим десяти лет; с 25-го года Крым начал перерождаться. Крым скоро заставит забыть, что есть Шампань и Бордо»* [3, с. 171-216].

По ходатайству генерал-губернатора, в 1829 г. Комитет министров утвердил правила обустройства пароходных рейсов на Чёрном море между Одессою и Крымом. Начатая М.С. Воронцовым перевозка грузов была использована для доставки провианта войскам, которые находились в Турции во время военных действий 1828-1829 гг. Уже в 1833 г. Комитет министров рассматривает возможность установления постоянной пароходной связи Одессы и Константинополя. Создавалось акционерное товарищество, которое брало на себя содержание пароходов. Представителем государственных интересов Комитет министров назначил генерал-губернатора, который контролировал ремонт пароходов [15, с. 76-77].

В начале 1834 г. М.С. Воронцов через посредничество торгового дома Штиглица и К^о заказал в Англии пароход «Пётр Великий», предназначенный для рейсов из Одессы в порты Крыма и из Керчи в Таганрог. Он прибыл из Англии в Одессу 29 октября того же года [6, с. 217].

22 октября 1824 г. граф М.С. Воронцов обратился к командующему Черноморским флотом и портами адмиралу А.С. Грейгу с письмом, в котором просил выделить офицера для обследования побережья ЮБК на предмет выбора места для постройки порта-убежища с каменным молотом и пристанью при ней. В распоряжение графа послан был капитан II ранга Н.Д. Критский. Критский обратил внимание на две бухты, где можно построить каменный мол с пристанью: одна у деревни Гурзуф, другая – у деревни Ялта. 21 декабря 1834 г. состоялась закладка первого камня-блока в каменный мол [8, с. 19-22]. Его постройка была окончена в декабре 1837 г. [9, л. 15].

Строительство коммуникаций, прежде всего, производилось для налаживания торговых отношений в регионе. В июне 1824 г. император утвердил Положение Комитета министров о продлении льгот новороссийским городам, среди которых была Феодосия, а также о проверке купеческих паспортов на льготные условия торговли. В основу этого нормативного акта была положена докладная записка М.С. Воронцова. Через год Комитет рассмотрел и утвердил его предложения о прекращении проверки торговли в генерал-губернаторстве и освобождении от платы торговых налогов греков, которые занимались ею вразнобой. Освобождению подлежали также евреи, которые переселились в города из сёл, и крымские татары, никогда не платившие налогов на торговлю в городах постоянно проживания [15, с. 70].

М.С. Воронцов создал сословие свободных матросов для плавания на купеческих судах. Со временем в это сословие вступало всё больше желающих. Матросы с семьями освобождались от уплаты податей и военного постоя. Вскоре в Херсоне было учреждено Училище торгового мореплавания. В 1835 г. был основан торговый город Бердянск [16, с. 204-206].

М.С. Воронцов оказывал постоянное внимание развитию Керчи. По его ходатайству 16 сентября 1825 г. вышел Закон императора Александра I о даровании льгот г. Керчи, в котором говорилось: «Городу Керчи дарована с 1 января 1826 г. 25-летняя льгота от платежа казённых податей». Затем эта льгота была продлена до 1854 г. Городу предоставлялись ежегодные кредиты в размере 50 тыс. рублей. Хорошее финансовое обеспечение способствовало превращению Керчи в кратчайшие сроки в один из самых красивых городов на черноморском побережье [7, с. 172-174].

Ещё одной заботой генерал-губернатора стало привлечение новых поселенцев в Крым. До 1823 г. население региона составляло около 500 тысяч человек. При М.С. Воронцове появляются швейцарские колонии, приняты десятки тысяч эмигрировавших из Турции болгар. Это было трудолюбивое население, способствовавшее быстрому экономическому росту края [10, с. 74].

В период деятельности М.С. Воронцова по подъему экономики южных территорий России сельское хозяйство оставалось ведущей отраслью, а в занятиях большинства переселенцев животноводство преобладало над земледелием. К концу первой четверти XIX столетия поселенцы овладели новыми отраслями сельского хозяйства: в области животноводства – тонкорунным овцеводством; в области земледелия – разведением винограда и шелководством. Особенно следует выделить развитие тонкорунного овцеводства.

Можно полагать, что главной причиной особого внимания генерал-губернатора к развитию именно этой отрасли была необходимость увеличения торговли шерстью.

По всей вероятности, Воронцов был инициатором следующего предложения: выделять бесплатно земли под овцеводство всем желающим – при условии вывоза из-за границы тонкорунных овец. Чтобы облегчить получение породистых животных из-за границы, в 1827 г. был издан указ, согласно которому иностранцы могли *«торговать в России и рогатым скотом тирольским, швейцарским, голландским, английским, а также тонкошерстными овцами, не записываясь в гильдии»*. Результаты такой экономической политики сказались очень быстро. В Таврической губернии сначала французские, а затем и отечественные предприниматели стали разводить тонкорунных овец, снабжая ими даже соседние губернии [6, с. 231-232].

Кроме того, выписаны из Испании и Саксонии лучшие породы баранов и овец для улучшения разводимых пород; приглашаемы сортировщики шерсти. Степи херсонские, таврические, екатеринославские и бессарабские, покрылись стадами мериносов; учредились шерстяные мойки, и земли новороссийские, которые до того приобретались по 30 коп. за десятину, возвысились в ценности от 10 до 20 руб. за десятину [16, с. 173].

В земледелии М.С. Воронцов положил начало новой отрасли отечественной промышленности – виноделию. Генерал-губернатор ревностно принялся за дело: им были выписаны лозы всех сортов из Франции, Испании и берегов Рейна; приглашены виноделы, и не щадя издержек из собственного достояния, он организовал обработку и подготовку земли для насаждения ожидаемых лоз [16, с. 170]. Выписанные из Франции и Германии виноградные лозы раздавались желающим даром [10, с. 76].

В конце 1836 г. на пространствах от Алушты до Феодосии и от Феодосии до Керчи насчитывалось до трёх миллионов виноградных лоз. Новые насаждения, полагал генерал-губернатор, *«едва ли уступят в чём-нибудь существующим на Рейне и в Испании»*.

Виноградарство становилось всё более выгодным. Правительственное поощрение его выразилось, в частности, в указе от 14 сентября 1828 г., который утвердил наследственное право собственности на разведение виноградников при определённом количестве посаженных кустов. Платежи в казну за эти участки были льготными [6, с. 236].

При М.С. Воронцове в Москве и С.-Петербурге (по адресу наб. Мойки, дом Воронцова № 104) была создана специальная контора по продаже крымских вин. Из отчетов

управляющего конторой: с 1867 по 1872 гг. из Крыма было получено и затем продано разных сортов вин более 35 тыс. ведер на сумму 176,5 тыс. рублей. В Алушке уже почти перед самой революцией, «Прейскурант вин» перечислял 16 наименований столовых, десертных и крепких вин собственного изготовления и выдержки, которые можно было закупить также и оптом «по действительной их стоимости», и которые были бы отправлены в исключительно специальных ящиках по месту назначения... [17]

До 1830 г. земли близ Ялты принадлежали дирекции Ботанического сада и по традиции не обрабатывались. Они не приносили дохода ни царской семье, ни краю. Были изрезаны оврагами и рощами невысоких деревьев. В 1830 г. М.С. Воронцов издал постановление, согласно которому земли эти разрешалось делить на маленькие участки и перепродавать частным лицам с условием, что владельцы на протяжении 4 лет должны были обрабатывать их и развести виноградники. По истечении установленного срока производилась ревизия участков. Если владелец выполнял все обязательства, то вместо временного сертификата на владение землей, он получал право на вечное владение и передачу ее по наследству [2, с. 57].

На протяжении 1826 г. М.С. Воронцов подал правительству несколько предложений об улучшении налогового законодательства, по которому расширялась торговля виноградным вином и тканями в Бессарабии; черкесы и абхазы получили разрешение на безналоговый ввоз через феодосийскую таможенную своих товаров [15, с. 71].

Граф Воронцов не переставал поощрять развитие и умножение разных видов хлебных, масляных и торговых растений, заботясь вместе с тем о лесоразведении, как одном из главных условий успеха сельскохозяйственной деятельности в безводном и знойном крае. В Одессе Воронцовым было учреждено Общество сельского хозяйства, созданы ботанический сад и опытная ферма, выставки скота и произведений сельских ремесел, состязания плугов; установлены меры поощрения производства шелка, развились обильные питомники тутовых, виноградных и всякого рода лесных деревьев, и пустынные степи Новороссии постепенно стали оживляться возникающими рощами [16, с. 174-175].

В 1830 г. М.С. Воронцов советует императору возложить на вице-губернаторов, чтобы они склоняли каждую казенную волость сеять леса на удобной земле в их дачах. Пространство, избранное для лесоводства, должно быть, прежде всего, огорожено, а потом вспахано плугом [13, л. 1-2].

В 1831 г. Таврическая Губернская казенная экспедиция разослала в волостные правления объявления на русском и татарском языках с призывом к населению «сеять леса на удобной земле». По представлению М.С. Воронцова, считавшего, что козы «чрезвычайно истребляют леса», Сенат в 1839 г. принял указ, запрещавший татарам их содержание в хозяйствах, находившихся в горной части Крымского полуострова.

Один из путей решения проблемы водообеспечения в Новороссии М.С. Воронцов видел в создании акционерного общества по устройству артезианских фонтанов [1, с. 3-11].

Многие местности Новороссийских степей стали разрабатываться для добычи каменного угля, что снижало зависимость Российской империи от Англии в этом вопросе. М.С. Воронцов не щадил собственных издержек на добычу и разработку месторождений каменного угля. Когда рудник был устроен, граф передал его, без всякого вознаграждения, купцу Иванову [16, с. 208-209].

В области торговли М.С. Воронцов переубедил правительство, что есть другие способы для сближения иностранной торговли с российской. С его подачи, Комитет министров в 1838 г. утвердил положение, по которому создавалась двухнедельная ярмарка в Феодосии.

На юге империи болезненной оставалась проблема постоянной нехватки крестьян для обработки земли. М.С. Воронцов решал её, переселяя крестьян из российских и украинских губерний. Его проект 1826 г. о заселении Бессарабской области был одобрен Комитетом министров. Начиная со второй половины 1820-х гг., генерал-губернатор неоднократно убеждал центральное правительство, что для заселения помещичьих имений целесообразно оставлять всех, кто поселился в Новороссии, там, где они были записаны во время VII ревизии (1815 г.). Сам М.С. Воронцов – собственник огромных имений – пере-

вёз своих крепостных из центральной России и сделал их арендаторами, «фермерами», демонстрируя преимущества некрепостной работы [15, с. 71-74].

Население Крыма было разноэтнично. Наиболее сложным вопросом для новороссийского генерал-губернатора были взаимоотношения с мусульманским населением Крыма. С 1823 г. татарское население стало лично свободным и приравнивалось к казённым поселянам. По мнению Воронцова, наиболее целесообразным было предоставить татарам полную свободу в распоряжении движимой собственностью, поставив их в зависимость от специально составленных правил. Одним из главных принципов, которым руководствовался М.С. Воронцов в вопросе национальных взаимоотношений, была его уверенность, что он должен делать всё от него зависящее, чтобы граждане края могли мирным трудом способствовать развитию региона. Генерал-губернатор считал необходимым поддерживать в крымских татарах желание вести мирную жизнь и заниматься сельским хозяйством. Он был не согласен с мнением правительства о целесообразности привлечения крымских татар к военной службе [6, с. 163-171].

Н.Н. Мурзакевич, оставивший в записках много добрых слов о князе, описывает и взаимоотношения его с татарским населением: «...встреча с татарами графа, приехавшего только что из Одессы, была радостная и непринуждённая; заметно, что они чувствовали и понимали ту защиту, которую им оказывал граф против высасывающего их плоть и кровь земского и уездного начальства...» [5, с. 139].

Источники и литература.

1. Андросов С.А. Документы Государственного архива Автономной Республики Крым о жизни и деятельности М.С. Воронцова // II Крымские Воронцовские Чтения. 2000. С. 3-11.
2. Брагина Т.А. Путешествие по дворянским имениям ЮБК. Забытые имена: Краткий исторический путеводитель. М., 2003. 229 с.
3. Дорожные письма С.А. Юрьевича // Русский Архив. 1887. Кн.2. С.171-216.
4. Записка из дела о чрезвычайной смертности, бывшей между рабочими людьми на ЮБК в течение зимы 1833, 1833 // ГААРК. Ф.27. Оп.1. Д.3794. 205 л.
5. Записки Н.Н. Мурзакевича // Русская Старина. 1887. Апрель. С. 129-144.
6. Захарова О.Ю. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-информ, 2005. 308 с., ил.
7. Керчь в воспоминаниях учёных, писателей и путешественников (XVIII-XIX вв.) // 175 лет керченскому музею древности. Керчь, 2001. С. 172-174.
8. Кургузов В.П. Из истории строительства Ялтинского морского порта // I Крымские Воронцовские Чтения. 2000. С. 19-22.
9. Об устройстве в городе Ялте пристани, вместо которой построен каменный мол, 1837 // ГААРК. Ф.27. Оп.13. Д.443. 15 л.
10. Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892. 96 с.
11. По предписанию генерал-губернатора о постройке в Алуште почтового дома, 1828 // ГААРК. Ф.27. Оп.13. Д.175. 52 л.
12. По предписанию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора о починке по губернии разрушившихся от наводнений мостов и обустройстве по почтовым трактам пирамид и проч., 1829 // ГААРК. Ф. 27. Оп.13. Д. 262. 127 л.
13. По предписаниям Новороссийского генерал-губернатора относительно разведения лесов, 1830 // ГААРК. Ф.68. Оп.1. Д.3692. 18 л.
14. С.Ш. Воронцов Михаил Семенович // Энциклопедический словарь изд-ва русского библиографического института Гранат. СПб., 1912. Т.11. 680 с.
15. Шандра В.С. Новоросійський і Бессарабський генерал-губернатор М.С. Воронцов // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 67-79.
16. Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала кн. М.С. Воронцова. СПб., 1858. 354 с.
17. Самарина Ю. Крымские вина графа Воронцова [Электронный ресурс] // Perekop.info. Популярно о Крыме. Режим доступа: <http://www.perekop.info/crimea/prince-vorontsov-wines-of-crimea/>

ФЕОДОСИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Новикова Е.В.

Школа-гимназия № 24 (г. Севастополь)

Развитие любого государства определяется не только его социально-экономическими показателями, технологическими открытиями, но и уровнем образованности общества. Одной из центральных фигур системы образования является учитель. От уровня его профессиональной подготовки в немалой степени зависит реализация направлений государственной политики, конкурентоспособность страны. Процесс формирования педагогических кадров не может проходить без наличия специальных учебных заведений.

В Российской империи в конце XVIII века начался процесс создания специальных заведений для подготовки учителей – учительских семинарий, а в начале XIX века появились педагогические институты при университетах. Но педагогов все равно не хватало. Условия для ускоренного развития педагогического образования в России были созданы либеральными реформами 60-70-х годов XIX века. В стране было учреждено семь учительских институтов.

Крым, как и многие регионы Российской империи, также испытывал недостаток профессиональных педагогов. В 70-е годы XIX века попечитель Одесского учебного округа С.П. Голубцов (Таврическая губерния входила в состав этого округа) выступил с инициативой открытия учительского института в Феодосии, главной задачей которого была бы подготовка учителей городских школ.

Михаил Федорович Шугуров (1829 – 1891), историк, педагог, инспектор института благородных девиц имени Императора Николая I, посетил Москву и Петербург с целью изучения опыта организации учебного дела в учительских институтах. После этого он стал заниматься организацией института в Феодосии, который был открыт в начале 1874 года и состоял из 4 классов: три класса – теоретические, четвертый – практический. Первым директором его стал М.Ф. Шугуров. (Сам Михаил Федорович окончил курс на философском факультете Московского университета). В Феодосийский институт принимали выпускников учительских семинарий, уездных и городских училищ с 16-летнего возраста. При нем были открыты одногодичные курсы для подготовки учителей народных училищ. Деньги на содержание института поступали от казны, земства, города, пожертвований частных лиц.

Директор Феодосийского института просил директора училищ собрать сведения о том, сколько учителей института работает в губернии, о вакантных местах, об учителях, получивших недостаточное образование для преподавания, о наличии казенных квартир для учителей, получивших распределение по уездам. Эти сведения помогали при решении вопроса о новом наборе учителей - воспитанников в институт. В 1882 году 22 учителя получили назначение в училища губернии [1, л. 2]. А уже в начале XX века институт выпустил 91 человека. Среди них 5 дворян, 1 почетный гражданин, 25 мещан, 47 крестьян и 13 представителей других социальных групп [4, с. 54].

К подбору будущих педагогов руководство подходило очень ответственно, т.к. им *«будет поручен один из самых существенных факторов жизни государства, именно народное образование»* [1, л. 8]. Администрация института запрашивала характеристики воспитанников для того, чтобы удостовериться в отметках, поведении и благонадежности. Даже если оценки были «хорошо» и «очень хорошо», то все равно посылали запрос. Чаще всего ответы были следующего содержания: *«во все время учения в уездном училище [...] не был замечен ни в каких предосудительных проступках и вел себя благопристойно»* [1, л. 3].

Будущие учителя изучали Закон божий, русский и славянские языки, математику, геометрию, историю, географию, естествоведение, физику, педагогику, занимались рисо-

ванием, пением и гимнастикой. Педагоги помогали своим будущим коллегам в освоении методики преподавания, руководили педагогической практикой. Преподаватели института должны были не только учить, но и воспитывать своих подопечных, т.е. *«всецело заботиться о развитии в них тех добрых умственных и нравственных качеств и навыков, которые необходимы для будущего учителя в народном училище»* [2, л. 51]. Педагоги посещали учеников во внеурочное время, руководили чтением книг, проводили с ними праздничные дни. Увольняли воспитанников за «нетрезвый образ жизни», неодобрительное поведение. Об этом сообщали по губернии и в учебные округа [3, л. 133]. Но попечитель Одесского учебного округа призывал лишний раз не наказывать («не перестраховываться») воспитанников, а проявлять «энергию заботливости».

Среди учителей института в начале XX века был Николай Иванович Хрустачев (1883 – 1960), представитель искусства Серебряного века, член Феодосийского союза художников. (Его творчество представлено в десяти музеях Украины и России). В 1913 – 1922 гг. он проживал в Крыму и преподавал в Феодосийском учительском институте. В 1914 – 1916 гг. Н.И. Хрустачев читал лекции на учительских курсах в Симферополе и Феодосии.

Примерно в это же время среди воспитанников этого учебного заведения был Евгений Максимович Григорук (1899 – 1922), украинский поэт, активный организатор издательского дела в Украине. В 1915 году он обучался в институте, но впоследствии сдавал экзамены экстерном, т.к. начались революционные события 1917 года.

Деятельность Феодосийского учительского института способствовала обеспечению учебных заведений начального типа педагогическими кадрами, повышению их профессионального мастерства. Не случайно в обзоре положения начального народного образования в Таврической губернии за 1911-1912 учебный год указано, что образовательный ценз педагогов Таврической губернии «надо считать высоким». Образовательный ценз в Петербурге составлял 78%, в Москве – 76%, а в Таврической губернии – 70% [5, с. 54].

Источники и литература:

1. Государственный архив Автономной республики Крым (далее ГААРК). Ф. 515: Феодосийский учительский институт. Оп. 2. Д. 1. Дело с характеристиками учителей. 1874г. 66 л.
2. ГААРК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Дело канцелярии Феодосийского учительского института с конфиденциальными бумагами 1876. 1877гг. 73 л.
3. ГААРК. Ф. 103: Таврический губернский училищный совет. Оп. 1. Д. 32. Годовая отчетность о народных школах за 1869-1870гг. 176 л.
4. Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908/1909–1909/1910 гг. Симферополь, 1911. 73 с.
5. Обзор положения начального народного образования в Таврической губернии за 1911-1912. Симферополь, 1912. 57 с.

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Филас В.Н.

Запорожский юридический институт МВД Украины

В последнее время отчетливо обозначилась тенденция к росту научных и научно-популярных изданий, специализирующихся на истории военно-морского флота на Чёрном море. Это является характерным показателем роста интереса, как в России, так и на Украине к тематике Черноморского флота на различных этапах его существования. В результате этого стерты многие «белые пятна», а также конкретизированы и углублены общеизвестные факты более чем двухсотлетней истории Черноморского флота. Вместе с тем, большинство научных работ посвящено преимущественно истории флота в XIX – XX вв. В то же время, в специальной литературе слабо представлены научные исследования по проблеме зарождения и становления флота на Черном море в последней четверти XVIII в. Почему сложилась такая ситуация? Мы и попытаемся ответить на этот вопрос в данной статье, проанализировав основные историографические и источниковедческие, а точнее археографические аспекты данной темы.

Одной из первых, на наш взгляд, удачных попыток в историографии представить летопись Черноморского флота на первом этапе его существования является публикация российского морского офицера, историка и археолога Захара Андреевича Аркаса (1793–1866). В 1858 году авторитетное научное издание XIX века «Записки Одесского общества истории и древностей» опубликовало его статью под названием «Начало учреждения русского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 года». Это была первая научная систематизация уже имеющихся знаний, которые были дополнены до этого неизвестными фактами [3].

Вторая половина XIX ст. в исследованиях, посвященных зарождению и становлению Черноморского флота, ознаменовалась появлением работ историографа морского министерства Феодосия Федорович Веселаго. В 1871 году изданы «Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год», от взятия у Котлина казаками шведского судна в царствование Алексея Михайловича до первой обороны Севастополя [13]. В 1872 г. издан составленный Ф.Ф. Веселаго по распоряжению морского министерства «Список русских военных судов с 1668 по 1860 г.», с постройки первого русского корабля «Орел» до начала броненосного судостроения [12]. В 1875 году издан его «Очерк русской морской истории», награжденный Уваровской премией [11]. Кроме того, Ф.Ф. Веселаго издал «Общий морской список», заключающий в себе сведения о службе флотских офицеров, морских артиллеристов, корабельных мастеров и некоторых других лиц, известных своей полезной для флота деятельностью [9]. Публикации Ф.Ф. Веселаго основаны на архивных материалах, поэтому, основным достоинством этих работ, прежде всего, является то, что они содержат богатый фактический материал о военных действиях флота на Черном море в ходе всех русско-турецких кампаний на протяжении последней четверти XVIII в. Кроме того, они предоставляют неплохую информационную базу (по типу общего морского списка) биографий известных адмиралов и главных командиров флота, корабельного состава и прочего.

Немаловажный вклад в исследование темы зарождения и становления Черноморского флота внёс морской историк Виктор Филиппович Головачев, написавший такие труды, как «История Севастополя как русского порта» [14], «Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г.» [15]. Отличительной чертой работ В.Ф. Головачёва является их аналитический характер.

Знаковым для дореволюционной историографии были работы Д.М. Афанасьева «К истории Черноморского флота (1768-1816)» (опубликована в журнале «Русский архив» в 1902

году) [5], Е. Аренса «История русского флота. Екатерининский период» (вышла в Санкт-Петербурге в 1897 году) [2], Р. Скаловского «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова» (вышла там же в 1856 году) [30]. Подытожил все предшествующие наработки пятнадцатитомник «История русской армии и флота», вышедший в 1911 году в Москве [23].

Сейчас эти работы, и особенно З.А. Аркаса, Ф.Ф. Веселаго и пятнадцатитомник «История русской армии и флота», являются едва ли не основными пособиями при изучении истории зарождения и становления Черноморского флота.

В советской и современной историографии оригинальных, фундаментальных специальных исследований по проблеме зарождения и становления флота на Черном море не появлялось. Однако в массовом порядке появились работы, где история Черноморского флота последней четверти XVIII в. отображена как составная часть основного предмета исследования. Условно этот огромный пласт научных и научно-популярных работ советского периода можно разбить на следующие тематические группы.

История кораблестроения. Здесь знаковыми стали такие произведения, как «История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней» А.П. Шершова [37], первый том «Истории отечественного судостроения» [22], «Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота» А.М. Данилова [16], «Развитие кораблестроения на юге России» Б.Н. Зубова [21] и др.

Общая история российского флота. Эта группа представлена, в первую очередь, такими трудами, как «Боевая летопись русского флота» [6], «История Российского флота» А.П. Алхименко, В.Д. Доценко [1], «История флота государства Российского» В.А. Золотарева, И.А. Козлова, В.С. Шломина [22] и другие подобные работы.

История Черноморского флота представлена такими трудами общего и научно-популярного направления, как «Черноморский флот. Исторический очерк» [36], «Краснознаменный Черноморский флот» [25], «Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье» В.А. Золотарева, И.А. Козлова. [19], «История Черноморского флота» А.Г. Сизенко [29], «Черноморский флот России. Исторический очерк» [35] и др.

История черноморских баз флота, в первую очередь, Севастополя, Николаева, Херсона. Здесь нужно отметить работы Е.В. Тарле «Город русской славы» [33], Ю.С. Крючкова «История Николаева от основания до наших дней» [25] и другие работы.

Деятельность видных флотских персоналий. Это произведения Г. Шторма «Флотоводец Ушаков» [38], П.П. Смирнова «Адмирал Ушаков» [31], В.С. Усольцева «Ф.Ф. Мекензи – основатель города Севастополя» [34], Н.В. Шушлянской, посвященное истории Херсона и Херсонской губернии [39] и другие работы сходного направления.

В вышеперечисленных трудах прослеживается боевая летопись Черноморского флота, а также некоторые аспекты корабельного дела на Черном море, начиная со времени зарождения здесь флота. Как правило, небольшие разделы в таких работах посвящены хорошо известным событиям истории Черноморского флота периода последней четверти XVIII в. Можно говорить, что исследования зарождения и становления Черноморского флота в советский период несколько «застыли». «Просветлением в конце тоннеля» стало появление диссертаций А.Г. Сизенко «Возникновение Черноморского флота 1778-1802 гг.» [28] и В.Д. Овчиникова «Роль и место Черноморского флота в достижении Российским государством военно-политических целей, конец XVIII – начало XIX вв.» [26]. Однако эти работы не отражают даже половину известных архивных источников. Но в целом можно сказать, что это шаг вперед и можно лишь приветствовать появление таких трудов.

Схожую ситуацию мы наблюдаем в археографии данной проблемы. Будучи правителем канцелярии Морского учёного комитета, русский историк военно-морского флота, капитан 1-го ранга Сергей Иванович Елагин, в середине XIX в. разработал план написания истории русского военно-морского флота, собрал огромный материал (послуживший в дальнейшем основой 5-томника «Материалы для истории русского флота») и начал составлять историческое описание. Однако, к сожалению, исследователь успел подготовить только первый том предполагаемого обширного труда – «История русского флота. Период Азовский» [18]. Последователем дела С.И. Елагина стал Феодосий Федорович Веселаго, который продолжил издание «Материалов для истории русского флота». В 1875 г. вышел

У том «Материалов истории русского флота», первый под редакцией Ф.Ф. Веселаго. Для нашей тематики интересны шестой (1877) и пятнадцатый (1895) тома, где представлены материалы по Черноморскому флоту последней четверти XVIII в. [7, 8]. В 1873 году Ф.Ф. Веселаго назначен председателем комиссии для разбора и описания дел архива морского министерства с его основания и до 1805 г. В результате этой работы появились десять томов «Описания дел Архива Морского министерства», которые выходили с 1877 по 1902 года [10]. Ценность этих работ Ф.Ф. Веселаго заключается в том, что они дают нам, во-первых, возможность чётко определить генеральную и с небольшой погрешностью актуализированную источниковедческие базы; во-вторых, публикуя документы, он сберёт те, оригиналы которых по разным причинам на сегодняшний день уже утрачены.

Большую роль во введении в научный оборот документов по истории Черноморского флота последней четверти XVIII в. в дореволюционный период сыграли такие периодические издания, как «Русский архив», «Морской сборник», «Исторические записки», «Записки Одесского общества истории и древностей», на страницах которых публиковались отдельные документы или небольшие серии документов. Также некоторая часть документов опубликована в тематических сборниках, напрямую не посвященных флоту (например, «Архив графов Мордвиновых») [4].

В советский и современный периоды археографические публикации по данной теме появляются спорадически, в основном, в сборниках посвященных юбилеям, например, «Севастополю 200 лет: 1783-1983» [28], или деятельности отдельных персоналий «А.В. Суворов. Документы» [32], «Документы. Ушаков Ф.Ф.» [17] и др.

Как в историографии, так и в археографии данного вопроса наблюдается схожая ситуация, а именно бурное развитие в XIX в. и замирание в советское время и на современном этапе. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, уже в период своего бурного развития историография проблемы зарождения и становления флота отходила в тень других ярких эпизодов истории Черноморского флота, а именно Крымской войны, создания парового броненосного флота (конец XIX – начало XX в.), истории проектирования и постройки отдельно взятых известных боевых кораблей. В советское время эти научно-изыскательные акценты начали ещё сильнее смещаться в пользу, в первую очередь, истории функционирования флота в советский период, войн на море и хроники боевых операций флота, особенно в гражданскую, первую и вторую мировые войны.

Этому процессу немало способствовала официальная советская идеология, которая «выдёргивала» из истории Черноморского флота последней четверти XVIII ст. знаковые эпизоды в идеологическо-воспитательных целях и делала основной упор на изучении истории нового рабоче-крестьянского флота.

Во-вторых, в процессе изучения истории флота всегда отдавалось предпочтение тем источникам, которые были более доступны и удобны в использовании.

Поэтому для историографии проблемы зарождения и становления Черноморского флота последней четверти XVIII в. характерно, что из публикации в публикацию переходят одни и те же факты и пассажи, подавляющее большинство которых известны из трудов учёных XIX в. с «вкраплением», в редких случаях, неопубликованных архивных материалов и имеющих сравнительно поверхностный характер по сравнению с другими страницами истории Черноморского флота.

Вместе с тем, только в одном архиве - РГА ВМФ - имеется около сотни фондов и тысячи дел, которые ещё не введены в научный оборот и ждут своих исследователей. Эти источники могут, во-первых, пролить свет на малоизвестные факты зарождения и становления славного Черноморского флота, во-вторых, конкретизировать уже известные факты и углубить знания по данной тематике.

К тому же практически отсутствуют исследования, посвященные истории зарождения и становления флота, документы из иностранных архивов, в первую очередь, турецких.

Поэтому можно констатировать, что проблема зарождения и становления Черноморского флота остаётся достаточно открытой. Остаются дискуссионными даже те вопросы,

которые, в принципе, считаются многими исследователями уже решенными. До сих пор, к примеру, не снят вопрос о том, какое событие считать началом Черноморского флота: прибытие кораблей Петра Великого в Азовское море, создание верфи на Чёрном море в районе Глубокой пристани, где был основан город Херсон в 1778 году, приход кораблей адмирала Клокачёва в Ахтиарскую бухту в 1783 году, создание первого адмиралтейства в Херсоне в 1785 году или иное событие. И таких дискуссионных вопросов остаётся достаточно много, потому что процесс обновления фактов, как видим, проходит достаточно медленно.

Источники и литература:

1. Алхименко А.П., Доценко В.Д. История Российского флота 1696 – 1917. СПб., 1995.
2. Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1897.
3. Аркас З.А. Начало учреждения российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 года // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IV. 1858.
4. Архив графов Мордвиновых. Предисловие и примечания В.А. Бильбасова. Т. IV. СПб., 1902–1903.
5. Афанасьев Д.М. К истории Черноморского флота (1768-1816) // Русский архив. 1902. Кн. 1-2.
6. Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX вв. по 1917 г. М., 1948.
7. Веселаго Ф.Ф. Материалов для истории русского флота. Т.6. СПб., 1877.
8. Веселаго Ф.Ф. Материалов для истории русского флота. Т.15. СПб., 1895.
9. Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. СПб., 1885.
10. Веселаго Ф.Ф. Описания дел Архива Морского министерства. СПб., 1877-1902.
11. Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875.
12. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872.
13. Веселаго. Ф.Ф. Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год. СПб., 1871.
14. Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872
15. Головачев В.Ф. Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г. СПб., 1876.
16. Данилов А.М. Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996.
17. Документы. Ушаков Ф.Ф. М., 1951-1956.
18. Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.
19. Золотарев В.А., Козлов И.А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.
20. Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского. Т.1. М., 1996.
21. Зубов Б.Н. Развитие кораблестроения на юге России. Калининград, 1990.
22. История отечественного судостроения. Т. I. СПб., 1994.
23. История русской армии и флота. М., 1911.
24. Краснознаменный Черноморский флот. М., 1979.
25. Крючков Ю.С. История Николаева от основания до наших дней. Николаев, 1996.
26. Овчиников В.Д. Роль и место Черноморского флота в достижении Российским государством военно-политических целей, конец XVIII - начало XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02, М., 1998
27. Севастополю 200 лет: 1783-1983. Сборник документов и материалов. К., 1983.
28. Сизенко А.Г. Возникновение Черноморского флота 1778-1802 гг. Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02, М., 2002.
29. Сизенко А.Г. История Черноморского флота. СПб., 2001.
30. Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856.
31. Смирнов П.П. Адмирал Ушаков, М., 1981.
32. Суворов А.В. Документы. М., 1951.
33. Тарле Е.В. Город русской славы. М., 1954.
34. Усольцев В.С. Ф.Ф. Мекензи - основатель города Севастополя. Севастополь, 2006.
35. Черноморский флот России. Исторический очерк. Симферополь, 2002.
36. Черноморский флот. Исторический очерк. М., 1967.
37. Шершов А.П. История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней Л., 1940.
38. Шторм Г. Флотоводец Ушаков. М, 1948.
39. Шушляникова Н.В. Розповіді з історії Херсонського краю: до 200-річчя Херсон. губернії та 225-річчя Херсона. Херсон, 2003.

III НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ КРЫМОВЕДА УСЕИНА БОДАНИНСКОГО

Арифов А.С.

Исследователь

Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877-1938) был *«человеком чрезвычайно многогранной одарённости и широкого круга интересов – художником, знатоком народного творчества, энтузиастом археологического и этнографического изучения Крыма, педагогом и музейным работником»* [45, с. 220]. Неутомимая деятельность Боданинского – это огромный вклад в развитие этнографического и археологического изучения Крыма. Это была комплексная, разносторонняя художественно-педагогическая работа, которая касалась возрождения народных промыслов, обучения молодых художников в татарской областной художественно-промышленной школе, организации Бахчисарайского краеведческого кружка, первым директором которого и являлся У. Боданинский. Но деятельность Усеина Абдурефиевича, как и многих других деятелей науки и культуры, была прервана тоталитарным режимом, уничтожившим лучшие умы своей страны.

В последнее время жизни, творчеству и литературному наследию У. Боданинского уделяется все больше внимания. Этой проблеме посвящены труды В.Ф. Козлова [11-13], С.М. Червонной [44], Д.П. Уреу [28; 29; 30, с. 63-73, 131-133; 32], Э. Черкезовой [45; 46], У.К. Мусаевой [16; 17, с. 27-50], А.В. Хливнюка [39-41]. Тем не менее, в биографии этого человека немало «белых пятен», до сих пор не составлен полный перечень его работ. В этой связи в предлагаемой ниже статье предпринята попытка обратить внимание на основные моменты творческой биографии Усеина Абдурефиевича, а также предложить вниманию читателей список его печатных работ.

Итак, значительная фигура в крымскотатарском изобразительном искусстве, профессиональный художник-монументалист, прекрасный знаток крымскотатарского декоративно-прикладного искусства, обладавший глубокими знаниями в области археологии и архитектуры, историк – У.А. Боданинский родился 1 декабря 1877 года в с. Бодана, в семье учителя Симферопольского народного татарского училища [19, с. 28]. На протяжении 1889-1896 годов учился в Симферопольской татарской учительской школе [6, л. 114], обучался у знаменитого И.И. Казаса [23; 24]. Переходил из класса в класс с наградами 1-й и 2-й степени [6, л. 114]. Юношу после окончания школы направляют в Москву в Строгановское художественно-промышленное училище, которое он окончил в 1905 году. Получив специальность художника-декоратора, Усеин возвращается в г. Симферополь, где в 1905-1907 годах преподаёт графическое искусство в коммерческом училище [30, с. 65]. В 1907 году его приглашают руководить художественно-промышленной школой, филиалом Строгановского училища, где Усеин Абдурефиевич впоследствии преподаёт рисование. В «Строгановке» пробует свои силы и в декоративном творчестве. В 1909 году на Всероссийском конкурсе его эскизу мебели присуждается первая премия [46, с. 204].

С 1907 по 1909 годы Боданинский периодически выезжал за границу, стажировался в Стамбуле, Париже, Мюнхене и Дрездене. В 1912 году совершил поездку в Италию по специальному заданию для изучения монументальной живописи эпохи Возрождения [46, с. 204].

На протяжении 1911-1917 годов Усеин Абдурефиевич работает художником-декоратором в Петрограде, выполняя эскизы интерьеров в ряде общественных зданий и частных особняков [43, с. 440]. Художник много и плодотворно работает и участвует в выставках и конкурсах. Его графические рисунки, эскизы золотошвейного ткачества занимают первые места на конкурсах в Петербурге [12, с. 114].

В 1917 году Усеин вернулся в Крым, где вместе со своим старшим братом Али Боданинским¹ в 1917-1920 годах принимает активное участие в общественно-политической жизни полуострова.

4-го октября 1917 года Усеин Боданинский назначается директором музея Бахчисарайского Ханского дворца [8, л.3], тожественное открытие которого состоялось 3 октября 1917 года [1]. Под руководством Усеина дворец-музей превратился в авторитетный научный центр. Развернулась огромная работа по изучению истории, этнографии, археологии и сохранению культурного богатства крымских татар. Благодаря усилиям Усеина Абдурефиевича состоялось расширение музея за счёт таких исторических мест, как Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Тепе-Кермен. В 1924 году фонд дворца-музея уже состоял из 2254 экспонатов, отдел редких рукописных книг насчитывал 211 экземпляров [46, с. 205].

Боданинский принимал активное участие в раскопках таких памятников прошлого, как Чуфут-Кале, Эски-Юрт, Черкез-Кермен. Занимался организацией археологических и этнографических экспедиций, наиболее плодотворная – археолого-этнографическая экспедиция 1925 года. Участники экспедиции «на линейке с парой лошадей» за 45 дней преодолели около 500 верст, посетили 40 населённых пунктов, в том числе 5 городов [4, с. 7]. Примечательно, что Усеин Абдурефиевич давно лелеял мысль о проведении этнографической экспедиции – ещё на заседании Общества естествоиспытателей и любителей природы в 1915 году он высказывал такое предположение: *«Мне известны частные этнографические коллекции: в Ялте у кн. Багратиона, в Симферополе – у госпожи Контрольской, которая зарисовывает их. У меня есть рисунки вышивок. Я предлагаю устроить выставку, а полученные при её помощи средства (может быть, не все, часть отдать на благотворительные дела) обратить в фонд для экспедиции по изучению крымской этнографии»* [22, с. 214].

Усеин Абдурефиевич стал одним из основных консультантов при создании первого художественного фильма крымских татар «Алим». В 1927 году он выполнил эскизы костюмов к балету «Бахчисарайский фонтан» Б.В. Асафьева в татарском театре [42, с. 440].

В изобразительном искусстве он проявил незаурядный талант, тонкий вкус, профессиональное мастерство как в монументальных росписях, так и в книжной графике. В изданных в 1924 году путеводителях П.В. Никольского «Бахчисарай» и «Бахчисарай. Чуфут-Кале. Саланчик» [20] помещены его изящные орнаменты и виньетки. Вышедшая в 1926 году книга З. Бахаревича и О. Одабаша «Крымско-татарские детские песни» [2], сопровождалась 16-ю рисунками У. Боданинского. Интересны жанровые зарисовки и гравюры по мотивам татарского быта и творчества – графические листы «Выделка войлоков», «Мастерская медника» и другие (сер. 1920-х годов). Они имеют немаловажное значение как достоверный источник по этнографии крымских татар и как произведения искусства, отмеченные композиционной собранностью, линейной грацией, индивидуальной выразительностью.

В период пребывания Усеина Абдурефиевича на посту директора Бахчисарайского музея, музей приобрёл значение интеллектуального и культурного центра крымских татар. При музее была организована библиотека по изучению Востока, открытая по понедельникам, вторникам, средам с 10 до 3 часов, и по пятницам, субботам, воскресеньям с 4 до 9 часов вечера. На 1930 год в библиотеке имелось 2500 книг [15, с. 326].

Усеин был одним из наиболее авторитетных и продуктивных учёных-востоковедов Крыма. Его научные труды печатались в журналах «Новый Восток», «Крым», «Илери», «Большевик», ряд статей был опубликован в газете «Красный Крым». У. Боданинский принимал активное участие в работе Таврической учёной архивной комиссии. В протоколах ее заседаний зафиксированы его доклады об изучении пословиц и поговорок крымских татар, сделанные 10 февраля 1910 и 19 мая 1912 года [35, с. 46]. Во всекрымское

¹ См. об Али Боданинском: Боданинский У. Али Боданинский (1865-1920) // Революция в Крыму. 1928. № 8. С. 101-103; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крым в 1917 году: от эйфории марта к конфронтации Октября // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14. С. 122-188; Камилев Ф. Али Абдурефи огълу Боданинский // Ёылдыз. Ташкент. 1980. № 2. С. 140-142; Рамазанов У. Просветитель, демократ, коммунист // Памяти павших за советский Крым. 1918-1920. Сборник статей и воспоминаний. Симферополь, 1940. С. 179-185.

движение по охране памятников он влился в 1923 году в составе преемника Таврической учёной архивной комиссии – Таврического общества истории, археологии и этнографии [36, с. 17].

Усеин Абдурефиевич тесно сотрудничал с такими известными учёными как О. Н. Акчокраклы¹, А. Башкировым², И. Бороздиным³, Б. Засыпкиным⁴, И. Крачковским⁵, Н. Эрнстом⁶, Я. Якубом-Кемалем⁷ и др.

Жизнь Боданинского, как и многих других деятелей культуры, оборвалась трагически. В феврале 1934 года без указания причин он был снят с должности. Начались долгие месяцы скитаний – последние годы жизни Усеина Абдурефиевича слабо изучены. Известно, что в 1936 году Боданинский переезжает в Москву, но там не задерживается. В 1937 г. он уже оформляет институт в Тбилиси, где он и был арестован в том же году [30, с. 63]. Усеин Боданинский был приговорён к высшей мере наказания и в апреле 1938 года расстрелян [30, с. 64]. После 1938 г. имя У. Боданинского вычеркнули из истории, и лишь спустя десятилетия оно воскресает в памяти народа, его наследие восстанавливают по крупицам. Известный крымский историк У.К. Мусаева выявила в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук пять собственноручно заполненных анкет Усеина Боданинского [16, с. 12]. В анкете, заполненной в 1933 году (последняя из выявленных), имеется запись: «... Имею 17 печатных работ и 3 рукописи...» [16, с. 16]. Вероятно, печатных работ у У. Боданинского больше. Во всяком случае, предлагаемый вниманию читателей список печатных трудов У. Боданинского насчитывает 18 позиций:

- Боданинский У.А. Бахчисарайские памятники // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь, 1916. – Т.5. – С. 125-129.
- Боданинский У. Бахчисарай // Путеводитель по Крыму: Симферополь – Бахчисарай – Севастополь – Южный берег / Под ред. А.И. Маркевича, А.И. Полканова, Н.Л. Эрнста; Крым ОХРИС. – Симферополь, 1923. – С. 13-19.
- Боданинский У. Окрестности Бахчисарая // Путеводитель по Крыму: Симферополь – Бахчисарай – Севастополь – Южный берег / Под ред. А.И. Маркевича, А.И. Полканова, Н.Л. Эрнста; Крым ОХРИС. – Симферополь, 1923. – С. 20-32.
- Башкиров А., Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт. – Москва, 1925. – 46 с.
- Боданинский У. Бахчисарайский ханский дворец: Краткий очерк. – Симферополь, 1925. – 41 с.
- [Боданинский У.] Крым много веков назад: Работа этнографической группы научной экспедиции Крым ЦИКа и СНК // Красный Крым. - Симферополь, 1925. – 23 авг.

¹ См. об О. Акчокраклы: Урсу Д.П. Акчокраклы Осман // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1941): Биобиблиографический словарь / Гл.ред. и сост. Д.П. Урсу. Симферополь, 1999. С. 27-31; Он же. Расстрелянное поколение крымскотатарских подвижников культуры: Осман Акчокраклы // Голос Крыма. Симферополь, 1996. 15 марта.

² См. об А.С. Башкирове Пяташева К. А.С. Башкиров // Советская археология. М., 1963. № 3. С. 316-317; Формузов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. С. 205-206, 227-244.

³ См. о И. Бороздине: Бороздина П.А. «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000. С. 7-168; Илья Николаевич Бороздин: Библиография / Сост. В.А. Афонюшкин (редактор), А.Н. Горяйнов, И.И. Романова. Воронеж, 1959. 28 с.

⁴ См. о Б.Н. Засыпкин: Памятники архитектуры в Советском Союзе: очерки истории архитектурной реставрации // Под ред. А.С. Щепкова. М., 2004.

⁵ См. о И.Ю. Крачковском: Кочубей Ю. Великий дослідник Сходу: До сторіччя з дня народження І.Ю. Крачковського // Всесвіт. Київ, 1983. № 12. С. 121-124; Непомнящий А.А. «Ещё держится у нас старая культурность...»: Новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И.Ю. Крачковским // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 19. с. 181-202.

⁶ См. об Н.Л. Эрнсте: Филимонов С.Б. Тайны судебно-следственных дел: Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940 гг. / К 80-летию окончания Гражд. войны в Крыму. Симферополь, 2000. С. 117-125; Он же. Тайны крымских застенков: Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940 гг. Изд-е 2-е, дополненное. Симферополь, 2003. С. 172-180; Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 242-255.

⁷ См. о Я. Якубе-Кемале: Урсу Д.П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941). Симферополь, 1999. С. 31-33; Циганкова Е.Г. Нотатки до історії тюркології в Україні // Сходознавство. Київ, 2001. № 13/14. С. 62-73.

- Боданинский У., Грозный Я., Одинцов М. Экскурсионный план для г. Бахчисарая и его района, предложенный Бахчисарайским дворцом-музеем и одобренный конференцией Главполитпросвета НКП РСФСР в январе 1926 года // Крым. – 1926. - № 2. – С. 169-176.
- [Боданинский У.А.] Карасубазарская старина // Красный Крым. – Симферополь, 1926. – 3 сент. – Изд. под псевд.: Усейн Адель-Рефи.
- Боданинский У. Новые материалы по этнографии татар в Крыму: Экспедиция Кр. ЦИКа и СНК по изучению татарской культуры в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. - № 3. – С. 6-7.
- Боданинский У. Татарские мавзолеи «Дурбе» в Крыму: Из истории искусства крымских татар // ИТОИАиЭ. – 1927 – Т.1. – С. 195-201.
- Боданинский У. Али Боданинский (1865-1920) // Революция в Крыму. – 1928. - № 8. – С. 100-103.
- Боданинский У. Бахчисарайский музей // Человек. – Ленинград, 1928. - № 2/4. – С. 281-283.
- [Боданинский У.] Отдел Крымской Автономной ССР // Путеводитель по Юбилейной выставке искусства народов СССР, организованной Государственной Академией художественных наук / Гос. Академия художественных наук; Предисл. Б. Соколова; В 2-х вып. – Москва, 1928. – Вып. 2: Народное творчество. Художественная промышленность. – С. 21.
- Боданинский У. Производства из шерсти у крымских татар // Крым. – Москва, 1928. - № 1(6). – вып. 2. – С. 67-75.
- Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Акчокраклы О. Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928-1929 гг. // ИТОИАиЭ. – Симферополь, 1929 – Т. 3. – С. 170-187.
- Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение крымских татар в Крыму / Гос. дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае. – Симферополь, 1930. – 31 с.
- Боданинский У. Искусство крымских татар // Большевик. - Симферополь, 1930. - С. 30-33.
- Боданинский У. Черкез-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. - № 117. – С. 81-88.

Мы допускаем возможность пополнения списка. Это - одна из очередных задач исследователей-крымоведов.

О том или ином народе судят по лучшим его представителям. Думаю, что Усейн Боданинский является одним из лучших представителей своего народа. Долгом современного поколения является увековеченье имени Усеина Боданинского, полномасштабное и правдивое изучение его деятельности и ликвидация в ней «белых» пятен.

Источники и литература.

1. [Боданинский У.] Бахчисарай 3-о ноября с.г. // Голос татар. Симферополь, 1917. № 14. 7 ноября.
2. Бахаревич З., Одабаш А. Крымско-татарские детские песни. Симферополь, 1926. 44 с.
3. Боданинский У. Али Боданинский (1865-1920) // Революция в Крыму. 1928. № 8. С. 101-103.
4. Боданинский У. Новые материалы по этнографии татар в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. С. 6-7.
5. Бороздина П.А. «Думой века измерил...» // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000. С. 7-168.
6. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 111. Оп. 1. Д. 158. Л. 114.
7. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф.Р-2235. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
8. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крым в 1917 году: от эйфории марта к конфронтации Октября // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14. С. 122-188.
9. Илья Николаевич Бороздин: Библиография / Сост. В.А. Афонюшкин (редактор), А.Н. Горяйнов, И.И. Романова. Воронеж, 1959. 28 с.
10. Камилев Фарух. Али Абдурефи огълу Боданинский // Ёылдыз. Ташкент. 1980. № 2. С. 140-142.
11. Козлов В.Ф. Выставка народного искусства крымских татар в 20-30-е годы // Голос Крыма. 1996, 26 января.
12. Козлов В.Ф. Музей директоры // Ёылдыз. Ташкент, 1987, № 4. С. 112-125.
13. Козлов В.Ф. Охрана исторических памятников в Крыму (1920-1941) // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. 1994. Вып. 15, М. С. 135-140.
14. Кочубей Ю. Великий дослідник Сходу: До сторіччя з дня народження І.Ю. Крачковського // Всесвіт. Київ, 1983. № 12. С. 121-124.
15. Крым. Путеводитель. Изд-е 3. Симферополь, 1930. 615 с.
16. Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского. Симферополь, 2007. 240 с.
17. Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921-1941: Историографические очерки. Симферополь, 2004. 211 с..
18. Наука и научные работники СССР. Ч. 6. Л., 1928. 305 с.
19. Непомнящий А.А. «Ещё держится у нас старая культурность...»: Новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И.Ю. Крачковским // Историческое

- наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 19. с. 181-202.
20. Никольский П.В. Бахчисарай: Культурно-исторические экскурсии // Крым ОХРИС. Симферополь, 1924. 50 с.
 21. Памятники архитектуры в Советском Союзе: очерки истории архитектурной реставрации // Под ред. А.С. Щепкова. М., 2004.
 22. Прения по докладу Самойловича // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1916. Т. 5. С. 213-215.
 23. Прохоров Д.А. И.И. Казас – инспектор Симферопольской татарской учительской школы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 599-621.
 24. Прохоров Д.А. И.И. Казас и вопросы развития исторического краеведения в Крыму в конце XIX начале XX вв. // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1. С. 44-52.
 25. Пятышева К. А.С. Башкиров // Советская археология. М., 1963. № 3. С. 316-317.
 26. Рамазанов У. Просветитель, демократ, коммунист // Памяти павших за советский Крым. 1918-1920. Сборник статей и воспоминаний. Симферополь, 1940. С. 179-185.
 27. Урсу Д.П. Акчокраклы Осман // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1941): Биобиблиографический словарь / Гл.ред. и сост. Д.П. Урсу. Симферополь, 1999. С. 27-31.
 28. Урсу Д.П. З історії сходознавства в Криму // Східний світ, Київ, 1999. № 2(8). С. 113-114.
 29. Урсу Д.П. Медениет федаитери // Ыылдыз. Симферополь, 1996. № 2. С. 101-109.
 30. Урсу Д.П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941). Симферополь, 1999. 144 с.
 31. Урсу Д.П. Расстрелянное поколение крымскотатарских подвижников культуры: Осман Акчокраклы // Голос Крыма. Симферополь, 1996. 15 марта.
 32. Урсу Д.П. Усеин Боданинский // Голос Крыма. Симферополь, 1996. 29 марта.
 33. Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков: Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940 гг. Изд-е 2-е, дополненное. Симферополь, 2003. 304 с.
 34. Филимонов С.Б. Тайны судебно-следственных дел: Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940 гг. / К 80-летию окончания Гражд. войны в Крыму. Симферополь, 2000. 128 с.
 35. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 1996. 120 с.
 36. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической учёной архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931). Изд-е 2-е, перераб. и доп. Симферополь, 2004. 316 с.
 37. Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 242-255.
 38. Формузов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. 315 с.
 39. Хливнюк А.В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20-х – начале 30-х годов XX века: По материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 17. С. 9-29.
 40. Хливнюк О.В. З історії пам'яткоохоронної роботи в Криму в 20-х на початку 30-х років XX ст. // Праці Центру пам'яткознавства. К., 2007. Вип. 11. С. 237-266.
 41. Хливнюк О.В. З історії становлення пам'яткоохоронної роботи в Криму на початку 20-х рр. XX ст. // Український історичний збірник. К., 2005. Вип. 8. С. 219-224.
 42. Художники народов СССР: В 6 т. М., 1970. Т. 1. 680 с.
 43. Циганкова Е.Г. Нотатки до історії тюркології в Україні // Сходознавство. Київ, 2001. № 13/14. С. 62-73.
 44. Червонная С.М. Искусство татарского Крыма. М., 1994. 296 с.
 45. Черкезова Э. О славном роде Боданинских // Голос Крыма. Симферополь, 2003. 9 мая.
 46. Черкезова Э. Усеин Боданинский: Художник, искусствовед, общественный деятель (штрихи к портрету 1877-1938 гг.) // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: Материалы международной научной конференции 28-29 мая 1999 г. Симферополь. Симферополь, 2001. С. 203-206.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КРЫМСКОЙ АССР В 1921 Г.

КРАПИВЕНЦЕВ М.Ю.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Одной из наиболее актуальных проблем изучения истории Крыма является выявление и анализ причинно-следственных связей событий, происходивших на полуострове в начале 20-х гг. XX в.: создания республики, преодоления голода, становления так называемой «Красной здравницы» и т.д. В послевоенный период и вплоть до начала Перестройки эта тематика была искусственно выведена из поля зрения исследователей: архивные фонды оставались закрытыми, а сами темы находились под фактически запретом.

Когда в конце 80 – начале 90-х годов XX в. появилась возможность начать объективное изучение данной проблематики, она привлекла внимание целого ряда ученых. Появились первые обобщающие труды и публикации источников (см. например: [3]). Среди них важнейшими стали монографии В.М. Брошевана и А.А. Форманчука «Крымская республика: год 1921-й» [1], П.И. Гарчева, Л.П. Кононенко и М.М. Максименко «Республика Таврида» [2], сборник «Крымская АССР (1921-1945): вопросы и ответы» [9]. Наиболее глубоким и комплексным исследованием истории Крыма периода гражданской войны, Интервенции и первых лет советской власти, стала вышедшая в 2008 году работа А.Г. Зарубина и В.Г. Зарубина «Без победителей» [6]. Отдельные аспекты истории Крыма периода гражданской войны и первых лет советской власти отражены в ряде специальных статей и монографий [4; 10; 11]. Среди них следует отметить книги С.А. Усова «Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР» [10] и С.Б. Филимонова «Интеллигенция в Крыму (1917-1920)», как единственные, основанные на материалах не только крымских, но и центральных российских архивов. Эти исследования показали, что работа по выявлению и публикации новых источников, хранящихся в Москве, может и должна быть продолжена. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) сохранились сотни документов, проливающих свет на историю создания и становления Крымской АССР, изменение позиции центральных и местных властей по данному вопросу, учету национальных и геополитических реалий при принятии решения о создании республики.

В частности, автору настоящей статьи удалось установить, что решение вопроса об административно-территориальном статусе Крыма проходило в острых дискуссиях между отдельными членами Крымского Ревкома во главе с Ю.П. Гавеном, выступавшими за создание автономной республики в составе РСФСР и первым секретарем областкома РКП(б) И.А. Акуловым, сторонником областного статуса полуострова.

Принципиальные расхождения местных властей по данному вопросу поставили центральные органы власти РСФСР перед необходимостью принять сторону одной из них, с соответствующими кадровыми последствиями для другой. В дискуссию о статусе Крыма были вовлечены как высшие органы власти (ВЦИК и СНК РСФСР), так и ряд центральных ведомств: Наркомнац, и даже НКВД.

В связи с этим, назрела необходимость максимально полного введения в научный оборот документов о работе направленной в Крым в июне 1921 г. Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма, деятельность которой на сегодняшний день практически не отражена в историографии. Одно из направлений работы Комиссии, связанное с решением земельного вопроса, рассмотрено в статье Е.А. Горюновой «О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы», другие стороны ее деятельности автором не затрагивались [4].

Как явствует из выявленных в ГА РФ и РГАСПИ документов, главной задачей Комиссии была подготовка населения и властей полуострова к провозглашению республики

в составе РСФСР. Более того, руководство Комиссии старалось убедить руководство страны в необходимости именно такого определения административного статуса полуострова. В преддверии создания республики, члены Комиссии и привлеченные ими местные специалисты были призваны обеспечить решение наиболее острых внутренних проблем Крыма: прекращения гонений против крымско-татарского населения и вовлечение его в советское строительство, борьба с голодом, учет законных интересов крымчан при создании Красной здравницы [5] и т.д.

Автором настоящей статьи запланирована серия публикаций документов из центральных государственных архивов России, Государственного архива в Автономной Республике Крым и местных архивов Крыма, проливающих свет на деятельность Полномочной комиссии по вопросам курортного строительства в Крыму, борьбы с голодом, решения национального, земельного вопросов и т.д.

Ниже публикуется первая группа источников, повествующая о взаимоотношениях центральных и местных органов власти в период, предшествовавший созданию Крымской АССР. Документы приводятся в хронологической последовательности, чтобы передать ход событий.

Подробнее о создании, работе и итогах деятельности Полномочной комиссии см. другие публикации автора: [7; 8].

Источники и литература:

1. Брошеван В., Форманчук А. Крымская республика: год 1921-й. Симферополь, 1992.
2. Гарчев П.И., Каноненко Л.П., Максименко М.М. Республіка Тавріда. К., 1990.
3. Годовой отчет Крымской Чрезвычайной Комиссии за 1921 год. [Электронный ресурс] / Обзорная справка по голодомору в Крыму (1921 – 1922 гг.) // Сайт «Представництво Президента України в Автономній Республіці Крим». Режим доступа: www.ppu.gov.ua/images/Golodomor2.rtf
4. Горюнова Е.А. О политических настроениях крымского крестьянства в 1920-е годы [Электронный ресурс] // Культура народов Причерноморья. 1997. № 3. Режим доступа: http://elib.crimea.edu/ndex.php?option=com_content&task=view&id=29
5. Доклад Председателя Полномочной Комиссии Ш. Ибрагимова в ЦК РКП // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 23. Д. 13.
6. Зарубин А.Г. Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
7. Крапивенцев М.Ю. Дискуссия в центральных и местных органах власти об административно-правовом статусе Крыма в 1921 году // III Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Т. II. Севастополь, 2009. С. 97-107.
8. Крапивенцев М.Ю. Роль Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма в создании Крымской АССР // Культура народов Причерноморья (в печати).
9. Крымская АССР (1921-1945) / Сост. Ю.И.Горбунов. Симферополь, 1990. (Вопросы – ответы; Вып.3).
10. Усов С.А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР. Севастополь, 2003.
11. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917-1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРЫМА 1921 г.

**ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(публикуются впервые)**

* * *

№ 1

Телеграфная переписка отдела пенсий Наркомсобеса Крыма и НКВД РСФСР

ЗАПРОС:

СРОЧНО

В Наркомвнудел

Ввиду поступающих за последнее время частных заявлений и ходатайств от лиц, проживающих в Крыму, Отдел Пенсий Наркомсобеса просит сообщить: является ли Крым автономной Республикой или же входит в состав Украинской Советской Республики.

Завотделом:
Секретарь:

3.02.1921
№ 21711230

ГА РФ Ф.Р.-5677, оп. 2, Д.217, Л.94 (телеграмма).

ОТВЕТ:

В отдел пенсий Наркомсобеса

Административный отдел НКВД сообщает, что Крым Автономной Республикой не является, а входит в состав РСФСР.

Завед. адм. отделом
Завед. п/отд. организации адм. единиц

О принадлежности Крыма
Исход. №1313 12.02.21
04.02.21 №626

ГА РФ Ф.Р.-5677, оп. 2, Д.217, Л.93 (телеграмма).

* * *

№ 2

**Из речи Первого секретаря Крымского ОК РКП(б) А. Акулова
на Крымской конференции РКП(б) по вопросу о форме
государственного управления Крымом и национальному вопросу**

... Я считаю, что т[оварищ] Гавен сам себя побил, когда он сказал, что в 1918 году мы объявили республику, чтобы спасти себя от немцев, а в 1919 году республика была объявлена и просуществовала всего 3 месяца. Я не знаю, по каким соображениям¹, может быть, по соображениям борьбы с Деникиным. Но здесь, во всяком случае, историческая ссылка на то, что в 1918 году мы объявили республику, спасаясь от немцев, является в высшей степени несостоятельной. Теперь я перехожу к товарищам, возражавшим здесь против области. Я указал, что их аргументация была чисто татарской.

... т[оварищ] Оскар много и очень горячо говорил и выслушивал аплодисменты. Он вычитал у т[оварища] Сталина, что мы должны дать право на самоопреде-

¹ Имеются в виду причины провозглашения Крымской ССР в 1919 г. (прим. публикатора).

ление нациям. Но, т[оварищ] Оскар, не там, где нация составляет не более ¼ населения. Почему вы ссылаетесь на статью Сталина? Она явно неприменима в крымских условиях, ибо что же будет, если Крым отделить, и в нем будет 50% великоросского населения. На территории Крыма господствует крепкий мужичок, и этот мужичок не захочет над собой гегемонии татарской республики. Затем т[оварищ] Оскар заявляет, что он, мол, защищает Крым с точки зрения Здравницы. Я уже указал, что наши мотивы совершенно не те. Он говорил, что нужно ориентироваться на татарскую бедноту. А я спрашиваю вас: «что же такое беднота?» Это та же мещанская среда, которая влияет на крымской территории. Т[оварищ] Оскар говорит, что, дав республику, мы дадим гарантию свободному развитию татар. Здесь я уже говорил, что этих гарантий не будет и не может быть, ибо здесь преобладают национальности, которые не заинтересованы в раскрепощении татарского населения и республики...

Где национальное большинство, о котором мы говорим? Ведь здесь 25% татарского населения, много ли там пролетариата и действительно ли он идейно господствует среди этой национальности?

Т[оварищ] Гавен говорит, что в нашей организации мало татар, преуменьшены национальные особенности, не учитываются особенности культуры и быта.

Поскольку я стараюсь быть объективным. Потому что против этого мне никто не возразит /шум/... Они¹ потеряли способность сообразить, что происходит как в Турции, так и здесь в Крыму... мы не можем совершить той огромной ошибки, которая может привести к очень печальным последствиям /продолжительные аплодисменты/.

РГАСПИ Ф. 17, оп. 12, Д. 277, Л. 67 (машинописный текст).

* * *

№ 3

Сообщение уполномоченного Крымревкома М. Халиева в Крымское представительство Наркомнаца № 2 от 26 мая 1921 г.

Партийная работа среди татар идет неуспешно и даже совсем не продвигается, поступки, преступления отдельных товарищей рассматриваются как программа партии. Никакая пропаганда и никакое укорение не пробуждают темную массу. До сих пор не прекращаются случаи незаконного изъятия, конфискации. Ко мне поступает масса заявлений о случившихся и особенно производимых Политбюро дел. Но я с этими заявлениями не знаю, как поступать, когда не имею защиты местной власти, так как Политбюро не подчиняется органам Ревкома.

Уполномоченный /подпись/
М. Халиев»

ГА РФ Ф.Р.-1247, оп. 1, Д. 14, Л. 63 (машинописный текст).

* * *

№ 4

Протокол заседания Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма от 22.05.21г.

Слушали: Положение в Крыму земельного и других связанных с ним вопросов.

Т[оварищ] Фофонова заканчивает свой доклад указанием на необходимость разграничить сферу компетенции Красной Здравницы и Наркомзема в вопросах землеустройства и землепользования.

В прениях т[оварищ] Ибрагимов указывает, что будущая Конституция Крымской Республики, очевидно, определит Крымнаркомздрав и Крымнаркомзем Ав-

¹ Защитники республики (прим. публикатора).

тономными и независимыми от Центра, поэтому вряд ли можно будет говорить о подчинении таких Комиссариатов Центральным Наркоматам.

Т[оварищ] Фофонова подчеркивает общегосударственное значение Здравницы и культур Южного берега и полагает, что Крымское Правительство сочтет целесообразным добровольно подчинить и координировать эти вопросы с Центром.

Т[оварищ] Дауге предлагает запросить: 1) определенное указание от Совета Национальностей по отношению к кулаческим немцам колонистам, интересы которых диаметрально противоположны интересам безземельных татар; 2) так как Наркомнацу поручено выработать проект декрета об автономии Крыма, то предложить Наркомнацу, при составлении этого декрета, учесть и оттенить особенности по отношению к Красной Здравнице и культурам крымских растений и 3) предложить Наркомзему все вопросы землеустройства и землепользования и лесного хозяйства, исходя из положения, что Крым является Автономной Республикой.

Т[оварищ] Ибрагимов полагает, что положение Красной Здравницы в Крыму аналогично положению хлопководства в Туркестане, и поэтому никаких затруднений не предвидится.

Постановили: Войти в Наркомнац с предложением отложить окончательную форму декрета об автономии Крыма до представления Комиссии ВЦИК своего заключения по вопросам о Красной Здравнице и землеустройстве и землепользовании в Крыму.

ГА РФ Ф.Р.-1247, оп. 1, Д. 39, Л. 7 (машинописный текст).

* * *

№ 5

Протокол заседания Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма от 25.06.21г.

Слушали:

1. О т[оварище] Бабахане.
Постановление Обкома об откомандировании его в Москву.

2. О т[оварище] Карачи.
Постановление Обкома об откомандировании его в Москву.

Постановили:

- а) Считать постановление Обкома направленным против желаний Комиссии привлечь т[оварища] Бабахана, как знающего местные условия и языки и пользующегося популярностью среди татар, в данное время являющегося незаменимым работником в области организации Автономной Республики, и выражающим желание Обкома уменьшить количество ответственных работников, сторонников Автономии Крыма, о чем довести до сведения ЦК РКП и просить об откомандировании т[оварища] Бабахана в распоряжение Комиссии.
- б) Разрешить т[оварищу] Бабахану временный отпуск в Москву для выяснения своего положения.

Ввиду отсутствия коммунистов-татар, имеющих более солидную практику Советской работы и ввиду объявления Автономии Крыма, считать постановление Обкома об откомандировании Карачи, после того, как Комиссия постановила привлечь его к работе, о чем и уведомила Обком, не только не целесообразным, но явно направленным на подрыв авторитета Комиссии, о чем довести до сведения ЦК РКП.

... 4. О т[оварище] Оскаре.

... Поручить т[оварищу] Дауге выяснить в Обкоме, освобожден ли т[оварищ] Оскар от работы и на сколько возможно привлечь его для работы Комиссии.

РГАСПИ Ф.17, оп. 13, Д. 508, Л. 29 (машинописный текст).

* * *

№ 6

Переписка заведующего конвойной стражей Крыма с НКВД РСФСР

ЗАПРОС:

В Нар. Комисс. внутр. дел.

По встретившейся надобности, прошу сообщить внутреннее устройство Крыма, т.е. принадлежит ли он к РСФСР или Укр.ССР, или же составляет из себя отдельную автономную Республику.

Завед. Конвойной Стражей Респ.
Завед. Строевой Частью
Старший делопроизводитель

№8993
29.06.21

ГА РФ Ф.Р.-5677, оп. 2, Д. 217, Л. 113 (телеграмма).

ОТВЕТ:

Копия

В Конвойную Стражу

Респ. при Нар. Ком. Юст. и по Внутренним делам.

Администрация Управления НКВД сообщает, что Крым в составе уездов Симферопольского, Евпаторийского, Перекопского, Ялтинского и Феодосийского с административным центром в г. Симферополе <>¹ и управляется Революционным Комитетом на правах Губисполкома – непосредственным подчинением Центру.

Завед. Адм. Упр.
Зав. П/отд. Орган. Адм. Ед.
К. Егоров

№53155
12.07.21

ГА РФ Ф.Р.-5677, оп. 2, Д. 217, Л. 112 (телеграмма).

* * *

№ 7

Обращение Бюро Печати Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма в редакцию газеты «Красный Крым» от 2.07.1921 г.

Бюро Печати Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма просит отпечатать в ближайшем номере Вашей газеты нижеследующее официальное разъяснение:

“В последнее время распространяются слухи, что постановление ВЦИК и СНК о выделении Крыма в Автономной Республику негласно отменено и будет вскорости окончательно аннулировано. Распространяющие эти слухи аргументируют тем, что до сих пор задержано опубликование декрета Совнаркома и ВЦИК о Крымской Автономной Республике.

¹ Между словами «...в Симферополе» и «и управляется...» зачеркнуто: «является самостоятельной административной частью РСФСР» (прим. публикатора).

Полномочная Комиссия считает необходимым < >¹ разъяснить, что опубликование декрета задержано до выработки Конституции и всестороннего обследования Земельного вопроса для выработки основ землеустройства и землепользования в Крыму.

Распространение такого рода слухов ни на чем не обосновано и преследует, очевидно, темные и злостные намерения... распространение этих слухов, дискредитирующих политику Центральной Советской власти в национальном вопросе, крайне вредно для дела интернациональной солидарности трудящихся..."

ГА РФ Ф.Р.-1247, оп. 1, Д.43, Л. 126 (машинописный текст).

* * *

№ 8

Из протокола заседания Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма от 9.07.21 г.

Политика, проводимая Обкомом в национальном вопросе принята не может быть. У Комиссии о нем отрицательное мнение.

Роль Обкома до сего времени не сводилась к действительному руководству Советской и Партийной работой, а сводилась только к перегруппировке неудобных Обкому работников.

Работа Комиссии о конструкции будущего государственного устройства почти завершена и будет представлена на санкцию Центра.

ГА РФ Ф.Р.-1247, оп. 1, Д. 39, Л. 36 (машинописный текст).

* * *

№ 9

Протокол заседания Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма от 27.07.21 г.

Слушали: Доклад о конституции Ибрагимова.

Постановили: т[оварищу] Фирдевсу в 3-дневный срок собрать все материалы, относящиеся к Конституции Автономной Крымской Республики и определения территории Крыма и составить проект конституции.

ГА РФ Ф.Р.-1247, оп. 1, Д. 39, Л. 42 (машинописный текст).

* * *

№ 10

Из письма делегатов Всекрымской татарской беспартийной конференции в ВСНХ РСФСР от 18.08.1921 г.

Всекрымская татарская беспартийная конференция, непоколебимо стоя на точке признания необходимости создания в Крыму лишь только советской формы государственного строя и свидетельствуя то неопровержимое положение, что условия для установления в Крыму советского порядка стали возможными лишь по прибытии в Крым Московской Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК по делам Крыма, с первых дней приезда своего умелым подходом с деловой стороны к неотложным запросам Крыма завоевавшей полное доверие всего населения Крыма и, в первую очередь, коренного населения крымских татар, и считая, что работа советского правительства в Крыму не только еще не закончена, но только еще в стадии зачатия, у нас большая нужда в людях, искренно преданных советскому

¹ Между словами «необходимым» и «разъяснить» зачеркнуто слово «сообщить» (прим. публикатора).

строю, постановляет ходатайствовать перед ВЦИК и ВСНХ об остановлении в Крыму гг. Ш. Ибрагимова, Фофонову, З. Булушева, как советских работников, завоевавших вследствие преданности работе полное и неуклонное доверие коренного трудящегося населения крымских татар, по глубокому уверению которых осуществление как земельной реформы, так и всего советского строительства возможно лишь при условии оставления в Крыму вышеназванных... и Булушева, последний из которых в глазах крымских трудящихся был единственным проводником советского строительства даже в те дни, когда советские аппараты в Крыму не обслуживали нужды местного населения Крыма и сознательно или бессознательно чуть было не оттолкнули от советской власти коренное население Крыма.

ГА РФ Ф. 1235, оп. 96, Д. 205, Л. 238-239 (машинописный текст).

* * *

№ 11

**Из протокола заседания Полномочной Комиссии
ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма от 26.08.21 г.**

О Крымском правительстве: считать целесообразным существование отдельных ЦИКК и СНК, с отдельным Президиумом и разными лицами, стоящими во главе их.

Присутствуют т[оварищи] Даугель-Дауге, Фофонова, Фирдевс и Бергман.

Постановили:

Назначить председателем ЦИК - < >¹

Председатель СНК – Шидарев

Секретарь ОК – *не*² Акулов

ГА РФ Ф.Р.-1247, оп. 1, Д. 39, Л. 47 (машинописный текст).

* * *

№ 12

Телеграмма Ш.Н. Ибрагимова А. Дугелю-Дауге

Симферополь

Ответственному Секретарю ПК ВЦИК

Дауге

Благополучно прибыл [в] Москву провожу через ЦК и другие органы линию взятую [в] Крыму ПК (тчк)

Отношение Центра [к] Комиссии хорошее (тчк) Постарайтесь начатую нами работа продолжат энергично (тчк)

Телеграфируйте как обстоят дела (тчк)

Сентябрь 1921³

Ибрагимов

ГА РФ Ф.1235, оп. 96, Д. 205, Л. 41 (телеграмма).

* * *

¹ Далее зачеркнуто: «Ибрагимова» (прим. публикатора).

² Слово «не» в тексте подчеркнуто (прим. публикатора).

³ Точное число месяца в документе не указано (прим. публикатора).

№ 13

Протокол № 65 заседания Президиума ВЦИК от 29 сентября 1921 г.

«Слушали:

1. Доклад Комиссии ВЦИК.

2. Проект постановления об Автономной Крымской Республике /внесено НКНац./

Постановили:

Президиум ВЦИК признает, что Комиссия в общем и целом выполнила возложенные на нее задачи.

Из недочетов в работах Комиссии можно указать на недостаточную связь ее с местными органами власти. Все материалы [направить] в Орг[анизационный] отдел ВЦИК.

Образовать Комиссию из представителей НКЮ, ВСНХ, НКПС, НКВД, НКРКИ и НКНаца для составления согласованного проекта постановления, которое внести в Президиум ВЦИК в 3-дневный срок.

Созыв Комиссии поручить т[оварищу] Карклину».

ГА РФ Ф.Р.-1235, оп. 38, Д. 70, Л. 3 (машинописный текст).

БАЛАКЛАВА. ГОД 1921

НИКИТИНА И.В.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

1921 г. – отчет для начала активного формирования «нового советского» образа жизни в Крыму. Время стремительных перемен, противоречивость которых до сих пор вызывает интерес исследователей. Объективному осмыслению этого периода будет способствовать изучение процессов становления советской власти на примере истории отдельных районов полуострова.

В статье освещается общая обстановка в Балаклаве в 1921 г. Источниковой базой послужили документы Государственного архива города Севастополя. Рассмотрены факторы, оказавшие влияние на жизнь Балаклавы в этот непростой период, влияние на нее деятельности Балаклавского ревкома, основные изменения в регионе в 1921 г. Исследование проведено в рамках работы над хроникальным проектом по истории Севастополя 1920–1941 гг.

Основные факторы, оказывавшие влияние на формирования общей обстановки в Балаклаве и ее окрестностях в тот период следующие:

1. Функционирование органов управления в городе и районе еще фактически осуществлялось по законам «военного времени».

2. Чрезвычайное положение по посевной и животноводству в районе. Весь период ощущалась нехватка посевного материала, зафиксированы факты нехватки фуража. Так, еще в конце 1920 г. Балаклавский ревком обращался в Севуездземотдел с просьбой о выделении кормов, на что получил ответ, что его запрос не может быть удовлетворен [2, л. 5].

3. Постоянные реформирования структурных подразделений ревкома нарушали системность в формировании нового вида управления. Так, только председателей ревкома за период с ноября 1920 по июль 1921 гг. было четверо.

4. Законодательные коллизии: старые «дореволюционные» законодательные акты уже не имели силы, новые советские законы только вводились, причем зачастую в спешном порядке, в результате чего, результат их введения очень часто был отрицательным. Наблюдалась и чехарда во введении новых норм, что никак не могло способствовать нормализации ситуации.

5. Переход гражданской войны из открытого противостояния в «холодный» вид сказался в балаклавском регионе в активном игнорировании мобилизационных трудовых мероприятий и неуплате обязательных платежей.

6. Наличие заброшенных сельскохозяйственных имений в регионе стало дополнительным дестабилизирующим фактором, поскольку требовало поиска рабочей силы для их обработки, в которой в то время ощущалась большая нехватка.

7. Партийный фактор на тот момент еще не стал основополагающим. Об этом свидетельствует малочисленность партиячейки Балаклавы (в июле 1921 г. на весь район насчитывалось всего 39 членов партии) и общий характер документов.

Влияние деятельности Балаклавского ревкома на общественно-политическую жизнь региона просматривается, прежде всего, по таким направлениям:

1) Введение в действие положения о всеобщей трудовой повинности, в связи с чем, через комитет по труду ревком провел не менее полутора десятков мобилизационных мероприятий. Например, 3 января 1921 г. было объявлено о мобилизации всего гужевого транспорта, в начале апреля о мобилизации *«лиц, когда-либо занимавших должности бухгалтеров, помощниками бухгалтеров и пр.»* [1, л. 7; 30];

2) Попытка, хоть и командными методами, решить проблему нехватки топлива в регионе, проведение недели топлива, направление мобилизованного транспорта на перевозку дров для нужд населения и организаций, введение регламентации разработки лесосек и завозки угля и т.д.

3) Введение регламентации детского труда. 23 марта 1921 г. установлены правила «О труде малолетних до 16 лет и подростков от 16 до 18 лет», согласно которых прием на работу и регистрация *«малолетних до 14 лет в Управлении Учета и распределения рабочей силы не допускалась»*, те, кто работал, подлежали снятию с работы с отправкой на учебу в профессиональные школы. Этот процесс должен был проходить планомерно под руководством отдела труда и профсоюза; прием на работу и регистрация «малолетних от 14 до 16 лет» допускались только в случае материальных затруднений, невозможности материального обеспечения со стороны органов собесов и наробразов, и если это будет подтверждено инспектором по труду. Уже работающих оставляли на работе только в том случае, если *«немедленное снятие их с работы могло вызвать расстройство в работе или затруднялось невозможностью немедленно обеспечить их материально»*, регламентировалось также время работы «малолетних и подростков» (4 часа, оплата как за 8), предприятиям и учреждениям предписывалось ведение специальных прошнурованных книг с указанием возраста таких работников, времени поступления на предприятие, какой работой занят, размера заработной платы; указывалось, посещает ли такой работник школу или нет и др. [1, л.20] Подобное нововведение имело следующее значение: с одной стороны, вводилась в действие норма охраны труда подростков; с другой, меры по контролю за исполнением этого закона были сугубо репрессивными. Поэтому его положительная направленность несколько снижалась. К сожалению, изученные документы не разъяснили, были ли трудности в его реализации. Этот вопрос требует дополнительного исследования.

4) Формирование в рамках своей структуры органов социального обеспечения, деятельность которых была направлена на формирование системы материального обеспечения наиболее нуждающихся слоев местного населения. В июне-июле 1921 г. собесом Балаклавского района было выдано: пособий хлебом 76 пудов, обедов – 359, красноармейских пайков – 24, пенсий – на сумму 120520 руб., пособий роженицам – на сумму 50320 руб., число иждивенцев, которые обслуживались собесом, составило 587 чел., *«сверх того числилось лиц бедного населения 788 чел., зарегистрировалось на хлебный паек – 216 чел.»* [2, л. 1]. Таким образом, в рамках строительства «нового строя» наблюдалась попытка внедрения элементов политики социальной направленности новой власти.

5) Ревком проводил в действие политику государства в сфере обязательной регистрации для постановки на учет разных слоев населения. В таких акциях историки, прежде всего, видят становление режима тотального контроля над гражданами страны. Безусловно, очень часто так и происходило. Например, одновременное введение регистрации рабочей силы в условиях масштабной на тот момент безработицы, позволяло организовывать направление на работу нуждающимся в ней. Регистрация по мобилизационным процессам, согласно документам, не означала обязательной отправки на работу по соответствующим направлениям. Предписывалось тем, кто уже работал по своей специальности, оставаться на своих рабочих местах, на определенный «фронт работы» они направлялись только в случае острой необходимости. В случае обязательной мобилизации на определенный срок тех или иных лиц, предприятие, где работал человек, могло направить ходатайство о необходимости оставления конкретного работника на своем рабочем месте, причем в приказе о мобилизации четко указывались сроки, когда такое ходатайство можно было подать. Предусматривались и отсрочки от мобилизации, в документах четко прописаны те категории населения, которые ей не подлежали. Для возчиков, занятых на гужевой повинности, существовали следующие правила. Согласно приказу № 25 Балаклавского районного революционного комитета, комитета по проведению военно-трудовой повинности, *«хозяйства, лишившиеся лошадей на гужевой повинности, предоставляется право получить из средств казны ссуду в размере стоимости лошади ... за счет тех учреждений, на работе которых пала лошадь. На павшую лошадь составляется в 3 экземплярах акт, при составлении которого присутствуют представители учреждений, для которых осуществлялись перевозки, местных и районных ревкомов, агент милиции. По засвидетельствованию акта означенные лицами, таковые присутствуют в учреждениях для наблюдения за переводом денег. Выплаты производятся не позднее месячного срока*

после составления акта. На местные, районные, уездные ревкомы возлагается обязанность организовывать хозяйственную помощь гражданам, лишившимся лошадей при проведении трудовой повинности» [1, л.103].

б) Проявление элементов «военного коммунизма» рамках деятельности ревкома сказалось в том, что основные санкции для населения, как советских граждан, так и иностранцев, проживавших в регионе, за уклонения от регистрации, мобилизации, сокрытие каких-либо сведений о себе было «предание суду Ревтрибунала». Кроме того, при Балаклавском районном ревкоме в марте 1921 г. была создана комиссия по борьбе с : а) уклонением от учета и регистрации, объявляемой по трудовой повинности; б) сокрытием своей специальности подлежащих учету рабочих, служащих, техперсонала, хотя бы и состоящих на службе; в) уклонением от явки для назначения на работу по трудовой мобилизации, организованной комитетом труда, самовольное оставление работы и службы, неявка на работу без уважительной причины [1, л. 27]. Деятельность комиссии была направлена на жесткое пресечение уклонения населения от мобилизационных мероприятий с целью контроля за трудовыми ресурсами в период экономической «разрухи» в регионе и попыткой преодоления запустения сельского хозяйства края.

Общая же обстановка в Балаклаве в 1921 г. складывалась таким образом. Не решенный до конца вопрос с новым административно-территориальным делением создавал дополнительный фактор нестабильности в регионе: созданный 23 января Балаклавский район уже к лету того же года официально был разделен на две части: г. Балаклава с окрестностями был выделен в отдельную административно-территориальную единицу с городским управлением, а на землях сельскохозяйственной округи района (это, прежде всего, Байдарская и Варнутская долины), был образован Байдарский район. Однако фактически это разделение произошло только весной 1922 г., что значительно затрудняло государственное управление территорией.

В рамках работы Балаклавского военкомата в январе 1921 г. был установлена регламентация выхода в море для балаклавских рыбаков, что вводило в действие правило жесткого контроля за выходом из бухты всех судов. С этого момента рыбаки были обязаны докладывать «на батарею» о своих выходах на промысел (к сведению, система запроса разрешения на вход и выход из бухты в Балаклаве существует до сих пор). Данный факт свидетельствует о проведении в жизнь местными военными органами системы погранзоны для Балаклавы, ставшей предтечей ее последующего превращения в военную базу. Одновременно, весной 1921 г., в связи с нехваткой рабочей силы, ревком предписал запретить выезд из Балаклавы без соответствующего разрешения на то местного Управления учета и распределения рабочей силы, что свидетельствовало о применении административных мер по удержанию на местах рабочей силы в период активных работ по посевной кампании.

В конце июля - начале августа 1921 г. в Балаклавском районе состоялись первые выборы в местные советы. Общее количество избирателей в районе составило 6882 чел. Фактов лишения избирательных прав отмечено всего 79. В период проведения этих выборов был отработан принцип проведения избирательных кампаний, который стал основным в 1920–1930-е гг., формировались избирательные комиссии, которые составляли два списка - список избирателей и список кандидатов в депутаты. Затем назначался день проведения так называемого «выборного собрания» по категориям населения в городах (профсоюзы, не организованные), единого в селах, на котором собравшиеся большинством голосов утверждали или не утверждали каждого кандидата поименно. После проведения выборов в течение примерно месяца произошла передача власти от ревкома к советам, и таким образом, в Балаклавском районе была реализована политика формирования новых органов власти, формально направленных на решение народных нужд. Деятельность во второй половине 1921 г. Балаклавского Совета пока по документам просматривается слабо, что может служить направлением поиска соответствующих документов.

Среди факторов, оказавших большое влияние на жизнь в Балаклаве после июля 1921 г., основными являются введение в сельскохозяйственной зоне района продналога и голод, который привел к сокращению населения Балаклавы с 2096 чел. в 1921 г. до 1548 чел.

в 1923 г. Большую смертность не смогли остановить ни сбор средств в помощь голодающим, ни организация питательных пунктов, ни выделение дополнительных пайков. Все мероприятия оказались неэффективными. Однако, без них смертность могла быть еще больше.

Рассмотрев основные факты о формировании советской власти в Балаклаве в 1921 г., можно сделать следующий вывод: обстановка в регионе оставалась нестабильной: законодательная чехарда, противоречия задач нового государства с интересами местного населения, наличие «военнизированнойности» в жизни Балаклавы, особенно в первую половину 1921 г. не могли способствовать быстрой нормализации жизни после гражданской войны. Одновременно, новая власть провела в жизнь ряд положений, которые необходимо оценить как положительные. Это и регламентация детского труда, и введение широкой системы социальных выплат, и привлечение (хотя в большинстве случаев формальное) широких слоев населения к местному управлению, и четкая регламентация всех мобилизационных процессов, и введение компенсации за «падеж лошадей», и организация системы учета рабочей силы как попытка борьбы с безработицей (что в целом дало свои плоды), и попытка, пусть первоначально и неудачная, стабилизировать снабжение района топливом и содействовать развитию сельского хозяйства.

Источники и литература:

1. Государственный архив г. Севастополя. Ф. Р-427. Оп.1. Д.1.
2. Там же. Д. 22.

IV
ФИЛОСОФИЯ
И ДУХОВНОСТЬ

НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КРЫМСКИХ АРМЯН

АРУТЮНЯН Л.В.

Севастопольский филиал Саратовского государственного социально-экономического университета

Проблема религиозной и национальной идентичности в настоящее время приобретает особую актуальность. В условиях диаспоры идентификация этноса является важнейшим условием ее существования в стране проживания. Можно исходить из определения диаспоры, как «части этноса, проживающего за пределами своего национального государства» [18].

Ряд исследователей полагает, что диаспоры идентичны понятию субэтноса. При этом подразумевается, что он включает в себя «территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной или духовной культуры, религиозные различия и т. п., имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание» [23].

Все перечисленные дефиниции тождественны понятию так называемой этнической группы: а именно, диаспора определяется как часть народа (этнической общности), проживающая вне страны его происхождения, имеющая общие этнические корни и духовные ценности [5].

Системообразующие признаки дефиниции понятия диаспоры уже содержат в себе элементы национальной идентификации, такие как:

- 1) этническая идентичность;
- 2) общность культурных ценностей;
- 3) социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность;
- 4) представление о наличии общего исторического происхождения (общие воспоминания).

Важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающего в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и с исторической родиной, формирование организаций, деятельность которых направлена на сохранение этнической идентичности. Диаспора, в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание этнических групп, проживающих за пределами «титального» государства. [18]. Главным понятием, лежащим в основе формирования диаспор, является этническая идентичность, вытесняющая такие системообразующие факторы, как общий язык и религия.

Примечательно то, что вторая половина двадцатого века видела немало случаев, когда этнос и религия как бы переливались друг в друга или камуфлировались одно под другое - в зависимости от требований политической или экономической конъюнктуры. «Здесь чрезвычайно важно не терять из вида то обстоятельство, что этнос и религия являются понятиями, отражающими динамику реальных исторических процессов, а не константными неисторическими категориями» [19, с. 129].

В настоящее время все большее число исследователей приходит к убеждению, что религия помогает отдельным людям и целым народам сохранять свою идентичность в стремительно глобализирующемся мире. Однако в этническом и религиозном развитии человечества наблюдаются два разновекторных направления: с одной стороны, сепаратизация и партикуляризация, а с другой, процессы консолидации, глобализации, универсализации, объединительные и унификационные процессы.

Во взгляде на религию как на фактор, который способствует сохранению идентичности человека, иногда сквозит убеждение, что религия – это индивидуальное дело каждого.

Такая оценка может привести к выводу, что религия не может и не должна влиять на формирование ценностей, которые бы объединяли общество.

Религия обладает свойством объединять народы и культуры. В связи с этим, перед каждым человеком встает вопрос о сохранении собственной идентичности, в том числе - идентичности религиозной и национальной.

Такие элементы, как религиозная принадлежность, церковь, священник являются одними из главных составляющих элементов этнической идентичности и если общины созданы по конфессиональному принципу, то именно эти элементы и будут поддерживать национальное сознание.

В одних случаях религиозная идентичность выступает в качестве характерной черты этнической идентичности, в других - этноконфессиональной идентичности. Этнос идентифицирует себя в качестве адепта той или иной религии по большей части в культурно-традиционном аспекте, поскольку разделяет ценности, традиции, обычаи, стереотипы социального поведения, обусловленного исторической ролью конфессии в этнической культуре.

Названное положение дел полностью соответствует существованию армянской колонии в Крыму. В настоящее время в Автономной Республике Крым действует более 27 национально-культурных объединений, 25 из которых официально зарегистрированы. Национальная палитра Крыма представлена более чем ста этносами и этническими группами, многие из которых сохраняют свою традиционно-бытовую культуру и активно популяризируют свое историко-культурное наследие.

Армянская диаспора (колония) в Крыму начала формироваться в регионе в XI в., поэтому можно утверждать, что армяне являются одним из древних народов, проживающих на территории Крыма и Украины. Мы попытаемся определить структуру и функции национальной и религиозной армянской идентичности в Крыму как элемента единой нации на территории Украины. В среде армянской диаспоры отмечается сохранение национальной культурной чистоты и религиозности. По мнению диаспорологов, объективная причина этого - культурное давление иноэтнического окружения, включающее защитные механизмы самоизоляции. Исследователи связывали это с консолидирующей ролью церкви.

О крымских армянских колониях известно, что они отличались разносторонним характером деятельности. Трудно переоценить их значение для Таврики, особенно в международной торговле, которая шла через Крым и другие города полуострова. Армяне принимали в ней самое активное участие, о чем сообщают многочисленные письменные источники — армянские, генуэзские, арабские.

Армянская колония в Крыму оставила большое культурное наследие, в том числе письменные источники: различные документы, рукописные книги, украшенные художественными миниатюрами, порою с мемориальными записями на полях, исторические хроники, стихи крымских поэтов-армян. Все они хранятся, главным образом, в Армении. На территории Крымского полуострова литературных и нотариальных источников почти нет, но зато уцелел целый ряд духовных и частных армянских построек.

Армянская диаспора, включающая уже более двух третей нации, продолжает расти. В условиях иноэтничного окружения она неизбежно вовлекается в процессы этнической трансформации, в языковую и культурную ассимиляцию, постепенно утрачивая национальное самосознание.

Губительному процессу ассимиляции может противодействовать только этническая консолидация - способность этнической группы объединяться в рамках единой общины, сохранять национальный облик, быт, традиции и нравы, родной язык, веру, историю и культуру. Это происходит только там, где диаспора пассионарна, подчинена общенациональной идее. Гарантом сохранения нации в условиях иноэтничного окружения и, в частности, армянства, возможно при наличии жизнеспособной национальной общины.

Перед армянской общиной Крыма эта проблема стоит особенно остро. Крым — первая и одна из самых древних земель армянской колонизации. По сей день здесь сохранилось множество уникальных памятников материальной и духовной культуры армянского народа. Крымское армянство еще в раннем средневековье играло значимую роль в развитии взаимоотношений Армении с Польшей, Россией, Украиной и славянским миром в це-

лом, а позже, во времена генуэзцев, Крымского ханства и после установления турецкого господства армяне оставались достаточно многочисленной и весьма влиятельной в экономическом и культурном планах этнической группой. Армяне, тесно связанные с Западом и Востоком, играли в Крыму роль посредников в цивилизационных межэтнических контактах. Эта роль осталась за армянской общиной Крыма и после присоединения полуострова к Российской империи.

В годы советской власти крымские армяне сохраняли одинаково добрые отношения с русскими, украинцами, крымскими татарами, евреями, греками, немцами, болгарам и другими этническими группами населения, будучи одним из наиболее «уживчивых» национальных меньшинств Крыма. *«В 1944 г. в результате насильственной депортации была прервана многовековая история крымской армянской общины. В конце 1980 гг. началось возрождение армянской национальной общины в Крыму, которое привело к тому, что в 1989 г. была зарегистрирована Крымская армянская община (КАО), поставившая с первых дней вопрос о возвращении депортированных крымских армян. Создание армянской общины, безусловно, способствовало процессу этнической консолидации и развитию национально-культурной жизни»* [8, с. 9].

Логическим продолжением национально-культурного возрождения крымских армян являлся процесс строительства (или возвращения) церквей. О значимости конфессионального фактора в этнокультурной идентичности крымских армян можно судить по тому, как на чужбине они строили в первую очередь церкви, часовни, монастыри, приходы. *«Дабы постичь тайну жизни нации, потребно познать ее религию»*, – писал константинопольский архиепископ Магакия Орманян [3, с. 127].

Для армян принадлежность к Армянской Апостольской Церкви автоматически предопределяла их этническую принадлежность. Специалист по истории восточного христианства, писатель, историк Джованни Гуайта, издал книгу «1700 лет верности. История Армении и ее Церкви», в которой указывал, что судьба армян парадоксальна. Волны вооруженных народов прокатывались веками по их земле, всё стирая на своем пути - города, села, храмы, само государство. Гигантскими жестокими взрывами армяне были разбросаны по всей земле. И... сохранили себя как народ, говорят на своем языке, пишут с помощью созданного ими оригинального алфавита, сберегли свою богатейшую культуру, свой национальный облик и характер [9, с. 7-8].

Армянское расселение - уникальное явление истории. *«Среди народов мира мало кому удавалось проявить в условиях массового переселения в целях самосохранения, такое умение проникать в жизнь далеких стран, проводить там широкую экономическую и культурную деятельность и при этом, что самое главное, сохранять и развивать в новых условиях свою национальную самобытность и оригинальную культуру»* [16, с. 5].

Практически на протяжении всей истории существования государственности армянский народ подвергался нашествию со стороны более могущественных соседних государств. Это было связано с географическим положением Армянского нагорья – ареала формирования армянского этноса, которое имело важное военно-стратегическое и торгово-экономическое значение. К этому прибавилось и религиозное различие, после того как христианство стало в Армении государственной религией.

Частые войны и разорения создавали реальную угрозу физического уничтожения армянского народа. Это побуждало армян покидать Родину и находить пристанище на чужбине.

Другой причиной миграции армян являлась насильственная или вынужденная депортация населения. Наибольшее распространение этот процесс получил в VII-XI вв. в результате войн между Византией и Арабским халифатом из-за Армении и в связи с нашествием турок-сельджуков. Миграции армян способствовали еще и предприимчивость армянского купечества, мастерство армянских строителей и ремесленников.

Армянские купцы занимались торговлей на берегах Черного моря, и их купеческие общины издавна существовали в приморских городах Крыма. Наряду с генуэзскими купцами армяне были торговыми посредниками между Востоком и Западом. Армяне в Кры-

му развили не только местную, но и транзитную торговлю вплоть до берегов Северного моря [16, с.7].

«Армяне – один из старейших народов христианской цивилизации и самых мирных, предприимчивых и рассудительных народов на свете. Армяне были и останутся создателями мысли и искусства, они были и останутся героическим, прекрасным народом» - писал в докладной записке известный кавказовед И. Шопен, назначенный на службу после присоединения кавказских земель к Российской империи [22, с. 11].

Для армян последних столетий характерно практическое слияние этнической и религиозной самоидентификации. Долгое время главной силой, объединяющей всех армян, была церковь, которая пользовалась некоторой политической самостоятельностью [13, с. 246]. Церковь составляла одну из важнейших основ самоидентификации армян. На протяжении долгих столетий Армянская Апостольская церковь сохраняла свою полную обособленность от других восточно-христианских церквей и в значительной мере препятствовала культурному взаимодействию армян с соседними народами и ассимиляции. Возможно, эта церковная самоизоляция и привела к тому, что в те времена, когда для других народов этническая самоидентификация была мало значимой по сравнению с культурной, государственной, армяне выделяли себя именно как народ. Религиозная самоидентификация совпала в данном случае с этнической и обусловила ее. Постоянное и очень отчетливое противопоставление «армяне - не армяне» стало фактом их обыденной жизни [13, с. 247].

В самые разные периоды армянской истории Церковь вдохновляла народ, призывая его на защиту отечества. Она помогала противостоять попыткам насильственной ассимиляции и бороться против чужеземного ига. Церковные иерархи исполняли также главные социальные и политические функции в жизни страны, пытаясь найти (зачастую напрасно) поддержку и союзничество у других христианских государств и Церквей.

Оказав чрезвычайно большое влияние на формирование армянской культуры, наложив глубокую печать на историю Армении, Евангелие и Церковь стали, согласно известному в народе выражению, отцом и матерью нации. Именно по этой причине в самосознании армян столь важное место занимает их религиозная вера. *«Само чувство принадлежности к нации смешивается и отчасти отождествляется с христианской верой и приверженностью к Армянской церкви»*, - подчеркивал в предисловии к книге Дж. Гуайта известный арменовед, кинорежиссер Ким Бакши [9, с. 7].

С самого крещения Армении христианство стало духовным стержнем армянского народа и душой его культуры. Армянская культура формировалась и приобретала характерные ей черты, вдохновляясь Благой Вестью Евангелия и благодаря усилиям Церкви. Изобретение алфавита Месропом Маштоцем было в первую очередь продиктовано стремлением донести слово Божие до сердца каждого армянина.

Церковь оказывала сильное влияние на развитие армянской архитектуры, музыки, живописи (в частности, книжной миниатюры), скульптуры и других видов художественного творчества. На протяжении многих веков, в подавляющем большинстве, крупнейшими представителями армянской культуры были монахи, епископы и другие церковные деятели [9, с. 362].

Армянский этнос всегда отличало трепетное отношение к традиционной религии. Церковь на протяжении веков составляла неразрывное целое со своим народом, сыграв главную роль в национальной самоидентичности и единении в ареалах компактного проживания.

С давних пор, вместе с армянским поселением, Армянская Церковь стала неотъемлемой частью духовной жизни крымских армян. В силу исторических обстоятельств армяне оказались разбросанными по всему миру, но всегда и везде стремились сохранять свою самобытную культуру, язык и веру.

И потому, они и на чужбине создавали очаги просвещения - строили церкви и школы. Церковь для армянской диаспоры играла и играет значительную роль - она стремилась объединить народ. Одновременно с этим она являлась официальным представителем армян в чужом краю, единственной их защитницей и опорой. Именно церковь стала под-

линым духовным стержнем национальной жизни армянских поселений в Крыму. Существенна роль Армянской церкви в Крыму, как в решении общенациональных проблем, так и бытовых - свадьбы, рождение и крещение детей, смерть и отпевание, помощь нуждающимся и беженцам из Турции и Закавказья. На церковь были возложены вопросы просвещения, образования и осуществления связи с исторической Родиной.

В трех километрах от Старого Крыма, в лесу стоит монастырь Сурб Хач - престол армяно-апостольской церкви в Крыму, где восседали местные армянские духовные руководители, управлявшие делами колонии.

Данные о наличии армянских церквей и монастырей в Крыму в XX веке приводят О.И. Домбровский и В.А. Сидоренко - известные исследователи архитектурных сооружений.

Культурную автономию (и самоизоляцию) армян, может быть, ничто так не обнаруживает, как постоянные и почти навязчивые мечтания их о былом и утерянном рае. Стихотворение "Крунк" ("Журавль") Наапета Кучака, поэта, жившего в XVI веке, по сей день часто исполняется в качестве популярной народной песни:

«Праздников мне нет, будни день за днем,

Вертелом пронзен, я сожжен огнем.

Но не пламень жжет, память о былом» [12].

«Память о былом» — одна из важнейших составляющих сознания армян. Воспоминания о прошлом величии, о древней армянской государственности, о золотом веке армян имеют явно эсхатологическую, почти религиозную окраску. Идеи, связанные с этой мечтой не включали в себя установку на осуществление их «здесь» и «теперь», а только надежду на «когда-нибудь» [13, с.261].

В относящемся к XI веку сказании «О добрых временах» говорится об идеальном армянском государстве. Тем более очевидно, что говорится в этих стихах о земном рае, что они по форме копируют новозаветный текст о рае небесном [21].

Вообще, воспоминания имеют для армян особое значение, почти возводятся в культ, самоценность. Вследствие ускорения ассимиляционных процессов, Армянство ежегодно теряет, по меньшей мере, десятки тысяч этнических армян.

В перечне армянских политологов по формированию национальной идентичности, особенно для диаспоры, в первую очередь входит Армянская Апостольская церковь как путеводитель в мире глобализации [2, с.7].

То, что в сегодняшнем глобализирующемся мире Армянство не только сталкивается с новыми серьезными вызовами, но и обретает новые непредставимые ранее возможности для консолидации и обращения вспять тех механизмов ассимиляции, которые еще недавно казалось невозможным затормозить. Сегодня особенно важно не просто распространение информации, но создание энергетически заряженного информационного поля, стимулирующего армянина не просто к познанию, а к действию – ведь охват подобных полей уже не ограничен никакими искусственными или естественными барьерами и границами [2, с.8].

Еще одним главным компонентом армянской идентичности является язык. Известный писатель, демократ, педагог, этнограф Хачатур Абовян вопрошал: «Смени язык, отрекись от веры, чем же можешь тогда доказать, что ты армянин?!» [1, с.51].

Конечно, можно перечислить и другие компоненты армянской идентичности – это и представление об общности происхождения и исторических судеб всех армян, и национальная символика и еще многое другое.

Армянский язык наравне с христианством является одним из главнейших сокровищ армянского народа. Именно язык и религия по-настоящему «идентифицируют» армянина, где бы он ни был – на родине или за тысячи километров от нее. Армянский алфавит появился в один из самых трудных моментов истории армянского народа. И помогал ему сохранять свою национальную идентичность на протяжении веков.

«Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством Родины - был создан однажды и навсегда, - он совершенен. Тот человек был подобен богу в дни творения. Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч

лет. В нем древность, история, крепость и дух нации...». Так писал о Месропе Маштоце в книге «Уроки Армении» писатель Андрей Георгиевич Битов [4, с. 37].

У армян, как у патриархального народа, религия накладывала свой отпечаток на хозяйственную жизнь. Так, например, важнейшие работы по хозяйству сопровождались религиозными обрядами и священнодействиями.

Весной, когда крестьянин в первый раз выходил на поле, первую борозду сохой он проводил с запада на восток, а вторую - с севера на юг, как бы осеняя поле крестным знаменем [11, с. 251].

Армянский народ, насчитывающий не одну тысячу лет, не просто выжил, находясь в постоянном враждебном окружении; не только не потерял своего языка и религии - он сделал нечто большее: превратил свои трудности в свою силу, создав - именно благодаря непростому совместному существованию с другими народами - совершенно оригинальную христианскую цивилизацию, полностью отличную от тех, которые возникли в Риме и Византии, и не менее интересную [9, с. 377].

Как отмечал константинопольский патриарх Магакия Орманян: *«В деле благочестия верующий армянин не связан никакими предписаниями, нарушение которых вовлекло бы его в смертный грех. Армянская церковь ограничивает тем, что повелевает делать то, что ведёт к благу, и указывает способы достижения; свои внушения она облекает в форму крепкого увещания и не прибегает ко всяким ухищрениям, чтобы привлечь верующего пышностью своих обрядов»* [3, с. 209].

Епископы и католикос Армянской Церкви заботились не только о духовном попечительстве паствы, но и выполняли социальную роль в обществе. Епископам диаспоры обычно поручалось руководство армянскими школами, библиотеками и так далее.

Это, с одной стороны, оправдывает огромный авторитет епископов в Армянской церкви, а с другой — объясняет, почему церковная иерархия (епископы и католикос) обычно избирается, причем большинство избирателей миряне.

Надо отметить, что Армянская церковь в целом оставалась независимой: никогда не присваивала себе светскую власть, но и не позволяла ей себя подчинить. Церкви играли определенную социальную, а также политическую роль в жизни общества, но не осуществляли непосредственную светскую власть на какой-либо территории [9, с. 370].

Можно обоснованно утверждать, что духовность армянского народа «прорастает» из глубины столетий. Армянская церковь для крымских армян всегда была и остается консолидирующим фактором, способствующим духовному и культурному единению.

Вглядываясь в исторические судьбы армянского народа, мы видим в них ответ на вопрос: возможно ли примирение универсальности со своеобразием? Да, возможно, подтверждает опыт миллионов армян, живущих за географическими пределами своей Родины. Крымские армяне уже много веков доказывают, что можно сохранять самобытность и органически, дружественно - как часть в целое - входить в общество самых различных стран. Тому, что уже умеют армяне, предстоит научиться многим народам, если они хотят объединиться и сблизиться, - таков вывод Кима Бакши в предисловии к книге Дж. Гуайта «1700 лет верности» [9, с. 8-9].

Одна из черт, свойственных армянам как народу, на первый взгляд противоречива. Верные своей культуре и религии своих отцов, армяне всегда проявляли гибкость и удивительное умение приспосабливаться к самым различным обстоятельствам - и к господству иноземных завоевателей в прошлом, и к жизни в различных современных государствах. Когда же враги подвергали опасности национальные традиции - вторгались на их территорию, навязывали им свою культуру и язык или посягали на их христианскую веру - армяне защищались доблестно и упорно, часто даже не имея никакой надежды на победу.

Католикос Гарегин I, беседуя с Дж. Гуайта, на вопрос — как армяне, рассеянные по всему миру, сохраняют самоидентичность, ответил: *«Благодаря Богу и усилиям армянских лидеров, на протяжении всей истории армяне смогли сохранить самоидентичность, не будучи чужими тем людям, среди которых они жили. Армянская диаспора, на мой взгляд, обладает опытом жизни национального меньшинства, Мы можем свободно изучать наш*

язык, нашу историю, исповедовать христианскую веру и, в то же время, быть вовлеченными в общественную жизнь страны, в которой живем» [10, с. 39].

Такой опыт мирного сосуществования очень актуален и мог бы стать образцом для нынешней Западной Европы, в которой феномен миграций достиг столь больших пропорций, что старый континент должен учитывать существование внутри себя иного культурного мира, носителей других культурных традиций. Равновесие между этими двумя с виду противоположными чертами (осознанием собственной неповторимости и способностью входить как часть в целое) опирается именно на наличие их обеих. Для Гарегина I неотъемлемым условием диалога было самопознание, также как открытость естественным образом порождалась верностью своей самобытности: «Я считаю, что осознание своей национальности, своей неповторимости означает признание и принятие национальности других. С другой стороны, принимая другую культуру, можно и нужно оставаться верным своей идентичности» [10, с. 31].

Католикос Всех Армян как-то в интервью отметил, что национальная идентичность христианского народа в полной мере осуществляется лишь тогда, когда она сочетается с христианским самосознанием человека и воспринимает идентичность другого как дар. «Я думаю, что идентичность и инакость - два способа существования, которые не противоречат друг другу. Если кто-то не знает, кто он, если он не познал себя глубоко, то он не может вести диалог с другими, он потерял себя уже в начале беседы. Моя идентичность как христианина и армянина настолько укоренена в моем бытии, что я могу мыслить только изнутри этой категории. Но моя идентичность сама включена в контекст более широкой идентичности - той, которую я называю Христовой идентичностью. Например, когда я молюсь с православным, католиком или протестантом, я никогда не ощущаю, что как армянин я отделен от другого человека: в этой общей молитве я выхожу за пределы моей идентичности, не теряя ее, а даже усиливая, ведь она расцветает в общей для нас Христовой идентичности, которая допускает признание различий, потому что они составляют часть Божественного творения» [9, с. 365].

Армения в ходе истории была буферным государством, но она также была местом встречи Востока и Запада, Европы и Азии, христианства и ислама, и армяне, рассеянные по всем континентам, в том числе, создавшие колонии в Крыму и в других землях Украины, приобрели умение перенимать духовное богатство тех народов, с которыми они жили сообща, со своей стороны передавать им свои духовные и культурные ценности. Такое равновесие между верностью своему культурному наследию (своей истории, религии, языку, традициям) и открытостью по отношению к другим означает примирение универсальности со своеобразием. Именно в этом смысле следует понимать «всегда неразделимый для армян бин ом Церкви и нации» [9, с. 365].

Для крымских армян национальное самосознание в некоторой степени приравнивается к религиозной принадлежности. Религия позволяет крымским армянам не потеряться в современном мире, помогает им оставаться самими собой в общении с представителями других традиций, конфессий, культур.

Источники и литература:

1. Абовян Х. А. Раны Армении. Исторический роман. М., 2005. 288 с.
2. Арзуманян Р. Возвращение к Армянству, обретение Армянства.// «Анив», №6, (15), 2007.
3. Армянская церковь: Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее: Пер. с франц./Орманиан Магакия, константинопольский патриарх; Пер.: Б.Рунт. М.: А.М. Будагов. 1913. 217 с.
4. Битов А. Г. Уроки Армении. Ереван, 1978. 183 с.
5. Большой Энциклопедический словарь М., СПб., 1997. С. 354.
6. Глинка С. Обзор истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. 1-2. М., 1832. 676 с.
7. Григорянц В.Е.. Очерк истории крымских армян.//Историческое наследие Крыма № 20. 2007. С.158-171.
8. Григорьянц В.Е. Об этнической консолидации армян Крыма//Альманах «Остров Крым». №2(8). 2000. С.7-9.
9. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее церкви. - ФАМ. М., 2002. С.3-9, 357-377.
10. Гуайта Дж. Жизнь человека: встреча неба и земли (беседы с Католикосом Всех Армян Гарегином Первым). / Пер. с итал. М. Свешник. М., 1999. 157 с.

11. Егиазаров С.А. Черты быта армянских крестьян / Сборник. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С.247-253.
12. Кучак Н. Крунк / Пер. В. Брюсова // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводах русских поэтов. М., 1975. С. 231.
13. Лурье С. В. Историческая этнология М., 2004. 624 с.
14. Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества. // Таврический церковный общественный вестни. №7-10. 1910. С.5
15. Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества // Таврический церковный общественный вестник. № 2. 1910. С. 442-459.
16. Микаелян В.А. История крымских армян. К., 2004. 224 с.
17. Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Соц. иссл. 2006. № 10. С. 33-40.
18. Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривполитические и международные аспекты. М., 2002. С. 17.
19. Пятигорский Александр Моисеевич Национальный суверенитет как объект феноменологии. М., 2005. 590 с.
20. Саргсян Т.Э. Из истории Армянской Церкви в Крыму (по памятным записям XIV-XVвв.//Историческое наследие Крыма. Симферополь, №18. 2007. С.15-32.
21. Хечумян В. Г. К добрым временам // Литературная Армения. Е., 1983. № 1. С. 54- 55.
22. Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи. СПб., 1852. С. 484.
23. Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 11.

V
ИСТОРИЯ
ПРИРОДО-
ПОЛЬЗОВАНИЯ

ИСТОРИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЫ И ЕГО ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Каширина Е.С.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Байдарская долина расположена в пределах Балаклавского района г. Севастополя, в юго-западной части Крымских гор, между Главной и Внутренней грядой. Изолированность долины определила её особый природный режим функционирования, резко отличающийся от соседних территорий.

Зональные ландшафты северного макросклона представлены широколиственными лесами (пушистодубовыми, скальнодубовыми, буковыми) на горных бурых лесных почвах. Интразональные – эрозионно-сбросовыми каньонами с фрагментарным можжевельниковым редколесьем и скальнодубовыми шибляками на маломощных коричневых почвах; днищами балок на смыто-намытых аллювиально-пролювиальных почвах. Особо выделяются реликтовые ландшафты крутых сильнорасчлененных склонов, сложенных юрскими известняками с коричневыми почвами под можжевельниковым редколесьем [1].

Долина достаточно обеспечена поверхностными водами, поскольку здесь протекает одна из самых полноводных рек Крыма – Черная, питаемая мощным Скельским источником (дебит более 100 л/с) и 16 притоками. Наиболее крупные из них: Узунджа (длина 6 км, площадь водосбора 54 км², средний многолетний расход 0,36 м³/сек (у с. Родниковое)), Басая (длина 5,8 км, площадь водосбора 8,2 км², расход 0,013 м³/сек (у с.Родниковское)), Арманка (длина 14 км, площадь водосбора 62 км², расход 0,017 м³/сек (у с.Широкое)).

Байдарская долина является давно освоенной территорией, где человек появился в позднем палеолите (35-10 тысяч лет назад). Природопользования основывалось на присваивающем хозяйстве, о чем свидетельствуют памятники позднего палеолита и мезолита (стоянки), неолита (менгиры, захоронения – каменные ящики) и последующих более поздних культур [2].

Переходный период между палеолитом и неолитом называется мезолитом.

Мезолитическая культура в долине известна из тех же стоянок, что и культура позднего палеолита. В гротах Мурзак-Коба и Фатьма-Коба обнаружены погребения.

Высокое мастерство обработки каменных орудий отличают период неолита (VI-V тысячелетия до н. э.).

В Байдарской долине обнаружено много неолитических стоянок: Передовое, Передовое-2 и Кубалар в верховьях р. Уркуста, Юсуф-Коба и Кара-Коба в Чернореченском каньоне, Сундюрлю-Коба, Акача Курлю и Каракере в ущелье р. Баги [1].

Эпоха энеолита продолжалась, по-видимому, со второй половины IV по III тысячелетие до н. э. Грунтовые могильники, которые археологи относят ко времени «медного века» (энеолита), зарегистрированы во многих местах на территории Байдарской долины: в окрестностях, с. Новобобровское (Баг-Мезер), с. Передовое, с. Озерное (Азис-Оба), с. Орлиное и на других участках (см. карту).

В начале II тысячелетия до н. э., с изобретением бронзы, энеолит сменился бронзовым веком. В этот период Байдарскую долину населяли представители кемиомбинской культуры (по кургану Кеми-Омба близ Белогорска), возможно, переселенцы с Кавказа. Наиболее ярким признаком этой культуры являются захоронения в каменных ящиках.

Поселения, которые сосредоточены в центре Байдарской долины: Скеля, Карадаг, Скельская балка, Куртка, Саватка, Бага, Гюлле, Бинок Мускамья, Домусдрак, Гулю, Дерменкой, Салтик, Малташ и другие. К этому же периоду относятся и менгиры в с. Родниковское.

В долине сохранились остатки поселения тавров Тюлле около с. Широкое, пещерных стоянок Камары-Коба и Кала-Фатлар-Коба, а также несколько мегалитических мо-

гильников: Мал-Муз (Новобобровское), Таш-Кой (Паш-Кви), Багарарлык (Уркуста-2), Арманчер (Уркуста-1), Широкое, Скеля .

Со II в. н. э. в Байдарскую долину проникают сарматы, занимавшиеся как кочевым скотоводством, так и земледелием. В середине III в. к ним добавляются земледельческие племена готов, и, возможно, скотоводческие племена аланов (Храпунов, 2003). Эти народы основывают несколько поселений (Таш-Кой, Передовое, Передовое-2, Гончарное, Килья-Бурун, Новобобровское-2), остатки которых сохранились до наших дней, а также оставляют после себя грунтовые могильники (Тюлле, Широкое, Узень-Баш).

С 581 г. и до 60-х г.г. X в. власть над Байдарской долиной захватывают хазары. Затем, в связи с экономическим подъемом Херсонеса (Херсона) Таврического, принадлежавшего в то время Византийской империи, в долине появляются многочисленные земледельческие поселения византийцев, из которых до настоящего времени лучше всего сохранились Гончарное и Аязьма, и несколько укрепленных замков для защиты от набегов половцев и татар: Чоргунский Исар, Камара-Исар, Сарджик (см. карту). Но в XIV в. торговые пути Херсона перехватывают генуэзцы, основавшие крепость Чембало в Балаклавской бухте, а в 1399 г. город окончательно разрушает очередной набег татар, и византийские поселения в долине приходят в упадок [4].

В 1475 г. Байдарскую долину, как и весь Горный Крым, захватывают турки. Население долины принимает ислам и постепенно ассимилируется татарами. Процветавшее при византийцах земледелие приходит в упадок, развивается кочевое скотоводство. В начале 20-го века путешественник Марков проезжал “через широкую, водообильную, древообильную Байдарскую долину, через прекрасные лесные горы, на ночлег в Байдарскую станцию” [5].

В дореволюционное время яйла служили пастбищем для скота, главным образом для овец, а затем и для молодняка лошадей, крупного рогатого скота и для гулевого взрослого скота. Яйла принимала и стада овец, пригоняемых на летний период с Украины, Бессарабии и Румынии. Поголовье достигало 125000 голов, что привело к деградации яйлинских ландшафтов, вследствие пастбищной депрессии [6]. На пологом дне долины выращивали табак, ворсовальную шишку (экспортная культура, используемая для ворсования шерсти). Некоторые площади были заняты садами (чаирами). Крупнейшим землевладельцем в пределах долины был граф Н.С. Мордвинов, а около 6 тыс. десятин земли принадлежало татарам. Мордвинов владел лесной территорией и вывозил строевой лес на Южный берег для продажи [7].

Современные черты природопользования были заложены в 20-х г.г. XX ст., которые сегодня можно определить как сельское и лесное хозяйство. Предъявляя различные требования к рельефу, сельскохозяйственные угодья располагаются на относительно выровненных слабонаклонных поверхностях дна долины и яйлы. Лесные массивы покрывают склоны долины.

В 1920 г., образуются коллективные сельскохозяйственные объединения (по 10 дворов), переросшие затем (1929 г.) в совхоз «Красный октябрь». Совхоз имел 6500 га сельскохозяйственных угодий, в том числе 2673 га пахотной земли. После второй мировой войны было организовано массовое переселение людей в долину. Переселенцы начали заниматься растениеводством и молочным животноводством [8]. Скот выпасался в полосе между лесом и лесостепью долины. Вследствие перевыпаса характерной особенностью территории является значительная освоенность и деградация естественных ландшафтов. В настоящее время на границе леса и степи наблюдаются заросли шибляка.

В 1954 г. построено Чернореченское водохранилище и создана система оросительных каналов для полива около 100 га земель. Вместе с тем со строительством водохранилища произошло изъятие часть пахотных угодий, произошла трансформация ландшафтов: исчезли природные комплексы поймы и нижних террас, началось подтопление земель, в результате чего ксерофитная и мезофитная растительность сменилась гигрофитной. С этого времени хозяйство совхоза «Красный Октябрь» переходит на интенсивное развитие: строятся фермы, птицефабрики, проводятся водная и химическая мелиорации. Урожайность зерновых культур составляла 25 ц/га.

Совхоз несколько раз менял основное направление своего хозяйства, будучи одно время плодовым (фруктовые сады занимали большую часть долины), затем овощеводческим (с заводиком для изготовления консервной продукции). В 1970-е г.г. стало преобладать мясомолочное направление (молочно-товарные фермы и посевные травы на корм скоту). Построена крупная птицефабрика. Также культивировалось растениеводство: поля засеянные пшеницей, ячменем, кукурузой и табачные плантации [2].

В 1990-е г.г. колхоз "Красный Октябрь" приходит в упадок. Сейчас произошло распаивание земель с целью создания фермерских хозяйств. Количество землепользователей увеличилось до 4500. По экологическим соображениям закрыта птицефабрика. Развитие приусадебного и фермерского хозяйства проявляется в неконтролируемом увеличении поголовья домашнего скота, выпас которых ведется, в том числе, и в наиболее уязвимых природно-территориальных комплексах - яйла, на склоны гор, прилегающих к населенным пунктам. В связи с перевыпасом происходит деградация естественных ландшафтов несмотря на то, что с организацией ландшафтного заказника «Байдарский» в 1990 г. запрещена несанкционированная охота, ловля рыбы, рубка леса и выпас скота в лесах.

В современной структуре землепользования лесное хозяйство занимает 71% площади, сельское - 25%, водное - 3%, 15 населенных пунктов Орлиновского сельского Совета, где проживают 6,5 тыс. человек, ряд объектов МО России и Украины, садоводческие товарищества, рекреационные учреждения (менее 1%).

На протяжении последних 5-7 лет в заказнике активно развивается рекреационное природопользование.

Байдарская долина привлекательна для активного отдыха, а именно - пешеходного туризма. По территории заказника проложено около 45 км туристских троп, отмеченных на местности маркировкой. Вдоль троп расположено 7 туристских стоянок и 3 приюта (кордон Передовое, урочище Ай-Димитрий, Карадагский лес и др.), тяготеющие к лесным горным местностям, выше 300 м над ур. м. Посещение сухопутной части заказника разрешается только по дорогам общего пользования и экологическим тропам с использованием установленных мест (районов) отдыха. Другим видом активного отдыха, представленного в заказнике, является спелеология. Спелеологи посещают Карадагский карстовый массив (наиболее знамениты пещеры Кристальная им.Максимовича, Скелия, дающая начало р.Чёрная, Узунджа и др.) Пещеры заказника пригодны для прохождения категорийных спелеомаршрутов.

Длительный период освоения территории представлен многочисленными памятниками истории и культуры, различных народов, населявших Крым в разные эпохи. Таким образом Байдарская долина интересна для любителей познавательного исторического туризма. Исторический туризм представлен однодневными экскурсионными маршрутами.

На территории заказника расположено 15 населенных пунктов, которые могут быть использованы для организации сельского отдыха. Сейчас услуги сельского туризма предоставляются в с. Орлиное.

Близость к городу Севастополю делает заказник излюбленным местом пикникового отдыха. Массовые места отдыха расположены вдоль автодорог на высоте до 350 м над ур.м., что гарантирует их доступность.

Территория заказника обладает высоким биоразнообразием. Также здесь произрастает большое количество охраняемых видов растений (можжевельник высокий, 48% видов орхидей Крыма). Уникальность флоры делает его пригодным для развития различных форм экологического туризма.

Размещение туристов осуществляется в мини-гостиницах (Байдары в с. Орлиное, Узунджа в с.Колхозное и др), 3 детских лагеря (Атлантика в с. Передовое, Горные тропы в с.Колхозное).

Таким образом, рекреационное природопользование широко представлено в ландшафтном заказнике "Байдарский" и является наиболее перспективным для сохранения особо охраняемых территорий. С другой стороны, природный комплексы Байдарской долины уязвимы, что накладывает ограничения на определённые виды отдыха: нормирова-

ние количественных нагрузок, соблюдение границ функциональных зон, ренатурализация сельского хозяйства, сужение специализации хозяйства.

Основные этапы развития природопользования за последние 150 лет показаны в таблице 1.

Таблица 1
Динамика типов природопользования конец 19 – начало 21 века

Период	Тип использования	Причины освоения	Неблагоприятные последствия для ландшафтов
Конец 19 века	Лесное хозяйство	Наличие ценных пород деревьев: дуб, бук	Уничтожение лесной растительности Развитие процессов линейной и плоскостной эрозии на отдельных участках, а также осыпи, обвалы и оползни. Пожары в отдельные годы с последующим развитием плоскостного смыва и линейной эрозии.
Причина смены типа – истощение ресурса			
Первая половина 20 века	с/х животноводство	Наличие кормовой базы, г.о. летней	Пастбищная дигрессия Сведение растительности Усиление плоскостной и линейной эрозии. Изменение плотности и слитости почв. Загрязнение отходами жизнедеятельности сельскохозяйственных животных почв, грунтовых и подземных вод.
Переход к интенсивному пути развитию хозяйства (мелиорации, химизация)			
С 1957 года – строительство Водохранилища	с/х полеводство	Проведение водной мелиорации – уменьшение действия лимитирующего фактора	Изменения в ландшафте, последовавшие за строительством мелиоративных сооружений - Изменение рельефа, естественного гидрологического режима. Усиление осадконакопления и заиливание водоёмов. Нарушение естественной жизнедеятельности растительных сообществ. Загрязнение вод различными видами веществ. Изменение береговой линии Усиление плоскостной и линейной эрозии. Изменение плотности и слитости почв. Загрязнение удобрениями, пестицидами почв, грунтовых и подземных вод.
Изменение экономических условий – приватизация и развитие фермерских хозяйств			
С начала 90-х г.г. 20 века	с/х неконтролируемое животноводство охрана пр.	Быстрая окупаемость, высокая рентабельность из-за уменьшения издержек Наличие ценных видов растений	Усиление плоскостной и линейной эрозии. Изменение плотности и слитости почв. Загрязнение удобрениями, пестицидами, а также отходами жизнедеятельности сельскохозяйственных животных почв, грунтовых и подземных вод.
Создание национального парка			
2010	Туризм охрана	Разнообразие ландшафтов, доступность - высокий рекреационный потенциал	Загрязнение специфическими веществами. Рассеянное загрязнение твердыми бытовыми отходами.

Таким образом, определяя основные возможные пути развития природопользования Байдарской долины, следует учитывать прошлый опыт, а также выработать некоторые меры совершенствования природопользования района, которые предполагают оптимизацию взаимодействия объектов природопользования и природной среды. Компромисс между хозяйственной деятельностью и ренатурализацией естественных ландшафтов может быть найден в создании национального парка, предложение о создании которого нашло отражение в Концепции Общегосударственной программы развития заповедного дела на период до 2020 года [8].

Источники и литература:

1. Ларина Т.Г. Высокоможжевеловые леса Крыма и проблемы их охраны. Деп. ВИНТИцентр, рег. № 3706, М., 1992.
2. Ларина Т.Г. О структуре фитоценозов формации можжевельника высокого в Горном Крыму. Экология. 1980. № 4.
3. Ларина Т.Г. Структура фитоценозов формации можжевельника высокого. Деп. ВИНТИцентр, рег. № 3289-B88.
4. Венিকেев В.И. Севастопольские маршруты. Симферополь, 1986.
5. Марков Е.В. Очерки Крыма. Симферополь, 1985.
6. Описание Южного берега Крыма / Под ред. А.А. Волобуева. Симферополь, 1936.
7. Крым. Путеводитель. Симферополь, 1975.
8. Закон Украины “Об Общегосударственной программе развития заповедного дела на период до 2020 г.” от 8 февраля 2006 г.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОРТОВЫХ ХОЗЯЙСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Подбельцева Е. В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Еще в 67 г. до н.э. Помпей сказал свои хорошо известные слова: “Мореплаванием заниматься необходимо, жить – необязательно”. Они были адресованы капитанам римским судов, которые возили зерно из Египта, но, опасаясь пиратов, не решались выполнить распоряжение сената и выйти в море. Сейчас это изречение можно встретить на фасадах или стенах управлений многих портов, судоходных компаний, торговых палат, но в наши дни его можно перефразировать: для того, чтобы жить, надо заниматься мореплаванием. А это значит, что надо строить суда и морские порты, возить грузы и пассажиров, вести научные исследования в морях и океанах, добывать полезные ископаемые из подводных кладовых. Земной шар сегодня покрыт сетью морских путей, по которым суда следуют из портов отправления в порты прибытия.

Слово “порт” в переводе с французского (porte) означает “дверь”. Эта дверь действительно открывает выход в море судам с различными грузами, с пассажирами, с туристами. Она гостеприимно распахнута для судов, заканчивающих в данном порту свое плавание или нуждающихся в укрытии от непогоды, в небольшом ремонте, в пополнении судовых запасов.

За рубежом морские порты называют иногда на американский манер Terminal или terminal facilities, что дословно переводится как конечные устройства. В последние годы слово “Terminal” завоевало международное признание применительно к отдельным специальным перегрузочным комплексам.

Каждый порт располагает закрытой от волнения поверхностью моря, так называемой акваторией, и участком береговой зоны, составляющим его территорию. В нем имеются гидротехнические сооружения, склады, перегрузочная техника, мастерские, столовые, бытовые помещения, электроподстанции, котельные и другие службы. Для передачи грузов с различных видов транспорта на морской и обратно порт, как правило, имеет свои железнодорожные пути и даже отдельные парки и внутривортовых станции, автомобильные проезды, автозаправочные и автостоянки, причалы для обработки речных судов, если предусматривается совместная работа моряков и речников.

Зачастую морской порт имеет название, одноименное с городом, в котором находится. И для этого есть все основания, так как возникновение морского порта всегда вызывало появление нового города, дальнейшая биография которого глубоко отражалась на деятельности порта. Вспомним, например, Севастополь. У входа на пассажирский причал, расположенный в центре города, на мемориальной доске высечены слова из Манифеста Екатерины II от 22 февраля (по новому стилю 6 марта) 1784 г.: *«Сей город... Севастополь, одаренный превосходной морской пристанью... повелеваем открыть для всех народов... в пользу торговли... Все упомянутые народы на собственных или наемных судах под флагами их могут свободно, безопасно и беспрепятственно к тому городу переплывать, или сухим путем приезжать, нагружать суда ихние, оттуда приплывать или отъезжать по своему произволению поступаая...»*

На сегодняшний день портовое хозяйство Украины включает в себя 20 морских торговых портов, находящихся в ведении Министерства транспорта и связи. В них эксплуатируются 24 специализированных перегрузочных комплекса, 207 грузовых причалов (общей длиной 35 км), более 3 тысяч единиц перегрузочного оборудования (в том числе 580 порталных кранов), которые служат основой существующих технологий грузовых

работ. Порты имеют более 313 тысяч кв. метров крытых складов и более 2.2 млн. кв. метров открытых складских помещений.

Помимо морских торговых портов, Украины также располагает 4 морскими рыбными портами, подчиняющимися Государственному комитету рыбного хозяйства Министерства агрополитики. Кроме того, в береговой полосе Черного и Азовского морей размещаются еще 11 портопунктов, не считая значительного числа портов и пристаней, принадлежащих предприятиям, не подведомственным Минтрансвязи, - металлургическим, судостроительным, нефтегазодобывающим.

История возникновения и развития портов территории сегодняшней Украины захватывает период свыше 1000 лет. В древних летописях, начиная с IX века, упоминаются первые пристани в районе Корсуни (Херсонес). В конце XVIII в. начал развиваться Одесский порт. В XIX в. возникли следующие порты: в первой половине – Керченский, Николаевский, в конце – Феодосийский, Херсонский, Бердянский, Мариупольский, которые начинали работу как торговые гавани. В 2004 г. исполнилось 220 лет Севастопольскому морскому торговому порту и 170 лет – Ялтинскому. Кстати, последний был построен тогда, когда местечко Ялта еще не имело статуса города.

Рассмотрим особенности возникновения морских портов на территории современной Украины. Морские торговые порты Украины (МТП) в соответствии с их экономико-географическим положением можно разделить на следующие группы [1]:

1. Морские торговые порты северо-западной части Черного моря: Одесский, Ильичевский, Южный, Белгород-Днестровский, Скадовский.
2. Черноморские морские торговые порты Бугско-Днепровского региона: Николаевский, Октябрьский, Днепро-Бугский, Херсонский.
3. Черноморские морские торговые порты Крымского региона: Феодосийский, Керченский, Евпаторийский, Севастопольский, Ялтинский.
4. Дунайские морские торговые порты: Измаильский, Ренийский, Усть-Дунайский. Несмотря на то, что данные порты находятся на реке, по своим техническим характеристикам они полностью соответствуют морским.
5. Морские торговые порты Азовского моря: Мариупольский, Генический, Бердянский.

Порты первой группы, особенно первые три, занимая выгодное географическое расположение на морских торговых путях, имеют большое значение для перевалки грузов из Юго-Западной и Центральной Украины. На их долю приходится около 60 % всего грузооборота украинских морских портов. Эти порты имеют наилучшие морские подходы (осадка принимаемых судов от 11.5 до 15 метров), в то время как другие в состоянии принимать суда со значительно меньшей осадкой. В Одесском и Ильичевском торговых портах находятся крупнейшие в Украине контейнерные терминалы.

Абсолютное первое место в рейтинге морских портов Украины занимает **Одесский порт**. В 2005 г. порт отметил свое 210-летие вместе с Одессой, основанной, как известно, в 1795 г. на месте турецкой крепости Хаджибей, известной мореплавателям с 15 века. Акватория порта образована несколькими молами и волноломами, которые делят порт на несколько гаваней с причальным фронтом около десятка километров. Порт был полностью механизирован еще в советское время и связан радиальными железными дорогами с внутренними районами страны, а также рокадными – с Николаевом и Измаилом.

Морские порты Ильичевска и Южного значительно моложе.

Ильичевский МТП, отметивший в 2003 г. свое 45-летие, расположен в Сухом Лимане, имеющем в три раза большую акваторию, чем Одесский порт, многокилометровую береговую полосу, огромную тыловую территорию для строительства складов и хранилищ (свыше 70 га), которая сейчас активно задействована для расширения контейнерного терминала. Одесский и Ильичевский порты предназначены для перевалки грузов разной номенклатуры – сыпучих, навалочных пакетированных, наливных и т.д. В последнее время порты наращивают мощности по переработке контейнеров.

МТП Южный располагается на побережье Малого Аджалыкского лимана в Одесской области. На сегодняшний день является самым глубоководным (глубина у причалов 14-15.5 м) и крупнейшим транзитным портом страны. Известный терминал “Пивденный”

имеет мощности, позволяющие перерабатывать до 9 млн. т нефти в год. Терминал связан с нефтехранилищами, а те – с нефтепроводом Одесса-Броды.

Белгород-Днестровский МТП построен частично на насыпной территории, как и город-спутник, возникший на месте старого поселения, основанного славянами как Белгород, но длительное время существовавшего под названием Аккерман. Порт обслуживает средние и малые суда, значительная часть которых теперь не задерживает грузовые операции в Одесском порту.

Скадовский МТП, расположен на берегу Джарылгачского залива и в годы СССР был ведущим на Черноморском побережье добытчиком и поставщиком песка. В последние годы порт, не потеряв традиционных потоков зерна и песка, сделал настоящий рывок вверх, нарастив объемы своего грузооборота за счет перевозок автотранспорта в турецком направлении (54 % общего числа автоперевозок).

Порты второй группы используются, в основном, для перевалки навалочных и генеральных грузов предприятиями Приднепровья, Николаева, Херсона. Фактически порты Николаевский, Днепро-Бугский и Октябрьский находятся в 10-40 милях от моря, на берегах Бугского лимана. **Херсонский морской порт** расположен на правом берегу Днепра, на расстоянии 55 миль от моря. В 2006 г. порт отметил свое 230-летие и по праву считается старейшим портом на Черном море. За два столетия территория порта была со всех сторон окружена постройками и в итоге порт, занимая территориально 13,6 га, оказался в центре города и с трех сторон ограничен городскими кварталами. Это на сегодняшний день сдерживает развитие порта и обустройство контейнерного терминала на новых площадях. В порту эта проблема будет решена с освоением левого берега Днепра. При этом планируется углубление подходного канала до глубины 9,75 м, что позволит проводить суда с осадкой более 8 м.

Николаевский МТП фактически является ровесником города, расположенного на берегу Южного Буга. Кстати, именно Николаевский МТП впервые на Черном море стал заниматься контейнерами, еще в советское время. Была запущена линия, которая успешно работала, но одесские таможенные власти перехватили инициативу. Порт производит рейдовую догрузку в районе портопункта Очаков. Очень интересна история возникновения Очакова. На его месте в 7-6 вв. до н. э. существовал древнегреческий город Алектор, затем с 16 в. – турецкая крепость вплоть до русско-турецкой войны 1787-91 гг. После взятия штурмом крепости русским войском город стал принадлежать России. На протяжении всего этого периода возможности причалов использовались для приема грузов, а во времена Киевской Руси через него проходил морской путь, соединяющий Днепр, Дунай и Царьгород (Константинополь).

Порты Николаевский и Херсонский переваливают, руды, металлы, уголь, нефтепродукты.

Специализированный **морской порт Октябрьск** перерабатывает, в основном, черные металлы. **Днепро-Бугский порт**, будучи структурным подразделением Николаевского глиноземного завода, предназначен для приема импортных бокситов (от 60 до 65 тыс. т на каждом судне). Порт отметил свое пятилетие в 2005 г., хотя его возраст как транспортной структуры составлял к тому времени уже 26 лет.

В целом, увеличение грузопотоков портов Бугско-Днепровского региона связано, в первую очередь с выгодным географическим положением в центре Украины и их защищенностью от открытого моря.

Порты, расположенные на берегах Крымского полуострова, предназначены, прежде всего, для обслуживания транспортных потребностей самого Крыма и специализируются на переработке навалочных грузов, металлопроката, тарно-штучных и пакетированных грузов.

В сентябре 2005 г. **Феодосийский МТП** отметил свое 110-летие. Хотя функции морской торговой гавани Феодосийский залив исправно выполняет вот уже 2,5 тыс. лет, благодаря чему и процветали различные исторические поселения, создававшиеся на территории современного города. Доподлинно известно, что порт Каффа был в 14 в. самым крупным на Черном море и описан арабским путешественником Ибн-Батута как “Известная

гавань мира”. Через порт шли восточные товары, доставлявшиеся в Каффу по Великому шелковому пути.

Одно транзитное направление вело по Средиземному морю в Италию, другое, так называемый татарский путь, шел во Львов через Каменец-Подольский. Из Западной Европы в Крым поступало железо в брусках, цветные металлы, стекло, краски, сахар. Каффа обогащалась благодаря перевалке грузов и всевозможным пошлинам за торговые операции с рабами. Здесь была даже создана специальная коллегия для сбора пошлин от торгово-посреднических операций. Как известно, здесь действовал самый крупный невольничий рынок Черноморья [2].

После присоединения Крыма к России Павел I в 1798 г. даровал городу статус вольного. Введение режима “порто-франко” открыло новую страницу истории Феодосии. Основным грузом, шедшим через порт, было зерно Тавриды. По словам очевидцев, в начале 19 в. можно было насчитать до 400 каботажных судов, подвозивших российское зерно к иностранным судам, прибывшим из Азии и Европы.

Когда со временем возникла необходимость основать крупный торговый порт в Крыму (прежде всего для экспорта зерновых), претендентами выступили два города - Севастополь и Феодосия. Спор решило такое преимущество как безопасность мореплавания. По авторитетному мнению вице-адмирала Н. М. Соковнина, “феодосийский рейд безопаснее севастопольского, в Феодосии не случалось кораблекрушений, между тем как с 23-го по 24 ноября 1861 г. даже в Севастополе буря разбила все суда, бывшие на рейде”. Тогда император Александр III принял решение строить главный коммерческий порт Крыма именно здесь. С того момента и началась современная история порта. И сегодня Феодосийский порт занимает второе место в Украине по перевалке нефти и нефтепродуктов.

Грузовые районы *Севастопольского и Ялтинского* морского торгового порта расположены в устьях малых рек (соответственно, реки Черной в Малом Инкермане и реки Дерекойка). Приписанные к Ялтинскому МТП портопункты и отдельные причалы для местных пассажирских перевозок есть в Форосе, Симеизе, Алушке, Гурзуфе, Алуште и других населенных пунктах – в плоть до Судака в восточной части Южного берега Крыма.

Три морских торговых порта в низовьях Дуная – *Ренийский, Измаильский и Усть-Дунайский*, принимают значительные грузопотоки в направлении придунайских стран. В последние годы они оказались в числе наиболее пострадавших предприятий: вначале – от эмбарго ООН на торговлю с Югославией (в 1992-1995 годах), потом – от прекращения сквозного судоходства по реке в 1999 году от разрушения югославских мостов на Дунае. Усть-Дунайский МТП – единственный в стране порт, не имеющий причальных сооружений и ведущий основную перевалку грузов на рейде, поскольку в свое время он строился для обслуживания лихтеровозной системы, которая уже много лет назад прекратила свое существование. Его можно и нужно развивать, как развивается множество портов в устьях крупных европейских рек. В настоящее время рассматриваются возможности по обеспечению полной загрузки мощностей дунайских портов. Как порты они возникли в советское время, хотя причальные сооружения, в частности, Измаильского МТП были известны с 12 в., когда на месте города была генуэзская, затем, с 16 в. – турецкая крепость.

На северном побережье Азовского моря *расположены Мариупольский и Бердянский порты*, которые отличает близость к наиболее промышленно развитым районам Украины – Донбассу и Приднепровью. Долгое время Мариупольский морской порт, расположенный в Таганрогском заливе вблизи устья р.Кальмиус, специализировался на отгрузке донецкого угля и черных металлов. Начало его эксплуатации было положено в 1899г. Бердянский МТП располагается вблизи устья р.Берды, и возник на месте причальных сооружений, построенных в 1827 г. для торговых судов. Экспорт металла и другой продукции этих регионов и сейчас обеспечивает основную загрузку портов. В этом же регионе расположен и небольшой *Генический порт*, до 2000 года являвшийся портопунктом Скадовского морского порта. Кроме ограничивающих глубин, недостатком этих портов является их замерзаемость с декабря по март [3].

Таким образом, современная Украина обладает значительным портовым потенциалом, находящимся в стадии обновления. Суммарная пропускная способность морских то-

рговых портов составляет 64% (более 112 млн. тонн по состоянию на конец 2006 года). Наибольшие резервы имеют порты Ялта (загружен на 9.6%), Геничеськ (31.4%), Дунайские порты. Портовые комплексы чрезвычайно разнообразны с географической и экономической точки зрения, что накладывает отпечаток на систему их функционирования и экологический режим работы. Дальнейшее совершенствование и развитие морского портового хозяйства Украины, расширение его экономического потенциала должно быть непосредственно связано с системным подходом в рациональном использовании не только портовых территорий и соседствующих с ними рекреационных комплексов, но и природной среды Черного и Азовского морей в целом.

Источники и литература:

1. Подбельцева Е.В. Эколого-географические особенности потенциала морских портов Украины // Экологическая безопасность прибрежных и шельфовых зон и комплексное использование ресурсов шельфа. 2005. Вып.12. С. 286-294.
2. Материалы Информационного центра (ИФА) "BlackSeaTrans".
3. Материалы отдела маркетинговых исследований издательства "Порты Украины". 1998-2007.

VI
НАУЧНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
СТУДЕНТОВ

ПРЕДПОСЫЛКИ ГОЛОДА В КРЫМУ В 1921-1923 ГОДАХ

КРАПИВЕНЦЕВА В.А.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Изучая историю Крыма после гражданской войны, в период установления власти большевиков, нельзя обойти стороной тему голода на полуострове, длившегося с 1921 по 1923 гг., т.к. причины этой гуманитарной катастрофы следует искать в военно-политических событиях тех лет, а также в проводившихся новой властью социально-экономических преобразованиях. Гражданская война полностью разрушила экономику полуострова: многие предприятия были выведены из строя, сократился объём производимой продукции; пострадало и сельское хозяйство – площади посевов уменьшились, выращивание некоторых культур сошло на нет, продовольственные запасы были истощены, т.к. во время войны приходилось снабжать войска Антанты, Добровольческую и Красную армии.

Однако, нельзя сводить причины голода только к войне, т.к. придя к власти, большевики не смогли преодолеть послевоенные трудности, наоборот, недальновидной политикой лишь усугубили положение в Крыму, в результате чего голод стал неизбежен. В статье рассматриваются причины голода, разразившегося уже после окончания гражданской войны.

Прежде всего, территория Крымской АССР в 1921 году не соответствовала границам и административному делению прежней Таврической губернии. Этот факт имел первостепенную важность, т.к. КрАССР, охватывая только полуостров, оказалась отрезанной от равнины северных уездов бывшей Таврической губернии, где главным образом были расположены удобные для хлебопашества земли. В связи с этим, из общей площади Крымского полуострова (2360000 кв. десятин) к 1921 году под пашней находилось менее трети ее [1], при этом экономика региона все еще носила аграрный характер. В этих условиях, природные катаклизмы (засуха 1921 года, в результате которой погибло 42% посевов, нашествие саранчи, проливные дожди 1922 года, уничтожившие практически весь урожай Крыма); снабжение хлебом Красной армии, Центра, Поволжья, Донбасса; безграмотная политика Крымревкома, в том числе и в области землераспределения; и, наконец, создание курорта в Крыму - привели к голоду, продолжавшемуся до лета 1923 года и унесшего около 100 тысяч жизней.

Отдельно хотелось бы остановиться на политике местных властей, а именно Крымревкома (с ноября 1920 – по ноябрь 1921 года). Главная ошибка была допущена при проведении этим органом аграрной политики: восстановление сельского хозяйства после гражданской войны во многом зависело от наделения земель безземельного и малоземельного крестьянства, но сельхозугодья отдавались под организацию совхозов. По решению Крымревкома, в государственный фонд передавалось 1134 конфискованных помещичьих имения для создания на их базе совхозов. Всего в первые месяцы было организовано 978 совхозов, за которыми закрепили 7298000 десятин. В результате это привело к сокращению земельного фонда для распределения его среди крестьян, но при этом большая часть совхозной земли к 1921 году осталась необработанной, а почти 40% крестьян оставались безземельными [7].

IV Крымская Областная партийная конференция в мае 1921 года приняла решение о сокращении количества совхозов и передаче земель неимущим слоям деревни. 15 июня 1921 года был заслушан доклад наркома земледелия Крыма С.И. Идрисова о неэффективности совхозов. В итоге было решено оставить 100–125 лучших совхозов, остальные распустить [2, л. 19]. В соответствии с этим решением, совхозы были сохранены только в тех хозяйствах, где находились особо ценные участки спецкультур – сады, виноградники, табачные плантации. В результате, к концу 1921 года в Крыму осталось 103 совхоза с общей земельной площадью 119678 десятин. Остальные земли совхозов (600 тысяч десятин) были переданы в фонд наделения безземельных и малоземельных крестьян.

Но принципы распределения земли были явно не в пользу беднейших крестьян. Например, при наделении учитывалось наличие в крестьянских хозяйствах инвентаря, был утверждён «трудоу» принцип наделения – по количеству трудоспособных в хозяйстве. Более того, по решению I съезда советов Крыма, в степной части полуострова норма доходила до 40 дес., а в малоземельных районах спекультур была установлена норма на 1 хозяйство из 6 человек: виноградника – 1-1,5 дес., сада – 0,8 -1,7 дес., табака – 0,4-0,7 дес., поливного огорода – 0,6 дес [7]. Таким образом, основная часть беднейшего крестьянства оставалась без своих наделов. Такие меры ещё более ухудшали положение бедных слоев населения во время голода.

В декабре 1920 года началось применение продразверстки и продолжалось до 31 мая 1921 года, несмотря на то, что в марте 1921 г. на IX съезде РКП(б) она была отменена. Крымревком объяснил это тем, что к марту продразвёрстка в Крыму была выполнена только наполовину, и в связи с этим, замена продразвёрстки продналогом откладывалась до выполнения намеченного плана. Продразвёрстка взималась по нереальным цифрам задания: планировалось собрать продовольственного зерна 2 млн пудов, кормового зерна 2,4 млн. пудов, объемистого фуража также 2,4 млн. пудов. Тяжелейшим образом на положении крымского населения сказывался запрет частной торговли [13, с. 107-108]. Помимо этого, регулярно проводились мероприятия по «изъятию излишков», что не могло не повлиять на экономическую ситуацию в Крыму. Весной 1921 года в качестве излишков изымали даже посевной фонд, так что властям в скором времени пришлось принимать меры по обеспечению крестьянских хозяйств посевным материалом [8].

Столь высокие цифры задания по продразверстке легко объяснимы: во-первых, в декабре 1920 года Крым получил наряды на отправку хлеба в Россию; во-вторых, за годы гражданской войны население городов полуострова выросло на треть, и в условиях официального запрета торговли, такое огромное количество горожан (во избежание голодного бунта) властям нужно было как-то кормить; в-третьих, в 1920-1921 гг. в Крыму находилось много частей Красной Армии (до 100 тыс. человек), которые снабжались исключительно за счет местных ресурсов [8].

Причиной того, что голод принял трагические масштабы, было признание центральной властью Крыма голодающим районом только в 1922 году. Однако виновны в запоздалой помощи, прежде всего, были Крымские власти, которые обратились за помощью лишь в ноябре 1921 года, а до того посылали в Центр завышенные данные об урожае 1921 г., из-за чего Крым долго не хотели признавать голодающим районом и вывозили с полуострова хлеб в больших количествах как для Москвы, так и для голодающего Поволжья.

В результате, Беспартийная татарская конференция, по докладу председателя КрымЦК-Помгола Ю.П. Гавена, постановила: *«Расследовать виновников подачи статистических сведений о том, что в Крыму 9 миллионов пудов хлеба, в то время как на самом деле было 2 миллиона»* [9, с. 46]. Уполномоченный КрымЦКПомгола в Москве К.Е. Сорин докладывал: *«...Я сразу же натолкнулся на целый ряд препятствий со стороны Госплана, ЦСУ, Наркомпрода, Наркомзема, которые, каждый в отдельности, имели весьма разноречивые сведения о положении в Крыму»* [9, с. 48].

Только 4 января 1922 года Севастопольский, Ялтинский и Джанкойский округа официально были признаны неурожайными. И лишь 16 февраля заседание президиума ВЦИК постановило: *«Отнести всю территорию Крымской ССР в число областей, признанных голодающими, со всеми вытекающими отсюда последствиями»* [7]. Однако уже осенью 1922 года Крым сняли с госснабжения, а КрымЦКПомгол был переименован в КрымЦКПоследгол, несмотря на то, что голод на полуострове свирепствовал до 1923 года.

Более детального рассмотрения заслуживает одна из причин голода - снабжение продовольствием Красной армии и других голодающих регионов. С приходом советских войск в Крым осенью 1920 г., все силы и материальные средства полуострова, в первую очередь, отдавались Красной Армии. Так продолжалось и после окончания гражданской войны. В конце 1920 года Гурзуфский ревком обращается к населению с просьбой «добровольных» пожертвований в виде *«табака, сушёных и свежих фруктов, прочих произведений местного хозяйства»* для нужд *«товарищей красноармейцев»*, т.к. продовольственный отдел Гурзуфского ревкома *«не имеет в своём распоряжении достаточного количества вышеназванных про-*

дуктов» [14, с. 123-124]. Во что обходилась «добровольная» помощь армии видно из телеграммы Севастопольского ревкома Крымревкому о продовольственном положении в городе от 23 декабря 1920 года: «В Севастополе настоящий продовольственный кризис... Хлебных продуктов осталось 7 380 пудов... На продовольствии... состоят 16 000 военморов, 11 900 гарнизона, 46 дивизия... в ближайшее время ожидается прибытие большого количества частей и учреждений морского ведомства... Населению выданы карточки для получения хлеба, остальных продуктов, как-то: картофеля, овощей, масла, рыбы, консервов абсолютно нет... Столовые всех учреждений закрыты. Подвоз хлеба из Евпатории остановился... хлеб из Харькова не может быть доставлен» [17, с. 125]. Из документа видно, что основные ресурсы уходят на содержание частей, которых вскоре станет ещё больше, а местное население уже в 1920 году вынуждено получать хлеб по карточкам.

Но Красная Армия была далеко не единственной, кого кормил своими продуктами Крым. Кампании помощи другим голодающим районам начались с января 1921 года. Первую помощь от Крыма получил Донбасс: по предписанию Крымревкома от 10 января 1920 г. необходимо было провести «неделю помощи Донбассу» во всех уездах Крыма. Выдвигался лозунг: «Всё для Донбасса», надо было устроить сбор продовольствия, фуража, обмундирования... Позднее, осенью 1921 года, в Крыму проходила ещё одна кампания помощи голодающим, но уже Поволжья (в то время как на полуострове появляются первые случаи голодной смерти). На территории КРАССР действовали соответствующие комитеты, собирались налоги, вывозилось продовольствие. Вдобавок из Москвы в Крым шли телеграммы о необходимости принять голодающих из Поволжья. 9 сентября 1921 года в Крыму создаётся Крымский комитет помощи голодающим Поволжья [10, с. 134]. По всему Крыму местными комиссиями проводятся «недели помощи голодающим». В докладе Феодосийской комиссии от 20 октября 1921 года были представлены результаты недели помощи Поволжью. Всего собрали: «2008300 руб., муки 232 пуда 33 фунта, пшеницы 26 пудов 15 фунтов, ячменя 10 пудов 30 фунтов, табака 13 пудов 10 фунтов, папирос около 10 тыс. штук, сахара 12 пудов 1 фунт, соли 8 пудов 17 фунтов, шерсти 17 фунтов, шкур овечьих 30 штук, какао 1 фунт...» [16, с. 139].

И, наконец, последняя причина голода – «использование Крыма» для лечения трудящихся. Интересно проследить последовательность событий. 8 декабря 1920 года, по приказу Крымревкома, создается Чрезвычайная санитарная комиссия Крыма по борьбе с тифом. В указе № 124 значится, что эпидемия сыпного и возвратного тифа распространяется по всему полуострову, и есть опасность распространения тифа по путям движения войск в Россию [11, с. 163]. Однако, через несколько дней, 14 декабря 1920 года, Крымревком издает указ о превращении Крыма во всероссийскую здравницу. В этом же документе значится, что органы продовольствия обязаны снабжать санатории, здравницы, лечебные учреждения по полной санаторной норме [12, с. 167]. И, наконец, 21 декабря 1920 года В.И. Ленин подписал декрет об использовании Крыма для лечения трудящихся. Далее в Крыму организовывается Центральное Управление Курортами Крыма (ЦУКК), которое возглавил Д.И. Ульянов.

20 февраля 1921 года в Ялте состоялось открытие первого курортного сезона. В марте 1921 года в санаториях отдыхало 1200 человек из Москвы, Харькова, Киева... В докладе Народному комиссариату по делам национальностей тов. Павловичу от 23 мая 1921 года нарком здравоохранения Н.К. Семашко докладывал, что имеет от больных немало заявлений о том, что очень довольны Крымом (как здравницей) [3, л. 14]. К октябрю 1921 года на побережье действовало 39 санаториев на 4 тыс. мест. Всего за 1921 год в Крыму отдохнуло около 17 тыс. человек [9, с. 121-122], которых так же, как и армию, надо было кормить из местных ресурсов.

О реальном положении Крыма как здравницы можно узнать из следующих документов. 18 июня 1921 года в Наркомнац Крыма поступает доклад от Здраводела Коккозского района Ялтинского уезда о полном отсутствии медикаментов, о наличии 3 докторов и 3 помощников фельдшера, вследствие чего Коккозский Здраводел заявляет о своём бессилии для таких учреждений, как санатории, роддома и т.д. [4, л. 28].

Летом 1921 года поступила жалоба от отдыхающей одного из санаториев Крыма: «Санитары ругаются площадной бранью целый день и поют нецензурные песни. В подвальном

помещении рядом с нашей комнатой находится свинья, которая кричит по целым дням и ночам, не говоря уже о вони...» [6, л. 82].

Члены подкомиссии Постоянной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма Кузьменко и Констансов 8 августа 1921 года в докладе отмечают, что в Крым с Севера выслано большое количество больных тяжелой формой туберкулёза, «из коих за 2 месяца в санаториях Феодосии умерло более 20 человек. Все больные требуют скорейшей их отправки на Север до истечения 6-ти недельного курса» [5, л. 34].

Протоколом № 7 заседания Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК по обследованию Феодосийского уезда от 4, 5 и 8 сентября 1921 г. по вопросу о результатах обследования учреждений санкурорта было отмечено, что Центр, не считаясь с теми условиями, в которых находится Феодосия, посылает сюда туберкулёзных больных [15, л. 90-91].

Таким образом, рассматривая причины голода, можно выделить ещё один фактор, который во многом и повлиял на события в Крыму в 1921-1923 гг., а именно – замалчивание фактов голода местными властями и отправка в Центр завышенных данных. Однако, нельзя утверждать однозначно, что это делалось преднамеренно, т.к. вполне возможно, что местные власти не были осведомлены о реальном положении населения. Голод, прежде всего, начинался в деревнях (особенно в татарских), при этом связь между городом и деревней практически отсутствовала. В связи с этим, многие деревни «вымирали молча», так и не обратившись за помощью к местным властям.

Источники и литература:

1. Годовой отчет Крымской Чрезвычайной Комиссии за 1921 год. [электронный ресурс] / Обзорная справка по голодомору в Крыму (1921 – 1922 гг.) // Сайт «Представительство Президента Украины в Автономній Республіці Крим». Режим доступа: www.ppu.gov.ua/images/Golodomor2.rtf
2. Доклад Идрисова о неэффективности деятельности совхозов от 15.06.1921 г. // ГАРФ Ф. Р. 1247, оп.1, Д. № 17.
3. Доклад наркома здравоохранения Семашко в Народный комиссариат по делам национальностей тов. Павловичу от 23 мая 1921 г. // ГАРФ Ф. Р. 1247, оп.1, Д. № 17.
4. Доклад Здраводела Коккозского района Ялтинского уезда в Крымский Наркомнат от 18 июня 1921 г. // ГАРФ Ф. Р. 1247, оп.1, Д. № 17.
5. Доклад Кузьменко и Констансова в П.К. ВЦИК об обследовании учреждений Феодосийского Сана – Курортного управления от 8 августа 1921 г. // ГАРФ Ф. Р. 1247, оп.1, Д. № 17.
6. Жалоба К. Кедровской // ГАРФ Ф. Р. 1247, оп.1, Д. № 17.
7. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей [Электронный ресурс] // Сайт «Москва-Крым». Режим доступа: <http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/zarubiny/>
8. Ишин А.В. К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов [Электронный ресурс] // Сайт «Республиканский комитет по охране культурного наследия». Режим доступа: <http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1tek=82par=74l=art>
9. Пащенко В.Н. Строительство Крымской АССР в 1920-30х гг. Монография. Симферополь, 2008.
10. Постановление Крымревкома о создании Крымского комитета помощи голодающим Поволжья от 9 сентября 1921 г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968.
11. Приказ Крымревкома и Реввоенсовета 4 армии о создании Чрезвычайной санитарной комиссии Крыма по борьбе с тифом от 8 декабря 1920г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь., 1968.
12. Приказ № 106 Крымревкома о мерах по превращению Крыма во всероссийскую здравницу от 14 декабря 1920 г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968.
13. Приказ № 373 Крымревкома о замене продразвёрстки продналогом от 31 мая 1921 г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968.
14. Обращение Гурзуфского ревкома к населению о снабжении частей Красной Армии продовольствием ноябрь 1920г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968.
15. Протокол № 7 заседания полномочной Комиссии ВЦИК и СНК по обследованию Феодосийского уезда от 4, 5, 8 сентября 1921 г. // ГАРФ Ф. Р. 1247, оп.1, Д. № 17.
16. Сообщение Крымроста о работе Феодосийской комиссии помощи голодающим Поволжья от 20 октября 1921 г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968.
17. Телеграмма севастопольского ревкома Крымревкому о продовольственном положении в Севастополе от 23 декабря 1920 г. // Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968.

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРЕДПРИЯТИЯ В ВИНODEЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Кузьмина А.В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Статья посвящена исследованию методики изучения истории единичного предприятия. Данная методика подробно разработана Г.Р. Наумовой в монографии «Русская фабрика». В ней рассматриваются основные источниковедческие проблемы истории русской фабрики с 1880-х гг. до 1917 г., выявляются, анализируются и интерпретируются источники, позволяющие исследовать русскую фабрику на основе системного социально-психологического подхода, вводятся в научный оборот новые материалы, в том числе из личных архивов, подробно излагается схема работы с широким спектром источников по истории предпринимательства [3]. Детальное изучение методики работы с источниками, их поиска и анализа, предложенной автором «Русской фабрики», а также изучение возможности проецирования этой методики на изучение конкретного единичного предприятия (в том числе и на современном этапе его истории) легли в основу данного исследования. Помимо этого, немалый интерес представляют статьи и курс лекций об истории предпринимательства в России и социально-психологическом портрете русского предпринимателя, опубликованные на страницах ежемесячника «Былое» [4,5,6].

Хотя проблематика предпринимательства в целом и истории единичного предприятия в особенности исследована еще недостаточно, в настоящее время издается немало литературы и учебных пособий, касающихся истории предпринимательства. В частности, работа А.А. Бесолицына «История российского предпринимательства», в которой автор анализирует основные виды предпринимательства, дает социально-экономический портрет предпринимателя определенной исторической эпохи, важное место отводит вопросам конфессионального предпринимательства, развитию благотворительности и меценатства, роли государства в формировании российского предпринимательства [2]. Также имеются исследования, освещающие историю предпринимательства по отдельным отраслям (например, труд Б.В. Ананьича «Банкирские дома России 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства» [1]), или в определенных регионах (см. например: [8]).

Источники по истории предприятия целесообразно разделить на две обширные группы: отражающие социально-экономические условия развития отрасли в целом и непосредственно источники для изучения истории единичного предприятия.

Первая группа позволяет охарактеризовать те условия, в которых функционирует предприятие. Прежде всего, необходимо рассмотреть нормативно-правовую базу, действующее законодательство изучаемого периода.

Исследование социально-правового положения предпринимателей представляет одну из наиболее сложных и слабо разработанных проблем истории отечественного предпринимательства [9]. Анализ законов и постановлений, в соответствии с которыми осуществлялась их торгово-промышленная и общественная деятельность, необходим для того, чтобы определить правовое поле, в рамках которого действовали предприниматели, а также для того, чтобы выяснить изменения в политике государства по отношению к ним. В монографии «Русская фабрика» Г.Р. Наумова говорит о рассмотрении правовых аспектов предпринимательства. При социальном подходе к торгово-промышленному праву, выясняется необходимость рассмотрения целой группы подзаконных актов, дополнявших основные Уставы. Для крымского виноделия это, прежде всего, Закон Украины «О винограде и виноградном вине» от 16 июня 2005 г.

Помимо непосредственной работы с законодательством, важнейшим элементом правового видения практика является владение нормами обычного права. Учет именно этой юридически не фиксируемой стороны правового регулирования хозяйственной жизни

существенно влияет на формирование правовых реалий в социальной сфере [3, с. 40]. Таким образом, помимо изучения нормативных документов и законов, представляется необходимым рассматривать и неписанные нормы, обычаи и традиции, читая источники «между строк» с целью извлечения наибольшего объема информации для создания наиболее полной и объективной картины.

Еще одной важнейшей группой источников, как для изучения положения предприятий рассматриваемой отрасли и социально-экономической ситуации, так и для исследования индивидуального производства (ведь его нельзя рассматривать в отрыве от общего контекста), являются статистические и справочно-информационные издания. Информационные возможности статистики для исследования промышленности и ее организационных форм, положения рабочего класса, уже получили научную оценку [3, с. 51].

Справочники могут быть как отраслевыми, так и построенными по территориальному признаку. В качестве современного примера можно привести справочные издания «Севастополь на рубеже тысячелетий» [9] и «Севастополь. Энциклопедический справочник» [10], в которых содержится основная информация о предприятиях на территории Севастополя: краткая история, технологии производства, их координаты, также справки об их руководителях.

Далее следует работа с периодическими изданиями - выявление публикаций и анализ того, как положение предприятий данной отрасли освещено в прессе, изучение рекламных публикаций, статей с сообщениями о новостях, событиях и т.п. Основное значение в данном случае придается изучению отраслевых журналов. Можно отметить, что в настоящее время отраслевые журналы существуют как в печатной, так и в электронной форме (например, Журнал «Напитки+» - *«единственное в Украине специализированное профессиональное издание, освещающее все виды бизнеса, связанного с напитками»* [11]). Следует также уделять внимание отраслевым изданиям смежных производств: журналу «Акциз» [7], журналу «Pakkograft» (аналитическое издание упаковочной индустрии). Отдельно можно сказать об аналитических статьях, которые дают обзор рынка игристых вин: в журналах «Бизнес», «Агроперспектива», «Торговое дело»

Периодика формировала образ - либо положительный, либо отрицательный - как определенных социально-экономических явлений, так и конкретных персон.

Таким образом, для составления наиболее четкой, полной, объективной и красочной картины социально-экономических условий, фона работы исследуемого предприятия, необходимо изучить законодательную базу, включая как собственно своды законов, так и обычное право, на следующем этапе следует провести анализ справочно-информационных изданий, а также материалов периодической печати (помимо статей, в качестве источников получения биографической информации о предпринимателях можно отметить некрологи), особое внимание стоит уделить отраслевым изданиям и заводским многотиражкам (или, в случае их отсутствия, стенной печати).

В дальнейшем, при рассмотрении конкретного производства, необходимо также прибегнуть к весьма широкому спектру разноплановых источников. Следуя методу за Г.Р. Наумовой [3], их можно разделить на несколько групп, в зависимости от происхождения и деятельности предприятия, освещаемой ими. Здесь мы говорим о представительских материалах, образцах продукции, делопроизводственных документах, сообщениях местной прессы, а также о материалах личного происхождения.

Вначале обратимся к представительским материалам. Этот обширный комплекс источников функционально связан как с чисто производственно-хозяйственной деятельностью на рынке, так и с формированием общественного мнения. В каждой разновидности представительских материалов заложены эти два начала. В представительских материалах содержится совершенно необходимая товаропроизводителям и потребителям рыночная информация. Они являются в этом отношении простым инструментарием хозяйственной деятельности. Потребителя, представляющего производственную сферу, товаропроизводителя в представительских материалах интересует в строгом смысле номенклатура и цена продукции, адрес производителя [3, с. 102].

Представительские материалы периода капиталистической индустриализации содержат массовую социально-психологическую информацию о производственно-хозяйственной деятельности. Многие в информационных возможностях этих источников обусловлено конкретной разновидностью представительских материалов. Среди них находим монографические исследования истории крупнейших фирм и производств, очерки истории отдельных династий, биографии лидеров делового мира, альбомы и буклеты фабрик и фирм, плакаты, воспроизведение вывесок, изображение выставочных павильонов, выставочную рекламу, рекламу продукции и товаропроизводителя, фирменные бланки, товарные ярлыки, открытки, упаковку, каталоги.

Среди представительских материалов на первом месте, безусловно, стоят очерки истории предприятий. Ярким образцом такого очерка служит работа В.В. Силакова «Трудовой путь агрофирмы «Золотая Балка» 1921-2001 гг.», созданная многолетним руководителем этого предприятия.

О рекламных буклетах хочется сказать особо, т.к. они являются важными источниками из группы представительских материалов, отражая самопозиционирование предприятия, стремление его создать определенный имидж. Производственно-технические вопросы являются естественным стержнем большинства рекламных буклетов. Набор сюжетов довольно подвижен и разнообразен: объем производства, рынки и организация сбыта, оборудование предприятий, описание производственных процессов, мощность двигателей, годовая производительность, если есть необходимость, по отдельным производственным подразделениям, сырье, количество и качество, топливо и энергетика, продукция, ассортимент и цены.

На современном этапе, при поиске и анализе представительских материалов, следует обращаться к Вэб-сайту данного предприятия. Например, на сайте Севастопольского винодельческого завода можно найти подробную информацию о выпускаемой продукции и предоставляемых услугах (дегустации, экскурсии и т.п.), краткие сведения об истории предприятия и технологиях производства

Таким образом, несмотря на различный профиль рассмотренных предприятий, информация, представленная на официальных сайтах заводов, вписывается в рамки традиционной схемы:

- история предприятия,
- его структура,
- выпускаемая продукция,
- производство,
- награды и объем выпуска,
- руководители.

Самую значительную и разнообразную группу представительских материалов образует реклама, или как ее называли прежде, рекламные объявления или просто объявления. В отечественной литературе уже есть некоторый опыт анализа рекламы [3, с. 110].

Количество рекламной информации, сохранившейся в периодической печати, огромно и учету не поддается. Возможны различные направления изучения рекламы. Она может представлять художественную ценность, интерес может вызвать сам рекламный образ. Нередко материал рекламного характера размещается на страницах отраслевых журналов [7, 12].

Из массовых представительских материалов сохранившихся в более или менее полном объеме, можно упомянуть фирменные бланки. Информационное поле фирменного бланка довольно ограничено и типично. Это название предприятия, все его награды, адреса, в том числе филиалов и контор. Иногда на бланке сообщались особые лозунги и рекламные призывы.

Условно к группе представительских источников можно отнести образцы выпускаемой продукции, хотя они, по сути своей, кардинальным образом отличаются от описанных выше источников, а потому, стоят несколько особняком. Тем не менее, образцы продукции, представленные на презентациях, выставках, ярмарках также служат частью рекламной

компаниях предприятий. Этикетки и контрэтикетки продукции зачастую содержат немало важной информации как о продукте, так и о заводе изготовителе.

Таким образом, при изучении комплекса материалов представительского характера нужно уделить внимание как монографическим исследованиям и очеркам по истории производства, так и массе разного рода рекламной продукции (в частности - рекламным буклетам, плакатам, информации на сайтах предприятий), фирменным бланкам и образцам производимой продукции.

Однако основой любого исследования в рассматриваемой области является работа с комплексом архивных материалов различного характера.

Структура архивных комплексов далеко не всегда соответствует первичной системе организации делопроизводственных материалов фабрично-заводских предприятий. Обычно делопроизводство осуществлялось в рамках таких подразделений, как бухгалтерия, материальный отдел, производственный отдел, складские подразделения, общая канцелярия и отдел личного состава. Уже в рамках этих подразделений складывались особые подходы к формированию дел. Либо по разновидностям документов, либо по проблемному принципу.

В целом, материалы правлений компаний и документация, прямо регламентировавшаяся законом, известны исследователям и источниковедчески ими оценены. В такой же мере привлекали внимание ученых переписка и материалы по личному составу, в первую очередь, рабочих. Зато мы имеем достаточно редкие опыты использования материалов бухгалтерского учета для изучения действительного состояния дел предприятий [3, с. 121].

Изучение делопроизводственной документации является необходимой частью анализа деятельности предприятия. Здесь важно выявить и рассмотреть материалы, сохранившиеся как в архивных фондах, так и в личных семейных архивах сотрудников предприятия, учетные материалы, документы страховых компаний, бухгалтерской отчетности, а также источники по промышленной археологии (фотографии, чертежи, схемы зданий, производственных механизмов и т.п.).

Большой интерес для изучения истории предпринимательства представляет исследование материалов личного происхождения (индивидуальных фондов, мемуаров, дневниковых записей, эпистолярного наследия и пр.), поскольку эти источники могут содержать уникальные, нигде более не зафиксированные сведения о деятельности предприятия, а также служить базой для создания социально-психологических портретов рабочих и руководителей исследуемого предприятия. В данном контексте, при изучении истории современных производств, полезно обратиться за интервью к людям, которые работают (либо работали) на изучаемом объекте.

Поводя итог, можно отметить, что при изучении истории единичного предприятия особое внимание следует уделить работе с источниками, поскольку зачастую в литературе эта узкая и весьма специфичная тема освещена скудно. Работу исследователя логично разделить на несколько последовательных этапов по изучению различных комплексов источников для воссоздания наиболее полной и объективной картины. Можно выделить две основных группы источников:

1. Источники, отражающие социально-экономические условия работы данной отрасли и производства. При работе с данной группой источников необходимо рассмотреть нормы правового регулирования деятельности предприятия, включая законодательство и обычное право. Следующей подгруппой данного комплекса источников являются статистические источники и справочно-информационные издания, которые помогают воссоздать общую картину положения отрасли и функционирования предприятия, позволяют проследить его динамику. Далее следует изучение прессы, периодических изданий, в которых целесообразно рассматривать не только собственно статьи и новостные сводки, но и рекламные материалы, и некрологи, т.е. весь комплекс информации, касающийся истории предприятия и его сотрудников. Особое внимание привлекают отраслевые журналы и заводские многотиражки.

2. Источники непосредственно для изучения истории конкретного единичного предприятия. Эта группа источников включает:

- Делопроизводственную документацию (архивные фонды, документы финансовой и бухгалтерской отчетности, источники по промышленной археологии: фотографии, чертежи, схемы зданий, производственных механизмов и т.п.);
- Представительские материалы (очерки по истории предприятий, рекламную продукцию, буклеты, информацию сайтов предприятий, фирменные бланки и пр.);
- Материалы личного происхождения (индивидуальные фонды, мемуары, дневниковые записи, переписку, фотографии и интервью с работниками предприятия).

Помимо этого, важно изучить образцы продукции, их упаковки и этикетки, которые также могут содержать информацию представительского характера и сведения о производстве. Особо пристального внимания заслуживают клейма, товарные знаки, гербы, поощрительные клейма и награды.

Для поиска сведений, помимо фондов архивов, целесообразно обратиться к семейным архивам работников предприятия и их потомков. Впечатляющие результаты порой дает поиск в социальной среде и семье, поскольку в 90-е гг. с расформированием и исчезновением производственных музеев многие материалы, как вещественного, так и документального характера, перешли в частные руки и сохранились в домах сотрудников предприятий и их родственников. Также возможно обращение к частным коллекционерам и музейным коллекциям. При работе в архиве полезен поиск информации в смежных фондах.

Подобный подход позволяет наиболее полно и четко охарактеризовать и проанализировать деятельность изучаемого предприятия.

Источники и литература:

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома России 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М., 1991.
2. Бессолицын А.А. История российского предпринимательства: учеб. пособие. М., 2008.
3. Наумова Г.Р. Русская фабрика (проблемы источниковедения). М., 1998.
4. Наумова Г.Р., Ермишина С.А., Лачаева М.Ю. Хозяин России: опыт предпринимательства. Экономическое сознание России // Былое. 1994, январь. № 1. С. 8-9.
5. Наумова Г.Р., Никонов А.В., Ермишина С.А., Лачаева М.Ю. Хозяин России: опыт предпринимательства. Россия земная // Былое. 1994, февраль. № 2. С. 8-10.
6. Наумова Г.Р., Ермишина С.А., Никонов А.В. Хозяин России: опыт предпринимательства. Вольным воля // Былое. 1994, апрель. № 4, С. 8-10.
7. От новаторства к классике [Электронный ресурс] // Акциз. 2008, декабрь. №12. Режим доступа: <http://akcyz.com.ua/magazines/33/745.html>
8. Севастопольский винодельческий завод. Официальный сайт [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.krimwine.com/page_42.html
9. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX вв.): Учебное пособие. Барнаул, 1999.
10. Севастополь на рубеже тысячелетий. Севастополь, 2003.
11. Севастополь. Энциклопедический справочник [Ред.-сост. М.П. Апошанская]. Севастополь, 2000.
12. С миру по капле [Электронный ресурс] // Сайт «Drinks plus». Режим доступа: http://www.drinks.com.ua/article.php?article_id=215

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НОВОРОССИИ

Сидорович Е.С.

Херсонский государственный университет

Европейские государства в XVIII веке видели в Российской империи преимущественно рынок сбыта, хотя и понимали, что Россия располагала ресурсами, которых не имели другие государства. Поэтому, торговля между Россией и Западной Европой была взаимовыгодной. В XVIII в. Франция оставалась наиболее могущественной европейской державой и, как отметил В.О. Ключевский, с правлением Екатерины II, в России начался период «просвещенного абсолютизма», позаимствованный у королевства Французского. Связи между Россией и Францией постоянно укреплялись, и одним из факторов их развития стала торговля [8, с. 850-853].

Однако до 1774 года торговые контакты с Россией французы осуществляли через Балтийское море при посредничестве английских и голландских купцов. Переломным событием в российско-французских торговых отношениях стала победа России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. Кючук-Кайнарджийский мирный договор давал возможность российским кораблям свободно проходить Босфор и Дарданеллы и открыл новые пути в Россию для иностранных купцов. Таким образом, к политическим, дипломатическим и культурным связям России с Францией в последней трети XVIII века появился шанс добавить прямые экономические и торговые контакты через земли и порты Новороссии.

Значение российско-французских экономических связей для хозяйственного освоения Новороссийского края отчасти освещено в трудах советских историков Д.Ю. Борового [2] и Е.И. Дружининой [5]. Исследователей, в основном, интересовала жизнь и деятельность барона де Сен-Жозефа Антуана. Различные эпизоды организации этим негодьянтом торговли с Россией упоминаются в работах Д.И. Багалий [1], Л.Ф. Цыганенко [22], П.П. Черкасова [19-20], А.М. Мердак [12], И.Л. Ван Регемортер [26].

Херсонские краеведы, рассматривая историю заселения Новороссийского края, подчеркивали полиэтничный характер его колонизации; ими были введены в научный оборот новые архивные данные о пребывании французов в Херсоне [14-15].

Современные российские авторы рассматривают проблемы российско-французских экономических отношений, в основном, в связи с важнейшими изменениями во внешней политике Российской империи конца XVIII – начала XIX вв. - территориальными приобретениями в Причерноморье и революционными событиями во Франции [6, 19, 20]. В украинской историографии также нет специального исследования, посвященного обобщению роли российско-французской торговли и выходцев из Франции (помещичьей и трудовой иммиграции) в хозяйственном развитии Новороссийского края. Данное исследование призвано восполнить этот пробел. Основное внимание уделяется выявлению роли Херсона как торгового порта и (с 1803 г.) административного центра Херсонской губернии в развитии российско-французских экономических связей.

Документальные источники демонстрируют целенаправленную политику Екатерины II по созданию благоприятной экономической ситуации для торговли через южные порты. Среди них следует отметить серию международных договоров России с европейскими державами; Указ 1782 года о свободной торговле хлебом и лесом, в том числе и вывозе этих товаров за границу; Манифест 1784 года о праве иностранных государств вести свободную торговлю через Херсон, а иностранцам – свободно селиться на территории Новороссийского края. Важнейшим документальным источником является торговый договор между Россией и Францией от 11 января 1787 года [11].

Большое значение для изучения экономической истории имеют статистические данные, фрагментарно представленные в источниках и недостаточно изученные в литературе.

Мемуары и записки путешественников передают состояние и перспективы экономического развития Новороссии. Одними из наиболее известных мемуарных источников являются воспоминания Франциско де Миранда и «Записки...» графа де Сегюра. Франциско де Миранда – испанский путешественник, авантюрист. В 1786-1787 годах пребывал на юге современной Украины и описал повседневную жизнь Херсона в этот период. Наиболее известное его сочинение – Дневник Миранды – уникальная летопись нравов екатерининской эпохи, встреч с императрицей и ее приближенными [13].

Граф де Сегюр был французским послом в Российской империи и содействовал заключению торгового договора 1787 года. В том же 1787 году он находился в свите Екатерины II во время путешествия императрицы на Юг. Его воспоминания дают возможность проследить развитие отношений между Францией и Россией во второй половине XVIII века [17].

Один из деятелей Французской буржуазной революции, ученый-просветитель Жильбер Ромм был в 1779-1785 годах в России в статусе воспитателя графа П.А. Строганова и много путешествовал, в том числе в марте-мае 1786 г. по Юго-западу Российской империи. Различные стороны жизни российского общества он описывал в многочисленных заметках, некоторые из них опубликованы [21].

Характеристику торговых отношений между французами и россиянами на юге империи дают письма и воспоминания барона де Сен-Жозефа Антуана, французского купца и основателя «Торговой группы» в Херсоне. Воспоминания французского негодичанта содержат точные данные о торговых операциях в Херсоне [23-24].

Некоторые стороны хозяйственной деятельности французов в Новороссии позволяют конкретизировать фонды Государственного архива Херсонской области.

В развитии российско-французской торговли в новых условиях более активной была французская сторона. Огромную роль сыграл в ней французский негодичант С.-Ж. Антуан, который проживал в Константинополе и понимал важность новой международной ситуации. Она давала возможность перенести торговые отношения на берега ранее закрытого турками Черного моря и создать на юго-западе Российской империи торговый дом. Стал возможным прямой коммерческий маршрут из Марселя в Херсон [23, с. 166-170]. П.П.Черкасов считает С.-Ж. Антуана одним из тех торговых агентов, которых французское правительство направило в Россию в начале 1780-х годов с заданием изучить возможности русского рынка и попытаться наладить коммерческие контакты [20, с.37]. Торговая палата Марселя поддержала идею торговых связей с Россией на Черном море. В 1781 году Антуан предложил дать право иностранным кораблям всех наций *«ходить на своих судах под российским флагом – единственным флагом, который Порты пропускает вместе со своими в Черном море»* [24, с. 73-74]. Он получил разрешение и отправился в Херсон, определив для себя следующие задачи:

- ознакомление с местными обычаями торговли;
- покупка кораблей;
- поиск строения для создания торгового дома.

Для их решения Антуан встретился с губернатором, руководителями таможни, которые дали ему рекомендательное письмо в Петербург. Его усилия увенчались успехом: в 1782 году он отправил первый корабль с грузом железа, тросов, полотна, соленого мяса [24, с. 73-74].

Инициатива французского купца получила поддержку императрицы. 27 июля 1782 года Екатерина II издала указ, который давал полную свободу торговли зерном и лесом. В том же 1782 году был обнародован тариф для портовых и приграничных таможен. По этому тарифу в российских портах Черного моря пошлину, которая была уменьшена на треть, брали звонкой монетой. Антуан начал отправлять через Херсон в Марсель разные сорта зерна, сало, воск, табак, дубовый лес, шкуры, медь и парусину [5, с. 90-91].

Херсон в осуществлении торговой политики Российской империи на юго-западном направлении занимал особое место. Этот город начинал превращаться в центр международной торговли и транзитной торговли с Польшей [25]. Основным покупателем предметов польского экспорта была Франция, которая со своей стороны, экспортировала в Польшу

шу вино, тонкое сукно, шелк, кофе, сахар, парфюмерные изделия. Летом 1782 году Антуан отправился из России в Польшу, чтобы проложить для франко-польской торговли черноморский путь. В Польше Антуан решил вопрос об отправке польских товаров во Францию не через Гданьск и Кролевец, а по Днепру до Аккермана и по Бугу до Очакова. Получив поддержку короля, весной того же года негодичант купил разных польских товаров на сумму 100 тыс. франков [23, с. 171].

После получения льгот, Антуан приступил к созданию торгового дома в Херсоне и отправил на имя императрицы прошение, в котором просил:

1. Об уменьшении карантинного срока для российских кораблей, которые будут приходить в черноморские порты из Марселя;

2. О временном сокращении пошлин: *«взимании от тонны с судна 20 % сбора, который доходит до 30 % от стоимости российских товаров»* [24, с. 75-76].

В ответ на просьбу негодичанта, 4 января 1783 года, был издан указ императрицы, который давал генерал-губернатору Г.А. Потемкину полномочия выдавать разрешения иностранцам на поднятие российского флага на своих торговых кораблях [5, с. 88-89].

Все это привело к существенному улучшению международного товарооборота. П.Юрченко приводит такие цифры: в 1784 году Антуан отправляет 3 корабля с салом, коноплей, пшеницей, горохом и табаком; в 1785 году отправил 264 мачты в Тулон [23, с. 175-176, 179]. Французский негодичант отчитался в письме перед послом де Сегюром: *«Список русских судов, которые пришли из Херсона в Марсель в 1784 году: 1) Корабль «Князь Потемкин», капитан Жека, 2) Бригантина «Дворянин Булгаков», капитан Гош, 3) Бригантина «Генерал Ганнибал», капитан Трюлле, 4) Полакра «Святой Николай», капитан Ренно. 4 судна прибыли в 1784 году»* [16, с. 163].

П.П.Черкасов приводит такие цифры торговых операций между Херсоном и Марселем: в 1784 году в Марсель прибыло 4 корабля с товаром на сумму 194440 ливров. В 1785 году в Марсель пришли 12 судов с товаром на сумму 626700 ливров, за первые шесть месяцев 1786 года прибыло 5 кораблей с товаром на сумму 207 840 ливров. Французский экспорт из Марселя в Херсон оценивается в 152300 ливров (4 корабля). В 1785 году – в 153450 ливров (4 корабля) и за первые полгода 1786 года – 210700 ливров (4 корабля). Таким образом, за два с половиной года (1784 – первая половина 1786 гг.) из Херсона в Марсель прибыло 21 торговое судно с общей стоимостью груза – 1028608 ливров, а из Марселя в Херсон – 12 кораблей с товаром на 516450 ливров. Как видно из приведенных цифр, совокупная стоимость русского экспорта из Херсона в Марсель почти на 500 тыс. ливров превысила стоимость французских товаров, поступивших из Марселя в Херсон [20, с. 36]. К тому же, кроме Антуана, и другие марсельские и херсонские купцы стали вести торговые операции по этой схеме.

Огромное значение в развитии торговых отношений сыграл французский посол в России граф Луи Филипп де Сегюр. Из переписки Антуана с послом видно, что французский купец просил ускорить процесс подписания торгового договора между Францией и Россией для облегчения торговых операций [16, с. 163]. Сегюр сам видел все выгоды от прямой торговли с Россией, и в своих «Записках...» писал следующее: *«Если когда-либо две державы должны были заключить торговый договор, так это Россия и Франция: этого требуют их положение, их произведения, их взаимная польза. Они слишком отдалены, чтобы вредить друг другу, и чтобы между ними мог возникнуть повод к войне или вражде ...»*. Отмечая, что Российская империя изобилует необходимыми для Франции товарами, он подчеркивает, что *«кожами, салом, воском, селитрой природа наделила Украину и другие южные области»* [17, с.32].

Так же уместно будет упомянуть о характеристиках, которые дал региону Жильбер Ромм (1786 г.), который, по некоторым предположениям, мог быть информатором своего правительства. Он писал, что Новороссийский край обладает: *«самыми лучшими, высокими хлебами на южном побережье, жители которого сеют хлеб в таком количестве, что могут его продавать»* [5, с. 20].

В 1787 году российско-французский торговый договор был подписан. Франция получила возможность торговать на тех же условиях, что и англичане, а российские товары

освобождались от огромных пошлин в Марселе. После подписания договора, Антуан стал перевозить по Черному морю товары из Херсона и из Франции под российским флагом. Кроме того, свободно перевозились товары из Литвы и Польши через Херсон во Францию. Было разрешено создание в Херсоне торгового дома [5, с. 20].¹

На Черном море в тот период процветало пиратство, которому содействовала Османская империя. И только благодаря российскому посланнику в Стамбуле французские торговые корабли шли в Херсон и из Херсона свободно [24, с. 75-77]. Все это способствовало тому, что к 1787 году торговля в Черном море достигла значительных масштабов: в ней были задействованы более двухсот кораблей.

В период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. торговля приостановилась. Только после подписания Ясского мирного договора в 1792 г. торговые операции возобновились, и Антуан послал корабли в Херсон [23, с. 175-176].

С началом революции во Франции в 1789 году, Екатерина II предложила графу Сегюру российское подданство, и он согласился. Новое правительство Франции не было заинтересовано в продолжении экономических отношений с Россией. В 1792 году Антуан еще получил несколько партий товара, но в начале 1793 г. декретом Конвента торговля между Францией и Россией была прервана [19, с. 71] и возобновилась только после подписания 8 октября 1801 года нового торгового договора. В этом же году Антуан послал из Марселя в Россию корабли, но в Херсон прибыло только 4 из них, другие зашли в новые порты, которые имели лучшее местоположение: Одессу, Феодосию, Евпаторию и Севастополь.

Надеясь на продолжительный мир между Россией и Францией, Антуан в 1803 году способствовал подписанию торгового договора между Францией и Османской империей и возобновил работу торгового дома в Херсоне [23, с. 178-179]. В своих воспоминаниях он обращает внимание на преимущества положения Херсона как торгового центра: точное знание французским негодциантом края, давние отношения с его жителями, низкие цены на строения и магазины, улучшение климата. Экспортные товары можно было доставить на кораблях и в Одессу, но это увеличивало их стоимость. И потому, выгоднее вывозить грузы прямо из Херсона, где есть таможня, а товары для ввоза освобождены от налогов [4, с. 143].

В начале XIX века Херсон считался одним из четырех главных черноморских портов. Он служит верфью для российского военного флота и купеческих кораблей. Преимущество Херсона заключалось в его близости к местным военным запасам и дешевизне их перевоза по Днепру [24, с. 88-83].

Успешная деятельность Антуана на поприще российско-французских торговых связей была отмечена дарованием ему российского дворянства.

Таким образом, с начала 1780-х годов разворачивается франко-российская торговля по Черному морю, в том числе и транзитная (для товаров из Польши). Эти торговые новшества дали толчок развитию Херсона как центра международной торговли на юге Российской империи. После подписания российско-французского торгового договора 1787 года торговля на Черном море через Херсон начала носить массовый характер. Однако, в начале XIX в., этот город начинал утрачивать позиции центра торговли в связи с появлением новых, более удобных портов.

Торговые отношения России и Франции не только способствовали появлению новых товаров в Херсоне, но и хозяйственному развитию города в целом.

Французские ремесленники принимали участие в строительстве Херсона. В 1780 году князь Г.А. Потемкин привез несколько полков работников, техников, специалистов и ремесленников, в их числе были выписаны из Парижа каменотесы Вексель и Лалмемань. В строительстве Херсона участвовал также французский архитектор Клод Буржуа. Принимали участие французы и в насаждении в Херсоне садов. Так, с целью повышения эффективности этого предприятия, князь Потемкин в 1783 году выписал из Франции учено-

¹ В период чумы жители Херсона бежали из города. Антуан просил у князя Г.А. Потемкина перенести торговые учреждения из Херсона в Глубокую пристань (современный райцентр Херсонской области Голая Пристань). Но генерал-губернатор отказал купцу, так как готовился к приезду императрицы на юг Российской империи.

го-садовника Иосифа Бланка, который стал директором Таврического сада. Ему было поручено разведение лучших сортов винограда. [14, с. 30-33]. Франциско де Миранда, который в 1786-1787 годах был в карантине в Херсоне, приводит данные о французах, которые жили в городе [13, с. 160-164.].

Известно, что французы, находившиеся в Херсоне, служили в армии. В одном из писем Г.А. Потемкину значится генерал-поручик и кавалер граф Дабельмен, командующий гарнизоном Херсона в 1780 году [18, С. 7-8].

В 1789 году началась Великая Французская революция, которая положила начало новому внешнеполитическому курсу Российской империи в отношении с этим государством [6, с. 50-54]: Екатерина II негативно относилась к революционной Франции и ее правительству [19, с. 73-74.]. Дворянство во время революции бежало из страны. Некоторые из них были обласканы императрицей и поселились в Новороссийском крае.

Одним из известнейших дворян Новороссии был Арман Эммануэль Ришелье де Плесси. Он в 1790 году бежал из Франции и перешел на службу Российской империи. Вместе с другими добровольцами-французами, принцем де Линем и графом Эдвардом Лонжероном, участвовал в штурме Измаила. В 1792-1793 годах вооруженные отряды французских эмигрантов, которые выступили против революционной Франции, потерпели поражение и отправились в Австрию [14, С. 51-52]. Эти отряды возглавлял принц Конде, который обратился к Екатерине II с прошением дать пристанище беглецам. Герцог Ришелье, тогда офицер российской армии, выступил с предложением организовать поселение французских эмигрантов в степях Новороссии. Сам Ришелье видел себя губернатором этой колонии. С этим предложением и денежными субсидиями российской императрицы в размере 60 тыс. дукатов, Арман Ришелье прибыл в лагерь Конде. Эмигранты не приняли план герцога: принц и его свита не желали заниматься земледелием [3, С. 494-503]. Связь Ришелье с принцем крови послужила поводом для включения его в список эмигрантов, конфискации имения и ареста жены и родных во Франции [14, С. 53-54].

Деятельность Ришелье была разнообразной: он занимался заселением края, постройкой колоний иностранных поселенцев – немцев, болгар, евреев; переселением крестьян из центральных губерний современной Украины в степь Новороссии. По предложению герцога, в пригороде Херсона было начато осушение болот. Он хлопотал о создании больницы, которая была открыта в 1820 году, стал одним из основателей гимназии в 1815 году и мореходного училища в Херсоне [15, С. 45-50].

Французские поселенцы способствовали всестороннему развитию Херсона. Так, в 1816-1821 годах Херсонским гражданским губернатором был граф, действительный статский советник К.Ф. Сен-При. Он развивал сельское хозяйство региона, особенно овцеводство, пригласил из Франции специалиста Пьера Муллера, под руководством которого началось строительство цеха для мытья шерсти в Херсоне на берегу Днепра [14, С. 81-82].

Архивные источники (фонд № 14 Госархива Херсонской области) эту деятельность конкретизируют, что существенно углубляет наши знания о роли французов в развитии землепользования и овцеводства. Французский дворянин Вильгельмин Рувье владел 45 тысячами десятин земли, которые после его смерти перешли во владения Рене Вассала. По завещанию покойного, Р. Вассал в течение 10 лет должен был развивать на унаследованной земле овцеводство [9-10]. До середины XIX века предприятие по мытью шерсти Рене Вассала, помещика и предпринимателя французского происхождения, опережало по развитию остальные отрасли промышленности на юге современной Украины [14, С. 81-82].

Таким образом, роль французов в развитии Новороссийского края не ограничивалась торговыми отношениями. Деятельность французских эмигрантов-дворян имела большое значение для развития края и, в частности, его сельского хозяйства.

Источники и литература:

1. Багалій Д.І. Заселення південної України (Запорозжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920. С. 40-41.
2. Боровой С.Я. Франция и внешнеторговые операции на Черном море в последней трети XVIII – начале XIX века (Источникведческие заметки) // Французский ежегодник 1961 г. М., 1962. С. 496-506.

3. Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи (1798-1799 гг.) / Великая французская революция и Россия: [Альманах/Под ред. Адо А.В.; Сироткина В.Г.]. М., 1989. С.494-503.
4. Весь Херсон на 1925 год. Адрес-календарь // Государственный архив Херсонской области. Херсон, 1925.
5. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М, 1959 г.
6. История дипломатии / Сост. А. Лактионов. М., 2006.
7. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) XVIII – первой половине XIX вв. (1719-1858 гг.). М., 1976.
8. Ключевский В.О. Русская история. – М., 2006.
9. Купчая № 34 суда Херсонской палаты // Государственный архив Херсонской области (далее ГАХО).Ф. 14, оп. 2, Д. № 191. Л.3.
10. Межевые книги // ГАХО. Ф. 14, оп. 2, Д. № 110. Л. 2-3.
11. Мартенс Ф. собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1902. Т. 13: Трактаты с Францией, 1717-1807. С. 201-234 .
12. Мердак А.М. Вплив французської культури на розвиток Північного причорномор'я в останній чверті XVIII – першій половині XIX ст.. // Південний архів. Херсон, 2000. Вип. III. С.59-66.
13. Миранда Франциско де. Путешествия по Российской империи / Пер. с исп. М, 2001.
14. Орлова З.С. Колекція документів з історії Херсонщини: Огляд фонду № 324 / Державний архів Херсонської області. Херсон, 2007. Бібліотечка архіву. Вип. 9.
15. Орлова З.С., Ратнер И.Д. Из истории заселения Херсонщины: Краткий справочник. Херсон, 1993.
16. Письма барона Антуана графу Сегюру, о пользе учреждения морской торговли Марселя с Херсоном // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. XIII. 1883. С. 156-164.
17. Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII глазами иностранцев. Л., 1989. С. 326
18. Херсонский адрес-календарь на 1896 г. // Государственный архив Херсонской области. Одесса, 1895.
19. Черкасов П.П. России и Франция в XVIII в. Итоги и перспективы исследования // Новая и Новейшая история. 1993., № 3., С.58-74.
20. Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция: XVIII-XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 4. М., 2001. 327 с.
21. Чудинов А.В. Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция: Вып. 3. М., 2000.
22. Циганенко Л.Ф. До питання про етнічний склад дворянства півдня України (кінець XVIII-XIX ст.) // Український історичний журнал. 2009. № 4. С. 67-83.
23. Юрченко П. Историко-статистические очерк торговли Херсона. по соч. де Сен-Жозефа // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. XIII. 1883 г. С. 165-179.
24. Gioque Y. Un Haut-Alpin a Marseille. Le baron Anthoine (1749-1826). Du grand negoce a la mairie. Paris. Societe d'etudes des Hautes-Alpes. 1991.
25. Reychman I. Le commerce polonaise eu mer noire au XVIII e sieche par le port de Kherson. VII.№2. 1966. С. 234-248.
26. Van Regemorter I.L. Commerce et politique preparation et negociation du traite franco-russe de 1787. IV № 3. 1963. С. 230-257.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МИРОПОНИМАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

ТЕРЕНТЬЕВА Е.М.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

По мере возвращения крымских татар на полуостров, история этого народа привлекает все больше внимания исследователей, однако большинство работ посвящено всего нескольким ключевым темам: внешней и внутренней политике Крымского ханства, проблеме присоединения Крыма к России и депортации 1944 г. Духовная культура этого народа пока освещена в меньшей степени, несмотря на то, что именно культурное развитие во многом определяет место того или иного общества в рамках своей цивилизационной системы. Очевидно, что эта сфера нуждается в тщательном изучении, в особенности – народное творчество, которое часто остается в тени искусства, хотя в наибольшей степени отражает мировосприятие людей той эпохи и во многом объясняет их поступки. Есть и другая причина изучения фольклора – нехватка письменных свидетельств и документов по истории этого народа, ведь библиотека Бахчисарайского дворца погибла в 1736 г. при пожаре.

Фольклор крымских татар на сегодня известен благодаря разнородным источникам: это – заметки путешественников (Эвлия Челеби, Г. Радде), сборники, изданные краеведо-любителями (Н.А. Маркс, В.Х. Кондараки) и профессиональными историками (сотрудники Алушкинского дворца-музея под руководством Я.П. Бирзгала) и др.

Анализируя это наследие, можно выделить несколько основных сфер, нашедших наиболее яркое выражение в устном народном творчестве.

В первую очередь это **представления о природе и о месте человека в ней**. Нужно отметить, что космогонических легенд у татар не было, либо они не получили широкого распространения и не попали в сферу внимания путешественников и этнографов: мир мыслился как нечто извечное и стабильное. Исключением в какой-то мере может быть легенда «Шайтан и кизил» [15, с. 7], но и она объясняет не момент творения, а лишь конкретную примету (связь урожая с холодами).

Гармонию в отношениях между человеком и природой, их взаимосвязь выражали такие пословицы, как «*Человек кормит землю, а земля – человека*», «*Если земля не насытится, не насытится и народ*» [34, с. 260]. Значение окружающей среды для здоровья человека подчеркивали максимы «*В селе, где много деревьев – мало могил*», «*В дом, куда не входит солнце, входит болезнь*».

Огромное число пословиц фиксирует наблюдения за сменой времен года и их особенностями: «*Март дождит, апрель сушит*», «*Летний дождь быстро проходит*», «*Пришел сноп, жди осени*», «*Крымская зима дает себя знать после солнцеворота*» [11, с. 142; 20, с. 65; 34, с. 261]. Практически каждому месяцу были посвящены специфические сентенции, метко отражавшие его место в годичном цикле: «*Бойся конца февраля и первых десяти дней марта*», «*Переменчив как март*», «*Дождь в марте серебро, а в апреле – золото*», «*Если в мае не будет дождя, останется на поле пшеница*» [11, с. 142 – 143].

Особое значение имели выражения, призывавшие беречь природу и заботиться о ней, воспитывавшие в людях чувство ответственности и долга в отношении ее: «*Кто не сеет, тот не получит*», «*Весенняя работа – осенний урожай*», «*Даже если убегаешь, убегай сея*», «*Ухаживай за виноградником, чтоб был виноград, который не стыдно будет есть*», «*Мед собирается по капле*», «*Ухоженный конь на тысячу дней, неухоженный на один день*». Пословицы сохранили и те принципы, которыми руководствовались простые татары в повседневной практике: «*Глубже вспашешь, получишь богатый урожай*», «*Посадишь на день раньше, получишь на неделю раньше*», «*Кто не содержит кошку, содержит мышей*».

Характерные особенности тех или иных растений, животных или природных явлений сохраняли самобытные загадки: «Туча тучу плеткой бьет, небо горько слезы льет» (молния и дождь), «Висит на дереве закрытый сундук» (орех), «Звонко звеня, летает, в селе, в лесу зимует, для себя собирает, а людям дарит» (пчела).

Даже для того, чтобы описать красоту или моральные качества человека, татары нередко обращались к примерам из окружающей среды: так пошли сравнения с нежной розой, стройным кипарисом, могучим дубом, с голубем, канарейкой, соловьем, ласточкой, львом и т.д. [33, с. 112 - 113].

Особенно почитали и, зачастую, одушевляли татары землю и воду, значение которых в жизни людей раскрывают пословицы: «Земля клад, а вода его жизнь», «Вода земле кровь дает, а растениям жизнь», «Когда пьют воду, и змея не трогает», «Вырой колодец и воздастся». Образ Матери-земли, внимательно наблюдающей за своими детьми через бездонный провал Хулах-Иернын, возникает в легенде «Эчкидаг – козья гора» [15, с. 9]. Вода в качестве защитницы и спасительницы выступает в легенде об Арзы-хыз и т.д. В то же время, как разумное начало, она может наказать людей, обрекая на жажду, если они становятся злыми и несправедливыми (легенда «Деликли-кая» [16, с. 31]).

Природа Крыма воспринималась татарами как органичная часть истории полуострова, а потому, любой своеобразный географический объект тесно вплетался в предания той или иной местности. Особое место занимали предания о горах – излюбленном мифологическом символе многих народов.

Именно здесь могли обитать «сверхъестественные» существа: Эвлия Челеби, например, подробно описал снежных червей, напоминавших ожившие льдинки и живущих, согласно представлениям татар, на вершине Чатырдага [36, с. 136]. В крымских легендах достаточно популярен мотив «окаменения», которое обычно трактуется как наказание. В камень были обращены:

- медведь, переставший подчиняться Аллаху («Легенда об Аю-даге»);
- жестокий кузнец с горы Демерджи, его помощники и жертва («Кузнец с горы Димерджи»);
- неблагодарные дочь и зять доброго старика Адиль-бея («Овраг окаменевших овец»);
- чабан Усеин, убивший своего соперника («Курбан-кая»).

Лишь однажды превращение трактуется как благо: когда в скалы обратились мать и дочь, спасавшиеся от преследования жестокого жениха Топал-бея (легенда «Живые скалы»), однако согласно другой версии они были заживо замурованы в камень рассерженным богачом [25, с. 144; 35].

Широко распространенным и тесно связанным с культом гор был культ пещер, хранящих богатства и священные тайны, которые сторожат грозные духи – дэвы или ифриты (впрочем, этот сюжет имеет многочисленные аналоги по всему миру). Наиболее характерны в этом отношении легенды «О пещере духов», «О золотой колыбели» и «Гибель Гирея». Во всех случаях поиски клада для героев оканчиваются неудачей. Больше везет персонажам сказок, действующим где-то в «тридесятном царстве» и не имеющим отношения к реальности: к примеру, удастся добыть сокровища смелым героям историй «О плачущем гранате и смеющейся айве» [26, с. 254] и «О трех искателях счастья» [26, с. 290].

Земля благосклоннее относится к своим детям и чаще отдает сокровища, спрятанные в ее недрах, куда спускались героини легенд «О птице-счастье» [13, с. 253], «Жадный Куртмулла и чабан Асан» [13, с. 92], «Султане-Салэ» [16, с. 8, 11], однако не всегда приобретенное таким образом приносит радость: так, удачливый охотник Тохтар становится жертвой завистливого хана, а Асан превращается в дряхлого старика, которого пугается собственная невеста.

Развивая мотив поиска сокровищ в фольклоре, нужно отметить, что рассказы о крымских золотых россыпях – не редкость, хотя известно, что на полуострове их никогда не было. Обычно золото помогает ханам творить зло, содействуя их набегам на славянские земли, как в легенде «Золотая россыпь у Чатырдага» [8; 14, с. 288]. Однако жило в народе и предание о Кетерлезе, который весенней ночью может указать путнику, где лежит этот драгоценный металл [17, с. 26].

Не были забыты в фольклоре крымские растения и животные [29], обычно наделявшиеся индивидуальными чертами: лис – хитростью («Сказка о хаджи Тильки и правоверных пилигримах» [26, с. 180]), змея и лошадь – мудростью (сказки «О бедном дровосеке и чудесном талисмানে» [26, с. 153], «О плачущем гранате и смеющейся айве»), осел – осмотрительностью («Сказка о мудром ишаке» [26, с. 132]) и т.п.

Крымскотатарский фольклор служит отражением также и **социальной жизни** этого народа. Элита общества, хан и его приближенные нередко фигурируют в устном творчестве, подчас даже подвергаются критике (сказки «О чабане и хане», «О щедром хане и Мустафе Муджабе» [26, с. 247, 300], «О трех искателях счастья»), хотя и им бывают свойственны простые человеческие чувства («О происхождении Бахчисарая» [12], «Хан и его сын» [13, с. 81], «Ромашки» [31, с. 28], «Фонтан слез» [32]). Не сложно заметить, что с точки зрения татар богатство обычно не характерно для добрых и великодушных. Остаться таким может лишь человек, испытавший и нужду, и страдания, как герои легенд «Мюск-Джами» и «Султан-Сале». В противном же случае погоня за легкой наживой может дорого обойтись искателям счастья («Сказка о Кульбасты-батраке и Косе-богаче» [26, с. 276], «Гибель Гирея», «Легенда о пещере духов»).

С другой стороны, симпатией пользовались те, кто, казалось бы, был источником постоянного страха и неуверенности для честных людей: разбойники. Конечно, такое отношение вполне понятно, когда речь идет о местных аналогах британского Робина Гуда: подобными «лесными рыцарями» выступают такие герои, как Алим или Мустафа Чалаш [15, с. 27; 17, с. 30]. Однако вполне благожелательно описаны и менее альтруистично настроенные грабители, пример тому – персонажи сказки «О воре Амете и карманщике Мемете» [26, с. 52] и легенды «Биче» [13, с. 100], которые, благодаря храбрости и находчивости, добиваются своих целей.

В то же время, нашлось в фольклоре место и для стойкого целителя («Сказка о грозном хане и Лухман-Хекиме» [26, с. 125]), талантливого учителя («В раю» [13, с. 171]) и многих других, однако заметно, что эти социальные группы «квалифицированных специалистов», не входивших в среду простого народа, представлены значительно скромнее.

Женщина в обществе ставилась в подчиненное положение по отношению к мужчине, что традиционно для авраамических религий. Она не могла фигурировать в качестве свидетеля в суде («Как Ахмет-Ахай разоблачил бахчисарайского кадия» [7, с. 269]), не должна была получать образование, о чем свидетельствует сентенция «*Много учившийся мужчина становится кадием, много учившаяся женщина становится ведьмой*» [20, с. 40]. Но, тем не менее, женщина, особенно в сельской среде, пользовалась значительной свободой, и даже браки обычно совершались с согласия невесты, о чем свидетельствует множество легенд («Об Арзы-хыз», «Овраг окаменевших овец», «О золотой колыбели»). Однако встречаться жених и невеста могли лишь тайно, по ночам [9, с. 105 - 107, 191], отчего появились подобные манэ (отдаленный аналог русских частушек):

*«Месяц ты или звезда?
Молодка или девушка?
Я этой ночью приду,
Одна ли ты будешь в вашем доме?»*

Поскольку любовь дарит вдохновение не только средневековым трубадурам, сохранилось также множество лирических чинов, сочиняемых экспромтом по соответствующему поводу [10]:

*«– Селям алейкум!– дому вашему сказал.–
Издадека я прискакал, мой конь устал...
– Селям, тюльпан мой майский!– говорю.–
Пора бы отдохнуть уставшему коню».*

Хотя, в соответствии с нормами шариата, считается, что женщине неприлично выходить из дому одной, из крымскотатарского фольклора несложно понять, что это положение исполнялось не слишком тщательно, и женщина была достаточно вольна в передвижении. Но отношение к хиджабу было гораздо более серьезным: так, в сказании «Чершамбе» [16, с. 22] казанская татарка, переселившаяся в Крым, но не прикрывавшая

лица, в соответствии со своими традициями, подвергалась всеобщему осуждению и даже не могла рассчитывать на удачное замужество.

Полигамия была несвойственна для татар, как и вообще для тюркских народов. Гаремы в фольклоре упоминаются редко, возникая лишь в качестве традиционного атрибута двора персидского падишаха, османского султана или хана Гирея (сказки «О трех искателях счастья», «О щедром хане и Мустафе Муждабе», легенды «Хан и его сын», «Гюляшханым», «Фонтан слез»). Традиционная же семья состояла из мужа, жены и их детей, что прослеживается практически во всех бытовых сказках и легендах (история «О Кичкене» [26, с. 140], «Об Арзы-хыз», «Биче» и т.д.). Интересное объяснение этому дает легенда «Письмо Магомету» [15, с. 21], повествующая о женщинах, написавших пророку послание с просьбой запретить мужчинам брать нескольких жен. О традиционных взаимоотношениях в браке свидетельствует крылатая фраза «Жена становится хорошей благодаря мужу, муж становится хорошим благодаря жене» [33, с. 34].

Отношение татар к представителям других наций было двойственным: с одной стороны, они позаимствовали у иноверцев множество обычаев и традиций [8], с другой – не всегда воспринимали их как равных. Значительное число пословиц, характеризующих другие народы, несет ироническую оценку.

Так, русские щедро наделялись такими качествами как безответственность («Русское завтра не кончится») и невезучесть («Неудачнику русскому и свинья в прок не пойдет»). В то же время, констатировалась твердость в вере («Старый друг не будет врагом, старик русский не будет мусульманином») и справедливость («Если хочешь попробовать кнута, пробуй от русского»).

У евреев татары также выделяли приверженность своей религии («Еврей не примет истинной веры, еретик не раскается»), а еще – скрупулезность в торговых делах («Обанкротившийся еврей роется в старых записях»). Интерес представляет пословица, сопоставляющая два народа: «У русского в доме ночуй, но пищи его не ешь, у еврея пищу ешь, но в доме не ночуй».

Малопривлекательным получился портрет цыган: здесь подчеркивается ненасытность к богатству и склонность к предательству («Если у цыгана в котле осталась пища, то и сон не придет ему на глаза», «Если сделаешь царем цыгана, то, прежде всего, он повесит своего отца»).

В меньшей степени уделено внимание другим народам, однако несложно найти выражения, характеризующие, в представлении татар, национальный характер: албанцев («Что питательность пшеничной похлебки, то дружба албанца»); греков («Одна рыба голова, одна кварта вина, сорок греческих юношей три дня и три ночи пировали, а все-таки осталась еще половина»); кавказских народов («Самое низкое животное – гусь, самый низкий человек – лаз, самый скверный плод – черешня»); казанских татар («Сын казанского татарина – сын продавца кур») [20, с. 55 - 56].

Однако и крымские татары нередко становились персонажами фольклора других народов, выступая в качестве как опасных врагов (в русско-украинских сюжетных линиях), так и сказочных богатырей-заступников (в эпической поэме казанских татар «Чора Батыр» [37]).

Сами крымские татары не были однородны: обычно выделяют 3 большие этнические группы: степняки – ногаи, прибрежные («таты») и горно-предгорные татары [27, с. 143]. Эта неоднородность отразилась и в устном творчестве. Так, «северяне» за храбрость в набегах и тягу к кочевой жизни характеризовались пословицами «Ногаец скор на отвагу» или «Если дела ногайца поправятся, у него появится много колес» [20, с. 55]. Более ироничным было отношение к «южанам», о чем свидетельствуют выражения «Из вербы не будет дерева, из тата не будет человека» и «Мать и отец твой – таты, так что же тебе нужно, большая лошадь?» [20, с. 54, 56].

Отдельного внимания заслуживает анализ влияния ислама на фольклорные традиции крымскотатарского народа.

В источниках нередко упоминаются такие религиозные традиции:

- Хадж (легенда «Чертова баня» [15, с. 4], «Азис» [1, с. 260], «Сказка о хаджи Тильки и о правоверных пилигримах»);
- Жертвоприношение – курбан («О Кичкене», «Курбан-кая»);
- Обручение – нишан («Об Арзы-хыз»);
- Суннет («О плачущем гранате и смеющейся айве»).

В крымскотатарских легендах также можно встретить описания наиболее почитаемых мусульманских празднеств: Курбан-байрам, праздник жертвоприношения, когда даже бедняки старались купить барана, чтобы приготовить традиционное кушанье («Курбан-кая»), и Ураза-байрам, оканчивающий тридцатидневный пост («Шайтан-сарай»).

Но существовал у татар еще один, совершенно уникальный праздник – день азиса Кетерлеза (Хыдырлеза), отмечающийся 23 апреля. В этот день запрещено было запрягать скот, зато принято посещать могилы павших в бою, катать с гор сдобные лепешки, чтоб был хороший урожай, и обедать, сидя на весенней траве [5, с. 248]. Молодежь в это время устраивала скачки и спортивные соревнования, состязаясь в борьбе на кушаках и т.д.

Своеобразие этого земледельческого празднества в том, что происхождение его – греческое. Православные греки в этот день чтили Георгия Победоносца, христианского великомученика.

Согласно преданию, Кетерлез одну ночь в году ходит по лесам, «зажигает золото» [13, с. 399], скрытое в недрах земли и может наградить богатством любого, встретившегося на пути. Это поверье нашло отражение в известной козской легенде: певец Хабибула ищет встречи со святым для того, чтоб заслужить любовь своей жены Кэтыджэ, которая считает богатство непременным атрибутом счастья.

Существует версия, что само имя состоит из двух слившихся имен мусульманских святых – Хыдыра и Ильяса. Если первый – типичный исламский герой, получивший от Аллаха вечную жизнь для постоянного укрепления людей в вере, то второй хорошо знаком и христианам под именем Ильи, библейского пророка, который имел власть над громом и молнией и в то же время был покровителем домашнего скота [19, с. 103]. Видимо, Кетерлез – образ синкретический, вобравший, возможно, даже некоторые черты славянского Ивана Купалы: уж очень схожими кажутся истории о легкой возможности неожиданного «ночного» обогащения.

Почерпнутое из суфизма почитание чудотворцев-азисов вообще составляло специфику ислама в Крыму, при этом каждый из них имел свои «полномочия»: к могиле Кемал-бабая, героя одноименной легенды [16, с. 15], приходили для того, чтобы исцелиться, а святой Курд-Таде, как считалось, мог помочь вернуть утраченную любовь [15, с. 12]. Наряду с мусульманскими праведниками, любовью пользовались традиционные персонажи древнетюркской и арабской мифологии – демоны и ангелы, дэвы и ифриты, русалки и албасты, аджага [3, с. 176].

За жизнью людей непосредственно наблюдали посланцы бога – ангелы. Именно ангел спасает несчастную женщину, собиравшуюся покончить с собой («Письмо Магомету»); он же приносит благочестивому носильщику Юсуфу удачу и богатство («Мюск-Джами»). Бывает, что бог и сам вмешивается в дела земные. Персонажи нередко упоминают его имя, призывая в свидетели или умоляя о защите, и получают желаемое: например, по слову Адиль-бея караван его детей превращается в груды камней («Овраг окаменевших овец»). При этом представления о боге несут печать тенгрианства: радуга, «меч Тенгри», превратилась в «пояс» или «мост Аллаха», а сам всевышний в устной традиции часто выступал под двойным именем – Аллах-Тенгри [4, с. 88; 6, с. 92].

Шайтан, воплощенное зло, участвует в жизни людей так же незримо, лишь в редких случаях вступая с ними в прямой контакт, как в легенде «Чертова баня»; однако он свободно может, оставаясь невидимкой, давать советы и рекомендации («Шайтан-Сарай»). Но и сам величайший лжец может быть одурачен: гонясь за выгодой, он просит Аллаха отдать ему кизил, который зацветает одним из первых в лесу, а затем не знает, как поступить с не желающими созреть ягодами («Шайтан и кизил»).

Жила в народе и вера в русалок («Об Арзы-хыз»), напоминающих традиционный славянский образ печальной девушки, свободно передвигающейся по земле, в отличие от

западноевропейской ундины, полурыбы-полуженщины. Другой персонаж, связанный с водной стихией – злой демон албасты, представлявшийся в облике уродливой женщины с огромной грудью, закинутой за спину, которая расчесывает свои длинные светлые волосы на берегу водоема [18, с. 58]. Еще один известный, преимущественно сказочный персонаж – аджага, многоголовое чудовище со сверкающими огнем глазами. Он зол и ненасытен, однако, недалек, и обычно бывает без труда побежден находчивым героем (сказки «О лисе и Беш-Салкым-бее», «О Кичкенэ» и др.).

Менее популярными персонажами были великаны, однако и они заняли свою нишу в устном творчестве. Так, Эвлия Челеби, посетивший Крым в XVII в., записал легенду о великане Салсале, покровителе цеха производителей бузы, который, согласно преданию, изгнал из крепости Аккерман племя джиннов, а позже был убит Маликом Аштером, известным сподвижником пророка Мухаммеда. Путешественник даже подробно описал его кости и зубы, ставшие частью архитектурного декора крепости [36, с. 68, 134].

Но искренняя вера в постулаты ислама не смешивалась с объективным (а зачастую – скептическим) отношением к отдельным представителям духовенства. Несправедливые муллы и кадии становятся персонажами историй «О портном и жадном мулле», «О блудливом кадии» [26, с. 64, 112], рассказов об озенбашце Ахмет-Ахае [7, с. 269]. Соответствующий материал дают пословицы: «Принимай сказанное муллой, но не следуй его поступкам», «Колымага портит дорогу, незначительный мулла – веру» и др. [20, с. 29]. Только высокая нравственность и мудрость могли вызвать уважение и признание в среде простого народа, но не «сан».

Наконец, устное творчество дает богатый материал для изучения **традиционных норм поведения и морали** крымских татар. В фольклоре нашли отражение древние тюркские обычаи, которые позже были практически вытеснены из повседневной практики нормами религии [28, с. 292 - 293]:

- Экзогамия – запрет брачных отношений между членами одного рода или общины, вынуждающий главного героя отправляться в дальние странствия на поиски жены, что и происходит в «Сказке об Усеине, сыне Асана» [26, с. 186] и «Легенде о золотой колыбели».
- Матрилокальный брак, при котором муж переходит на жительство в дом жены, как случилось в сказках «О плачущем гранате и смеющейся айве» и «О лисе и Беш-Салкым-бее» [26, с. 235].
- Сорорат – обычай, согласно которому мужчина вступал в брачные отношения с сестрами, в классовом обществе претерпел изменения; его новый вариант – женитьба вдовца на сестре умершей супруги – упоминается в «Сказке о бедном дровосеке и чудесном талисмানে» [26, с. 153] и легенде «Гюляш-ханым».

Нравственные идеалы крымских татар в лаконичной форме воплотились, в первую очередь, во множестве пословиц и поговорок. Непременным условием считалась любовь к родине, о чем свидетельствуют многочисленные изречения: «Не будь сыном отца, а будь сыном народа», «Родной край – что рай, вода – как щербет», «Родина – золотая колыбель» [2, с. 174; 33, с. 21 - 23].

Не менее важным для татар было почитание родителей и подчинение их авторитету; о тех, кто выполнял это условие, говорили: «Кто оберегает от невзгод отца и мать, того и бог бережет»; для своенравных же существовало предупреждение: «Кто огорчает родителей, конец того печален» [33, с. 20]. Традицию почитания родителей можно проследить во многих легендах: «Жадный Куртмулла и чабан Асан», «Султан-Сале» и т.д. Существуют и противоположные примеры, однако неблагодарные дети в итоге либо меняют свое отношение, либо оказываются наказаны («Овраг окаменевших овец»).

Вообще, люди старших поколений олицетворяли жизненную мудрость и опыт, а потому, сложились сентенции «Кто не слушает старших, тому до старости удачи не видать», «Воду – младшему, слово – старшему» [33, с. 19]. Сохранить знания предков помогал обычай талака: собираясь вместе (обычно – во время праздников), татары поочередно вспоминали те или иные крылатые фразы, сопровождая их традиционным зачином «Вот, что сказали предки...». Эта игра могла продолжаться целые сутки, до «победного конца»;

те же, кто исчерпывал свой запас пословиц, выбывали, сопровождаемые напутствием «Ты еще молод, поди – поучись!», и выплачивали небольшой «штраф». Эта забава пользовалась огромной популярностью, недаром пошло выражение «Смерть приходит лишь раз, а талака и свадеб много» [20, с. 41].

Однако, заботясь о пожилых хранителях житейской мудрости, нельзя было забывать и о долге по отношению к детям: существовал целый ряд соответствующих наставлений для взрослых: «Растить ребенка – все равно что закалять сталь», «Ребенка воспитывай с раннего детства» [33, с. 215]. Дети пользовались всеобщей любовью, хотя родители отлично представляли, с чем им предстоит столкнуться («Дом без детей – могила, а с детьми – базар», «У кого нет детей, у того одно горе, у кого есть дети, у того – тысяча бед» [20, с. 44]).

Много внимания татары уделяли межличностным отношениям, подчеркивая необходимость умения уважать чужое мнение. Так складывались крылатые фразы «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется» [21, с. 39], «Где единство, там мир и согласие». Для тех, кто забывает эти вечные истины, появлялись предостережения: «Кто от стада отделится, тот умрет, споткнувшись», «Отделившуюся от стада овцу съедят волки» [33, с. 15 - 16].

Татары славились своим гостеприимством: идеалом считался персонаж старого предания, поджаривший мясо для нежданного гостя-ногая на колесе своей арбы, после чего, однако, ему пришлось оставить любимую невесту в неподвижной кибитке посреди степи [36, с. 114]. Однако и посетитель не должен был злоупотреблять терпением хозяев, твердо помня пословицы «Один день – гость, другой день – гость, на третий день – уходи, неверный!» и «Гость гостю не рад, а хозяин – ни одному из них» [20, с. 36, 41].

Еще Г. Радде отмечал поразительную чистоту, царившую в жилищах даже самых бедных татар [21, с. 33]. Действительно, татары трепетно относились гигиене, что отражают сентенции «У кого лицо чистое – тот и сам чист», «Чистота – залог здоровья, а здоровье есть богатство», «Надо быть чистым, аккуратным и делать добрые дела» [33, с. 49].

Традиционно осуждались такие черты, как лень («Леность и расточительность ведут к гибели», «Лучше быть заняту, чем праздно»), необдуманность в поступках («Мудрый человек не сделает шага, не оглядываясь»), лживость («Лицо лжеца чернеет по праздникам») и многие другие [21, с. 39]. Зато приветствовалась способность не унывать и довольствоваться малым, что породило популярную сентенцию «Пусть молодец будет молодцом, пусть постель его будет под кустом» [26, с. 339].

Руководствуясь известным тезисом «Чернила ученого и кровь погибшего за правое дело одинаково священны», татары ценили знания: «Лучший друг – это книга, лучшее богатство – знание», «Человеку и сорока специальностей мало» [33, с. 24 - 25].

Однако, несмотря на яркую оригинальность фольклора крымских татар, анализируя его как целое, нельзя не отметить **займствования** ряда образов и сюжетов.

Элементы фабулы многих сказок имеют явственные восточнославянские черты, которые могли быть занесены русскими и украинскими пленниками, однако вплетались в сюжет, рисуя социальную обстановку в Крымском ханстве. Отдельно нужно отметить истории «О бедном дровосеке и чудесном талисмানে», «О мудрой девушке» [26, с. 229] и «О лисе и Беш-Салкым-бее», которые имеют явные аналогии из числа русских народных сказок: «Волшебное кольцо», «Мудрая дева» и «Козьма Скоробогатый» соответственно [23].

Нельзя не отметить и птицу счастья из пещеры в скале Шан-кая («Легенда о птице счастья»). Конечно, птица была существом, священным для многих народов, но в данном случае можно обратить внимание на ее сходство с типичными «славянками»: словацкой «птицей-огневиком» [18, с. 439], чудесной птицей польского фольклора и Жар-птицей русских сказок, которая излучает такой яркий свет, что может ослепить человека, и не приносит обладателю ничего, кроме новых проблем («Жар-птица и Василиса-царевна») [23, с. 84].

«Легенда о золотой колыбели», очевидно, является переосмысленным вариантом греческого сказания «Золотая колыбель и наковальня» [8], посвященного упорной борьбе феодалов с генуэзцами.

Образ лиса Тильки, находчивого героя многих сказок, немного напоминает Рейнеке французских фаблю [22], и вполне мог быть занесен итальянскими купцами, однако приобрел такие характерные местные черты, что вскоре стал популярным персонажем.

Очень явственно проявляются черты арабских сказочных традиций. Так возникают три характерных амулета: платок, кисет и лук («Сказка о трех талисманах» [26, с. 200]); волшебная мазь для глаз, позволяющая обогатиться («Сказка о Чемаширджи-оглане» [26, с. 82] заимствует эпизод из «Волшебной коробочки» [24, с. 402]). Еще один пример – чудо-птица, извне появляющаяся сила, помогающая развитию сюжета – прямой аналог птицы Рух [26, с. 19]. Она появляется в тот момент, когда возникает необходимость быстро перевести действие на новый план, как в сказках «О Чемаширджи-оглане», «Об Усеине, сыне Асана», «О трех талисманах» и др.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Устное народное творчество крымских татар – перспективный источник для изучения культурной, социально-экономической и религиозной жизни Крыма. Основой для возникновения большинства крымскотатарских сказок и преданий становились исторические события или лица, жизненные реалии, традиционные праздники и обычаи, особенности рельефа местности, а также исламская мифология.

2. Легенда или сказка – не исторический документ, который практически всегда датируется и подписан, и не нарративный источник, время написания которого могут подсказать данные палеографии. Период возникновения того или иного сказания можно определить лишь приблизительно, по косвенным признакам. Абсолютное большинство известных преданий было записано уже после присоединения Крыма к России этнографами-любителями, и лишь позже – членами специально созданных комиссий. По этой причине, фольклор может быть использован лишь как дополнительный источник при исследовании реальных событий, зато незаменим при изучении мировоззрения народа, которое меняется все же не так стремительно, как историческая обстановка.

3. Множество преданий известно в нескольких вариантах, в которых подчас не совпадают не только отдельные эпизоды и имена главных героев, но и место локализации. По всей вероятности, это лишь подтверждает давнее происхождение той или иной истории: ведь требовался действительно большой промежуток времени, чтобы сюжет успел распространиться по всему полуострову и повсюду стал «родным».

4. В фольклоре отсутствуют как космогонические, так и эсхатологические мотивы: окружающий мир кажется крымским татарам вечным и стабильным, а объекты природы – одушевленными существами, способными страдать и радоваться. Природа, в целом, воспринималась крымскими татарами как органичная часть истории полуострова, а потому, многие своеобразные географические объекты (горы, пещеры, водопады) тесно вплелись в историю той или иной местности.

5. Ислам стал дополнительным фактором развития устного народного творчества крымских татар, предоставляя новые сюжеты и персонажей. Это, однако, не помешало сохранить память о некоторых древнетюркских обычаях и отдельные пережитки тенгрианства: мифологические существа превратились в сказочных, а сам Аллах получил второе имя – Тенгри.

6. Иноземное влияние в крымскотатарском фольклоре ощущается достаточно явственно, доказывая, что полуостров никогда не был «вещью в себе» и легко усваивал арабские, восточнославянские и западноевропейские мотивы, которые вскоре становились совершенно органичной частью крымскотатарского фольклора.

Нужно отметить, что не всегда легко разобраться, какому же именно из населявших полуостров народов принадлежит конкретный рассказ: краеведы-любители зачастую не видели необходимости приводить эту информацию, заботясь лишь об увлекательности сюжета. Но нельзя забывать, что в Крыму создано немало сюжетов, принадлежащих каримскому («Молитва Гахама»), крымчакскому («Ювелир Насым-ахай и мудрая Гулюш»), немецкому («Семь колодезей»), русскому («Солдаткин мост», «О скалах Дива, Монах и Кошка»), украинскому («Дивчина-чайка», «Оксана») народам. Судить о происхождении сюжета приходится по косвенным признакам. С одной стороны, указанное имя или род

занятий рассказчика (к примеру, мулла [16, с. 44]) в некоторой степени могут свидетельствовать о его национальности, а, следовательно, и о том, какой именно народ создал то или иное предание. С другой стороны, большое значение имеют данные антропонимики и топонимики.

Источники и литература:

1. Азис / [легенда в записи Н.А. Маркса]. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 260-264.
2. Асанова Д. Крымскотатарские пословицы и поговорки // Очерки истории и культуры крымских татар. Симферополь, 2005. С. 173-175.
3. Асанова Д. Сказки и легенды крымских татар // Очерки истории и культуры крымских татар. Симферополь, 2005. С. 175-177.
4. Бойцова Е.Е. Ислам в Крымском ханстве. Севастополь, 2004.
5. Забвению не подлежит / [сост. Н. Ибадуллаев]. Казань, 1992.
6. Кирюшко М.І. Ислам в Криму: релігійно-національна самоідентифікація кримськотатарського народу. К, 2005.
7. Книга о судах и судьях / [сост., вступ. статья, указатели и примечания М.С. Харитоновой]. М., 1983.
8. Кондаракі В.Х. Универсальное описание Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krimoved.crimea.ua/kondaraki.html>
9. Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / [авт.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен]. Симферополь, 2005.
10. Крымскотатарская литература [Электронный ресурс] / [авт.-сост. Р. Фазыл]. Режим доступа: <http://www.cidct.org.ua/ru/publications/Krim.lit/2.html>
11. Куртiev Р. Крымские татары: этническая история и традиционная культура. Симферополь, 1998.
12. Легенда о происхождении Бахчисарая / [в записи Филатовой М.С.]. Режим доступа: <http://sightofcrimea.narod.ru/sights/legend/bahchi.html>
13. Легенды и предания Крыма / [сост. Тархов А.Е.]. Симферополь, Реноме, 1998.
14. Легенды Крыма / [сост. Филатова М.С.]. Симферополь, 1998.
15. Легенды Крыма. Вып. I / [сост. Маркс Н.А.]. Симферополь, 1990.
16. Легенды Крыма. Вып. II / [сост. Маркс Н.А.]. Симферополь, 1990.
17. Легенды Крыма. Вып. III / [сост. Маркс Н.А.]. Симферополь, 1990.
18. Мифы народов мира. Т. I / [гл. ред. С.А. Токарев]. М., 1991.
19. Мудрость веков. Книга для чтения. Ч. I / [сост. Хайрулдинов М.А.]. Симферополь, 1996 г.
20. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар / [под ред. А.Н. Самойловича, П.А. Фалева]. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 1-67.
21. Радде Г. Крымские татары. К., 2008.
22. Роман о лисе / [пер. А.Г. Наймана]. М., 1987.
23. Русские народные сказки / [собр. Афанасьев А.Н.]. Баку, 1990.
24. Серебряная книга лучших сказок мира / [пер. и сост. Г. Шалаева]. М., 1994.
25. Сказки и легенды крымских татар / [сост. А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин]. Симферополь, 1991.
26. Сказки и легенды татар Крыма / [подготовка текста и вступительная статья С.Д. Коцюбинского]. М., 1992.
27. Тюркские народы Крыма / [отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чиждова]. М., 2003.
28. Усеинов Л.Б. Древние обряды и обычаи, запечатленные в крымскотатарской волшебной сказке // Культура народов Причерноморья. 2002. № 36. С. 292-294.
29. Усеинов Л.Б. Разновидности крымскотатарских сказок о животных // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52, Т.1. С. 173-176.
30. Усеинова В.Э. Символика гор в крымских сказках и легендах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://turkolog.narod.ru/info/I176.htm>
31. Фольклор. Танец с платком. Ромашки. Легенда о змеях // Ватан. 1991. № 1 (4). С. 26-29.
32. Фонтан слез [Электронный ресурс] / [легенда в записи Филатовой М.С.]. Режим доступа: <http://sightofcrimea.narod.ru/sights/legend/fountain.html>
33. Хайрулдинов М.А., Усеинов С.М. Этикет крымских татар. Симферополь, 2001.
34. Харахады С.И. Крымскотатарский фольклор в экологическом воспитании детей // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 260-263.
35. Чеглок А. Красавица Таврида [Электронный ресурс]. М., 1910. Режим доступа: <http://www.kirimtatar.com/Story/cheglok/cheglok7.html>
36. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / [пер. и комментарии Е.В. Бахревского]. Симферополь, 2008.
37. Paksoy H.B. Chora Batir: a Tatar admonition to future generations // Studies in comparative communism (London - Los Angeles). Vol. XIX Nos. 3 and 4; Autumn / Winter 1986. P. 253-265. Режим доступа: <http://www.euronet.nl/users/sota/paksoy15.html>

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

ТЕРЕХОВА М.В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Традиционное природопользование крымских татар достойно рассмотрения по ряду причин. В первую очередь, потому, что вопрос этот малоизучен, однако, исследования в данном направлении могут способствовать решению ряда острых историко-культурных противоречий, улучшению межэтнического диалога в Крыму. Кроме того, изучение форм и видов исторического природопользования может способствовать оптимизации природопользования современного. Без учета опыта хозяйствования предыдущих поколений невозможно создать продуктивную и экологически безопасную схему природопользования.

При выборе источников информации о традиционном природопользовании крымских татар особое внимание было уделено описаниям быта, материальной культуры и типов хозяйствования, оставленным учеными XVIII-XIX вв. и более ранним описаниям путешественников. Подобного рода материалы дают наиболее ценную информацию «из первых уст». Кроме того, изучение свидетельств современников дает возможность не только установить основные черты хозяйствования крымских татар, но и проследить закономерности их изменения и реорганизации со временем. Хронологически источники можно разделить на две группы: относящиеся к периоду Крымского ханства (1478-1783 гг.) и к более позднему времени.

При работе с источниками, важно учитывать возможность необъективности и предвзятости оценки авторов, непосредственных свидетелей описываемых событий и явлений. Поэтому, при использовании подобного рода материалов, всегда следует иметь в виду ту историко-культурную обстановку, в которой тот или иной источник создавался. Неудивительно, что кардинально отличаются взгляды на многие историко-культурные аспекты, к примеру, Эвлии Челеби (путешественника XVII в.) и В.Х. Кондараки (краеведа XIX в.). Иногда существенные различия имели место и в позициях современников, например, различные оценки водопользования крымских татар, данные В.Х. Кондараки и А.А. Андриевским.

Основное внимание в статье уделено природопользованию периода Крымского ханства (1441-1783 гг.) и первым десятилетиям после присоединения Крыма к России. При этом, учитывается важность культурного наследия и влияния христианского населения Крыма (в частности, греков) и тюркоязычных предков на формирование методов хозяйствования крымских татар. Это касается практически всех направлений природопользования. Крымские татары во многом лишь «переосмыслили» и приспособили схемы хозяйствования, существовавших до них на территории Крыма. В период Крымского ханства сильным было турецкое влияние, сказавшееся в определенных сферах хозяйства крымских татар и его территориальной организации.¹

Этнос крымских татар неоднороден. Выделено три субэтнические группы: степняки или ногаи, горцы или таты и южнобережцы. Природные условия проживания, а, значит, и модель природопользования субэтносов столь различны, что словосочетание «природопользование крымских татар» является понятием собирательным и требующим уточнения.

Южнобережцы. В этногенезе этой группы основную роль сыграли греки, готы, малоазийские турки и черкесы, а в жителях восточной части Южного берега есть также кровь итальянцев (генуэзцев). У жителей многих деревень Южного берега вплоть до депортации сохранялись элементы христианских обрядов, унаследованных ими от греческих

¹ В 1478 г. крымский хан Менгли-Гирей I признал верховную власть турецкого султана. Весь южный берег Крыма, Керченский полуостров, северные склоны Крымских гор по линии от Инкермана до Феодосии оказались в прямом подчинении турок. В кефинский санджак входили города Кафа (Кефе), Мангуп, Судак, Керчь, Балаклава, Инкерман и 111 деревень [10, с. 145-147].

предков. В расовом отношении южнобережцы принадлежат к южно-европейской (средиземноморской) расе и внешне похожи на турок, греков и итальянцев. [7, с. 15-16].

Степняки (ногаи). Основное участие в этногенезе этой группы приняли западные кыпчаки (половцы), восточные кыпчаки и ногайцы (от этого и пошло название ногаи). В расовом отношении ногаи - европеоиды с элементами монголоидности (~10 %). Диалект ногаев принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков, сочетая в себе черты кыпчакско-огузских языков (карачаево-балкарский, кумыкский) и кыпчакско-ногайских (ногайский, казахский) [7, с.16-18].

Горцы (таты). До депортации таты проживали в горах и предгорьях, то есть к северу от южнобережцев и к югу от степняков. Этногенез татов - очень сложный и не до конца изученный процесс. В формировании этого субэтнуса приняли участие практически все народы и племена, когда-либо жившие в Крыму. Это тавры, скифы, сарматы и аланы, готы, греки, черкесы, болгары, хазары, печенег и западные кыпчаки (известные в европейских источниках как куманы или команы, а в русских как половцы). Особо важной в этом процессе считается роль готов, греков и кыпчаков. От кыпчаков таты унаследовали язык, от греков и готов – материальную культуру [3]. Готы, в основном, приняли участие в этногенезе населения западной части горного Крыма (Бахчисарайский район). Тип домов, которые строили крымские татары в горных деревнях этого региона до депортации, некоторые исследователи, например, Б.А. Куфтин, считали близким к готскому [4]. Нужно заметить, что приведённые данные об этногенезе татов до некоторой степени являются обобщением, так как население практически каждой деревни горного Крыма до депортации имело свои особенности, в которых угадывалось влияние того или иного народа. В расовом отношении таты относятся к средневропейской расе, то есть внешне похожи на представителей народов центральной и восточной Европы (русских, украинцев, поляков, немцев и т. д.). Диалект татов имеет как кыпчакские, так и огузские черты и является до некоторой степени промежуточным между диалектами южнобережцев и степняков. На этом диалекте основан современный крымско-татарский литературный язык [7, с. 25-27].

Селитебное и транспортное природопользование. Существенные различия в организации поселений и жилищ степняков и горцев были обусловлены несхожестью образа жизни кочевников-скотоводов (которыми были степняки) и оседлых земледельцев (жителей гор и предгорий).

Процесс оседания ногайцев проходил вплоть до XIX в. Первоначальным типом поселений степняков были временные стоянки-кочевья. При постепенном переходе к оседлому образу жизни типы жилищ видоизменялись.

Оседлые поселения в горно-предгорной части полуострова появились значительно ранее. Большинство средневековых крымско-татарских поселений этого региона располагались буквально на фундаментах строений их этнических предков - таврских, скифских и греческих городищ и селищ [3, с.15-18].

Во второй половине XIII в. к северу от Судака возникает первый татарский административный центр Солхат, получивший в XIV в. новое название - сначала «Къырым», а затем «Эски-Крым» (Старый Крым). Через него начинают проходить основные торговые караванные пути, связавшие Западную Европу со Средней Азией и Дальним Востоком. В середине XVII в. город стал приходить в упадок, а его жители начали переселяться в близлежащий Карасубазар. Именно этот город стал впоследствии крупнейшим татарским поселением [1, с. 34; 4]. Кроме того, важное значение в разные исторические периоды имели такие поселения, как Бахчисарай, Гёзлёв, Ор-Капу, Ак-Мечеть.

Наиболее емкой и корректной на сегодняшний день считается классификация жилищ крымских татар по Б.А. Куфтину [2, с. 30-36]. Он выделяет 4 основных типа жилищ: а) Татарский дом г. Бахчисарая; б) Деревенский дом Бахчисарайского района; в) Дом степного района Карасубазара и Симферополя; г) Дом южнобережного района.

Поскольку большинство крупных татарских поселений и городов возникало на местах, ранее заселенных, пути сообщения, существовавшие между ними, тоже в массе своей были не новы. Однако дорожная сеть была развита плохо.¹

Сельскохозяйственное природопользование.

Главными формами сельского хозяйства, издревле сложившимися в двух основных зонах полуострова (степной и горно-прибрежной) было скотоводство в первой из них и земледелие во второй. Они базировались на двух типах культуры - кочевой и оседлой, что, в свою очередь, диктовалось различными природно-климатическими особенностями среды, в которой эти виды хозяйственной деятельности развивались. Кроме того, в каждом районе полуострова были развиты свои традиционные промыслы: на западном и восточном побережье - рыбная ловля, в степи и горах - охота, в определенных районах степной зоны и южного берега - в очень незначительной мере птицеводство, в горах - бортничество [5; 11].

Татары степной части полуострова традиционно занимались скотоводством: разведением крупного рогатого скота, овец, коз, лошадей. Однако, поскольку скотоводческое хозяйство татар было весьма примитивным и не могло в полной мере прокормить их, татары издавна дополняли его кочевым земледелием, которое сочеталось с кочевым образом жизни и не нарушало его [13, с. 39-43]. Поэтому, со временем они стали выращивать ячмень, просо и рожь. Долгое время ногаи в очень незначительной степени занимались овощеводством для собственных нужд, но разводили большими баштанами (бахчами) арбузы и дыни.

В горно-прибрежных районах Крыма доля земледелия в структуре хозяйства была значительно более высокой. Занимались садоводством, табаководством, виноградарством. Однако, скотоводству традиционно уделяли внимание, так как именно на него было ориентировано хозяйство Крымского ханства. Разводили крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей. При этом чабаны использовали яйлы в качестве пастбищ для скота. Яйлы отличались наличием густого разнотравья, которое и служило подножным кормом для выпасаемого скота.

Для посадки садов, ореховых и табачных плантаций, виноградников вдоль южных склонов гор татары высекали среди лесных зарослей поляны - «чаиры». Иногда на плантациях использовали искусственное орошение с помощью горных ручьев. [10, с. 198-199]. Опыт чайров ценен для исследований с точки зрения мягкой интеграции человека со своими хозяйственными нуждами в окружающую среду, однако, нельзя забывать о существенных различиях в величине спроса на продукцию в настоящее время и в период ведения традиционных методов хозяйствования. Значительно увеличились масштабы растениеводства лишь с присоединением Крыма к России.

Водопользование.

Водопользование - один из ключевых аспектов ведения хозяйства. Степень обеспеченности водой значительно варьировалась в зависимости от региона Крыма. От систематической нехватки водных ресурсов страдала преимущественно северная часть полуострова. Здесь рыли неглубокие колодцы (до 15 саженей), либо пользовались (особенно в центральной части степи) пластовыми колодцами глубиной до 40 саженей. Использовались также *ауты* - мелкие запруды из дождевой воды или снега [10, с.243-245; 12]. В городах крымско-татарское население поддерживало на общественный счет системы водопровода, сооруженные, зачатую, в предшествующие века [13]. Водообеспечение крымских городов улучшилось с присоединением Крыма к России. После проведения серьезных геологических исследований почвы, с 1867 г. в степи начали бурить артезианские колодцы. В

¹ Характеристике путей сообщения большое внимание уделяет В.Х. Кондараки: «Крымский полуостровъ, по формѣ и расположенію главнѣйшихъ городовъ и селеній, долженъ имѣть три дороги: первую главнѣйшую — отъ Перекопа къ Севастополю, вторую — отъ Симферополя къ Керчи и третію — до Евпаторіи. Всѣ эти пути существуютъ, но въ такомъ жалкомъ положеніи, что послѣ дождей и въ зимнее время совершенно непроходимы. Отличіе ихъ составляетъ глинистая почва, которая послѣ дождей превращается въ клейкую массу, въ такой степени тормозящую колеса, что никто почти не рѣшается выѣзжать изъ дому безъ особенной крайности. Обстоятельство это печально вліяетъ на рынки всѣхъ почти городовъ Тавриды и нерѣдко заставляеть сельскихъ жителей оставаться безъ денегъ, а горожанъ приобрѣтать главнѣйшіе жизненные продукты отъ перекупщиковъ въ двое дороже» [4].

южной части полуострова уровень обеспеченности водными ресурсами был выше, но вследствие большого ее расхода на нужды земледелия, отношение к источникам воды было очень бережным. Есть свидетельства постепенного «разрабатывания» татарами ключей и родников с последующим их аккуратным и экономным использованием. [10]

На безводных яйлах чабанами создавались особые искусственные водоемы: дно будущего озера старались сделать водоупорным, поэтому присмотренную для данной цели воронку или балку заливали глиной с соломой, перемешивали и утрамбовывали. Так возникало немало «тынахов», предназначенных для того, чтобы поить пасущийся скот. Кроме того, случалось, что озерцом становилась на некоторое время воронка, много лет подряд размещавшая в себе «кош» - овечий загон. Перетоптанная, смешанная с навозом почва, становилась на время водоупорной. С течением времени искусственные озера протекали и лишались находящейся в них воды [8, с.157-158].

Лесопользование.

Из-за доминирования степной растительности, лесопользование и лесоразведение в северной части Крыма было практически нереализуемо. Поэтому говорить о лесопользовании можно лишь применительно к центральной и южной, горно-прибрежной зонам. В вышеуказанных районах, судя по сохранившимся свидетельствам, еще с античных времен велись вырубki леса для хозяйственных нужд. И уже с тех времен начинают встречаться письменные свидетельства об уменьшении некогда богатых и больших лесов [11]. В строительстве и в качестве топлива крымские татары использовали бук, граб, орешник, сосну крымскую, поскольку эти породы широко распространены в зонах, легко доступных для человека. В хозяйственных нуждах употребляли также дуб, можжевельник и кизил. Постепенно бывшие леса на местах вырубok вырождались в шибляки. Местами даже это мелколесье превращалось в редколесье, растущее на сланцах и обнаженных суглинках - «чахил». Особенно распространенными чахилы и шибляки стали на южнобережных отрогах Главной гряды Крымских гор. [8, с.203].

Соляной промысел.

Добыча соли издавна была одним из важнейших занятий жителей степной части полуострова. Первые сведения о соляном промысле относятся ко времени генуэзских поселений в Крыму. Есть сведения, что для целей охраны соляных озер владельцами были выстроены даже некие сторожевые пункты. Насколько это так, трудно сказать, но, судя по остаткам древних построек, существующих в окрестностях некоторых соляных озер, это предположение может быть небезосновательным.

После разгрома генуэзцев и уничтожения их богатых факторий, татары и турки, оставшиеся полными хозяевами Тавриды и Черного моря, поняли огромную выгоду, которую имели побежденные ими, и сами начали сами добывать соль. Ханы решили сделать лучшие из озер источником своих доходов и отдавали их на аренду за немалые для того времени деньги. Соляной промысел стал одной из наиболее существенных статей доходов Крымского ханства. Во времена правления последнего хана Шагин-Гирея (1777-1783 гг.), первое место в списках доходов занимала именно добыча соли. Из сакских озер соль, в основном, шла в Анатолию, из феодосийских же (принадлежащих наследнику хана калгесултану) - на Кавказ и в окрестности Азовского моря, а из перекопских - в Литву, Малороссию и дальше на север. В Малороссию соль вывозили чумаки.

После присоединения Крыма к России произошла реорганизация структуры соляного промысла. В 1804 г. для управления крымскими соляными озерами была учреждена особая экспедиция. Ежегодная добыча соли доходила до 5 млн. пудов, причем, современники утверждали, что ее добычей занимались преимущественно татары. Соляные озера были известны к югу от Перекопа, на Керченском полуострове, в западной части - около Евпатории и в Саках: всего существовало около 400 озер. Считалось, что крымская соль по вкусовым качествам всегда была лучшей и не имела конкурентов. Соль начинала осаждаться в озерах в конце июля - начале августа, а в жаркое и сухое лето - уже в июне. Пласты ее имели толщину до 10 см, и рабочие ломали их «бешпармаками» - особого рода пятипалыми вилами с железными наконечниками, бравшими только соляной пласт и не трогавшими грязь [10, с.301-302].

Добыча строительных материалов.

Добыча строительных материалов не велась в Крыму в больших, товарных масштабах. Однако некоторые местные ископаемые использовались для строительных целей еще греческими поселенцами. Первым таким материалом стал ракушечный известняк, использовавшийся достаточно широко. Кроме него, издавна использовали нумуллитовый известняк и желтый песчаник [5]. Первый широко применяли при строительстве татары и турки во время - они воздвигали из него, наряду с привозным белым мрамором надгробные памятники. Местные же породы мрамора и диорит долгое время не привлекали внимания жителей Крыма. Не найдено ни одной строительной детали из этих материалов. Не умели они его отделять, либо оставляли без внимания из-за хрупкости и твердости - неизвестно. Однако есть свидетельства, что древние греки выжигали известь из этих пород камня, турки же и татары этим не занимались в убеждении, что *«камни упали с неба и всякий, подвергающий этот благословенный минерал огненным истязаниям, будет проклят пророком»*.

Крымский мрамор впервые обратил на себя внимание только в 30-х годах XIX в. при князе Воронцове, задумавшем использовать его при строительстве дворца в Алушке. Лишь тогда убедились, что этот материал пригоден для отделки.

Одно время широко используемой глиной была мыловатая, известная у татар под названием *«кил»*, она принадлежит к роду мергелей и имеет желтоватый цвет. Самые большие ее залежи находятся в южной части Крыма - около скалы Ак-Кая, по долинам рек Альмы и Качи, а также рядом с Инкерманом и Балаклавой. Во времена ханского владычества в Крыму кил вывозился в больших количествах в Турцию, где употреблялся в банях вместо мыла. Однако уже к XIX в. ее использование в быту значительно снизилось, что связано, прежде всего, с появлением других моющих средств и прекращением постоянных поставок в Турцию [4].

Рекреационно-лечебное природопользование

Интересным аспектом изучения является становление и развитие на территории Крыма рекреационно-лечебного природопользования. По некоторым свидетельствам, в том числе С.Н. Маркова [5] и А. Чеглока [11], использование таких ресурсов, как лечебные грязи и воды минеральных источников, было знакомо татарам уже ко времени формирования Крымского ханства. Однако более существенное развитие эта область получила с присоединением Крыма к России. С этим же фактором связано и начало эксплуатации рекреационных ресурсов крымского Южного бережья.

Источники и литература:

1. Куртеев Р.И., Когонашвили К.К. Этнический термин «татар» и этнос крымские татары // Сквозь века. Народы Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1995.
2. Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (Материалы и вопросы). М., 1925.
3. Крикун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII-XX вв.). Симферополь, 1998.
4. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875.(в электронном виде).
5. Марков Е.Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории, природы. Симферополь, 1995.
6. Меметов А. Крымские татары (историко-лингвистический очерк). Симферополь, 1993.
7. Музафаров Р. Крымскотатарская энциклопедия. Симферополь, 1995.
8. Терехов В.П. За перевалом перевал. Книга о Горном Крыме. Симферополь, 2007.
9. Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
10. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. Ред. С.Я.Козлов, Л.В.Чижова. М., 2003.
11. Чеглок А. Красавица Таврида. Издание К.И.Тихомирова, Москва, 1910.
12. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь, 1996.
13. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М., 1964.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАТОВА Мария Александровна	Аспирантка кафедры российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
АРИФОВ Абдурахман Сеитмустафаевич	Преподаватель истории средней общеобразовательной школы села Яркое поле Автономной Республики Крым
АРУТЮНЯН Лариса Владимировна	Преподаватель Севастопольского филиала Саратовского государственного социально-экономического университета
КАШИРИНА Екатерина Сергеевна	Преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования Филиала МГУ в г. Севастополе
КРАПИВЕНЦЕВ Максим Юрьевич	Преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе
КРАПИВИН Александр Васильевич	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Донецкого национального университета
ЛИНЕЦКАЯ Тамара Алексеевна	Младший научный сотрудник Крымского республиканского учреждения «Этнографический музей» (г. Симферополь)
НИКИТИНА Ирина Витальевна	Старший научный сотрудник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя
НОВИКОВА Елена Викторовна	Кандидат исторических наук, преподаватель истории средней общеобразовательной школы № 24 г. Севастополя
ПОДБЕЛЬЦЕВА Евгения Викторовна	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования Филиала МГУ в г. Севастополе
ФИЛАС Виктор Николаевич	Кандидат исторических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Запорожского юридического института МВД Украины
ФИЛИМОНОВ Сергей Борисович	Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой российской истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

* * *

КРАПИВЕНЦЕВА Валерия Андреевна	Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе
КУЗЬМИНА Анна Васильевна	Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе
СИДОРОВИЧ Егор Сергеевич	Студент V курса исторического факультета Херсонского государственного университета
ТЕРЕНТЬЕВА Елизавета Михайловна	Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе
ТЕРЕХОВА Мария Всеволодовна	Студентка IV курса отделения «География» Филиала МГУ в г. Севастополе

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секциях «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» и «История природопользования в Причерноморье» на VII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2009 году / под общей редакцией В.И. Кузицина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.Б. ФИЛИМОНОВ, В.В. ХАПАЕВ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 21.01.10 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 14,12 п.л., уч. изд. л. 4,7.
Распространяется через сеть Интернет**

